

**ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО «РАДЕТЕЛЬ»**

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

25

МОСКВА

2024

Главный редактор: д.и.н., проф. С.В. Алексеев

Редакционная коллегия:

д.и.н. Д.М. Володихин (заместитель главного редактора),
д.и.н. О.А. Плотникова,
к.и.н., доц. Г.А. Елисеев,
к.и.н. О.И. Елисеева,
к.и.н., доц. А.А. Инков (ответственный секретарь)

Редакционный совет:

д.и.н. Д.М. Володихин (председатель),
д.и.н., проф. М.С. Бобкова,
д.и.н. А.П. Богданов,
д.и.н., проф. Ю.А. Васильев,
д.и.н., проф. Д.Д. Пеньковский,
д.и.н. А.Б. Ручкин
д.и.н., проф. Г.В. Талина

Историческое обозрение. Вып. 25. М.: НП «Историко-просветительское общество “Радетель”» ; Изд-во Национального института бизнеса, 2024. — 86 с.

Двадцать пятый выпуск ежегодного альманаха «Историческое обозрение» включает статьи, посвященные различным проблемам истории России, историко-культурной тематике. В сборнике представлены избранные материалы Международной научно-практической конференции «Культурное наследие: обобщение экспедиционного опыта» (ноябрь 2022 г.), и Всероссийской научно-практической конференции «История: наука, ремесло, искусство» (январь 2023 г.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Богданов А.П. «Летописец выбором» в Век Просвещения	4
Белов Н.В. Гроза кануна опричнины: опала князей Воротынских в 1562 году и серпуховское «изменное дело»	24
Иртенина Н.В. Новые лица в родословии Н.В. Гоголя: Косяровские, Шостаки, Щербаки. Генеалогическое исследование	33
<i>МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ОБОБЩЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ОПЫТА»</i>	49
Боронина Е.Г. Исторический аспект экспедиционной деятельности В.М. Щурова	50
Сорокин В.Б. Исторический и территориальный факторы концептуального планирования фольклорных экспедиций	54
Карлова У.С. Песенная культура семейских Забайкалья (по материалам экспедиций 2020, 2022 гг. в сёла Старый и Новый Заган Мухоршибирского района Республики Бурятия)	59
<i>ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЯ: НАУКА, РЕМЕСЛО, ИСКУССТВО»</i>	63
Алексеев С.В. Назначение истории и историка	65
Володихин Д.М. Поворот к лицу: исторический персонализм как современная философия истории	69
Андреев А.Н. Мистика как маркер гуманизма	73
Сведения об авторах и аннотации статей	81
Правила представления рукописей авторами	85

«ЛЕТОПИСЕЦ ВЫБОРОМ» В ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ

Популярнейшим во 2–3-й четверти XVII в. кратким памятником общерусского летописания был «Летописец, написан выбором из старых летописцев, что учинилося в Московском государстве и во всей русской земле в нынешняя последняя времена». В начале 1980-х мы дали ему краткое название «Летописец выбором» (Богданов, 1983а: 31–39, прим. 7–8; прилож. 7–16). Постепенно было обнаружено более 20 его списков, но число их закономерно продолжает расти (Богданов, 2020д; Богданов, 2020б; Богданов, 2020в; Богданов, 2021г; Богданов, 2022). Судя по тому, что почти каждый список дает новую редакцию, между которыми угадываются значительные пробелы, рукописная традиция этого памятника была весьма обширной. Хотя сам «Летописец выбором» уже в 1680-х гг. активно вытеснялся производным от него Кратким Московским летописцем (Буганов, 1976; Богданов, 1991; Богданов, 2020г), его воздействие на краткое общерусское летописание оставалось значительным и в XVIII столетии. Оригинальные памятники Века Просвещения, основанные на «Летописце выбором», правильно рассматривать как продолжение его традиции в новом культурном контексте. Это верно текстологически и позволяет лучше понять перемены взглядов традиционно образованных россиян в новых исторических условиях. На генезисе текстов мы здесь и сосредоточимся, отставив проблемы герменевтики на будущее.

Спасо-Прилуцкая историческая компиляция

Составитель Спасо-Прилуцкой исторической компиляции с древнейших времен до конца 1730-х гг. обладал двумя списками более ранних летописей: «Летописца выбором» и Краткого Московского летописца, — один из которых был доведен до 1702 г. Разделение их текстов представляет собой сложную и интересную задачу, связанную с текстологией обоих памятников и решаемую с привлечением для сравнения всех их списков. Решению её, с атрибуцией каждой летописной статьи одному из памятников, мы посвятили специальную работу (Богданов, 2021в). Она включила полное кодикологическое исследование авторского сборника со Спасо-Прилуцкой компиляцией, сохранившейся в двух последовательных редакциях¹, реконструкцию творческого процесса вологодского историографа, протекавшего с августа 1729 по сентябрь 1730 г., а также издание летописных статей сочинения с анализом происхождения каждой из них. Работа эта, представляющая читателю творчество неизвестного ранее мыслителя, по объёму весьма велика. Здесь мы изложим лишь то, что важно для истории летописания конца XVII в. и XVIII вв.

Обе редакции компиляции представляют собой общерусское историческое сочинение, дополненное в конце вологодскими записями, указывающими на место работы составителя. В первой редакции составитель выбрал сведения о важных исторических событиях из печатных календарей за 1726 и 1727 гг., Пролога, Миней четых, дополнив ими хронологическую канву, составленную по двум имевшимся у него кратким летописцам (л. 32–58 об.). Начиная с 1727 г., которым завершался первоначальный текст, в общерусском сочинении появляются авторские записи о спасо-прилуцких событиях. Внесены они были, как увидим ниже, не сразу: первоначально автор мыслил сочинение как целиком общерусское.

Редактируя и дополняя первую редакцию компиляции, составитель на поле против записей за 1727 г. (л. 50 об.) добавил: «В лето 1727 августа дня 3-го пришествие

¹ ГИМ. Собр. А.С. Уварова. № 48. 2°. Л. 1–58 об. и 60–136.

бысть к Вологде преосвященнаго Афанасия епископа на престол свой из Санкт-Петербурга»¹. На л. 51 об. на поле против указа Петра II от 25 февраля 1727 г. о церковных торжествах по поводу его коронации вписано: «О сем времени тако объявлено указом и архиерейскаго дому в Спасов-Прилуцкий монастырь». Локализация составления компиляции в Спасо-Прилуцком Вологодском монастыре надёжно подтверждается помещенными далее документами².

Итак, дополняя первую редакцию (как увидим ниже – в 1730 г.), составитель включил в её финальный текст спасо-прилуцкие и вологодские сведения за 1729–1730 гг., а к двум уже имевшимся статьям 1727 г. сделал местные дополнения. Все они перешли во вторую редакцию. При этом над текстом от начала до конца трудился один человек, составляя своё произведение согласно оригинальному методу и замыслу. Ход его работы над сочинением, составившим авторскую книгу, хорошо прослеживается по кодикологическим признакам.

Кодекс со Спасо-Прилуцкой компиляцией представляет собой беловой автограф. Он был написан одним почерком, ровной прямой скорописью 2-й четверти XVIII в., на бумаге со знаком Герб г. Амстердам четырех разновидностей:

1) л. 1–53, с контрамаркой IB (в две линии), типа Клепикова (Клепиков, 1958), № 113 — 1720 г.; более точно Диановой (Дианова, 1988) № 420 — 1727 г.

2) л. 54–136, с контрамаркой I MAROT (в две линии), точно не атрибутируется; у Клепикова (Клепиков, 1958) № 73 — 1730 г., контрамарка прочтена как E MAROT; в историческом сборнике второй половины 1720-х гг. РНБ. Ф. 885. Эрмитажное собр. № 22 (Ф–11, 12) и списке Нижегородского краткого летописца XVIII в. РГБ. Ф. 304. II. № 18 мы видим подобный знак с контрамаркой F MAROT; то же у Диановой (Дианова, 1988) № 353 — 1735 г.

3) л. 137–138, с контрамаркой IL (в две линии), близок типу Клепикова (Клепиков, 1958) с литерами IL, 1716–1740 гг.;

4) л. 139–144, с контрамаркой PCL (в две линии), сходен с Диановой (Дианова, 1988) № 216 — 1730 г.; ту же бумагу видим в Пространной редакции Латухинской Степенной книги с дополнениями РНБ. F.IV.221 (Ф–5).

Датировку по бумаге мы можем уточнить для всей рукописи и ее частей, обратившись к содержанию кодекса. Оно складывается из двух *беловых* редакций одной развивающейся компиляции, на л. 1–58 об. (с прибавлением «Публикации» из Киевского патерика, л. 139–144 об.) и 59–136. Анализ Уваровской рукописи точно показывает процесс ее создания. Аноним, размышлявший над своим историческим трудом в Вологодском Спасо-Прилуцком монастыре, совершил работу в четыре этапа.

¹ Имеется в виду Афанасий (в миру Анастасий Пауссиус-Кондоиди), епископ Вологодский с 9 октября 1726 до 17 сентября 1735 г.

² Вслед за статьей об указе от 25 февраля 1727 г. в тексте помещены статьи: а) от 31 октября 1729 г. о путешествии в Москву Арсения, архимандрита Спасо-Прилуцкого монастыря, назначенного архимандритом Чудовского монастыря (л. 51 об.–52); б) от 1 сентября того же года о посвящении в архимандриты Спасо-Прилуцкого монастыря родного брата Арсения, бывшего ризничего Вологодского архиерейского дома иеромонаха Гавриила (л. 52); в) сообщение о получении епископом Вологодским и Белозерским Афанасием указа святейшего Синода с объявлением о коронации Анны Иоанновны (л. 52 об.); г) после статьи об указе 4 мая 1730 г. идет цветистая, с большими похвалами Спасо-Прилуцкому архимандриту Арсению, статья о начале им 4 июня 1729 г. строительства колокольни в монастыре, которое закончено «сего настоящего 17030 (так в тексте. — А.Б.) года июня 7 числа» (л. 54); д) статья о поездке епископа Афанасия в Москву 31 мая 1730 г. и возвращении его 8 августа (л. 54 об.); е) о поездке в Москву вологодского воеводы И.А. Тормасова с 5 июня по 21 июля 1730 г. (л. 54 об.); ж) пространная статья о засушливости «сего лета» 1730 г., о начавшихся в сентябре дождях и перспективах урожая на следующий год (54 об.–55 об.); з) о возвращении бывшего архимандрита Арсения в Спасо-Прилуцкий монастырь архимандритом же 19 декабря 1730 г. (л. 56 об.).

1. В августе-октябре 1729 г. он на бумаге Ф-1 написал основную часть первой редакции своей исторической компиляции, названной им «летописцем»: «Книга, содержащая в себе Летописец от Адама даже до днесь по вселенней происходимому и памяти достойному действию» (л. 1); «Летописец от Адама до Потопа и от Потопа до Христа, и от Христа последующее; и что в котором году и месяце и числе чинилось в государстве всероссийском, а именно в царствующем града Москве, памяти достойное» (л. 32). Составитель выбрал сведения о важных исторических событиях из печатных календарей за 1726 и 1727 гг., Пролога и Миней четых, дополнив ими хронологическую канву, составленную по двум имевшимся у него кратким летописцам (л. 32–58 об.). Автор счел основной текст компиляции законченным уже в октябре 1729 г., после трехмесячной работы, когда и составил оглавление. На поле перед основным текстом (л. 31 об.), после краткой молитвы, он заметил: «Написах книгу сию М:С:Ж: в августе, в сентябре, в октябре месяцах 1729 года. Финис, конец. Корона. Венец. Опус, делу» (автор перевел для себя выражение *Finis korona opus* — конец делу венец). Датирующая запись точна: первоначальный текст (на бумаге Ф-1) оканчивался спасо-прилуцкими статьями под 1 сентября и 15 октября 1729 г.

2. В декабре 1729 г. составитель сделал на бумаге Ф-4 дополнение: «Публикацию или объявление» из Киево-Печерского Патерика о св. отцах, завершив этот текст 21 числа. В конце текста он указал: «публикация сия написана бысть в декабре месяце, и окончися в 21 числе 1729 года. Финис корона опус / Конец венец делу» (л. 144 об. – в Уваровском кодексе «Публикация» расположена после второй редакции компиляции).

3. «Летописец» первой редакции был продолжен записями 1730 г., новыми чернилами, на оставшихся чистыми страницах бумаги Ф-1 (л. 52 об.–53), а затем на новой для него бумаге Ф-2 до декабря 1730 г. (последняя статья первой и второй редакции – указ императрицы Анны Иоанновны от 20 декабря об обмене полушек до 29 декабря 1730 г.¹). Тогда же, в конце 1730 г., автор дополнил и оглавление компиляции (л. 20 об. и след., 50 об. и след.). В текст и оглавление этими новыми чернилами вписаны статьи, начиная с записи об отбытии Спасо-Прилуцкого архимандрита Арсения в Москву 31 октября 1729 г., т.е. добавлен весь местный Спасо-Прилуцкий блок статей. В тексте этими новыми чернилами продолжено повествование после записи от 27 февраля 1728 г.

4. Не ранее конца 1730 г., но не позднее сентября 1731 г. (здравствующей указана в молитве царица Евдокия Федоровна, скончавшаяся 27 августа 1731 г., а на доставку сведений о ее кончине требовалось несколько дней) на бумаге Ф-2 была написана вторая редакция компиляции (л. 59–136), озаглавленная: «Книга сия, содержащая в себе о воплощении Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и о действии его на земли, и о святых его апостолах, и по них о просиявших святых добродетелию, и па нем мучениех, как во странах Палестинских, так и в Росийских, и о всероссийских князех, и о царех, и о императорском величестве, и о указах его величества, и памяти достойных, даже до днесь. О святых же, в которые лета как Мира, так и Господних быша, и к тому о прочих всех, о их же сей летописец воспоминает. Конечнее же, как опще рещи, от Христа и до днесь летописец».

Вторая редакция компиляции была создана Спасо-Прилуцким составителем после размышлений, в ходе которых он существенно продвинулся как историограф и сделался любопытной фигурой среди современных ему россиян — любителей истории. Эту редакцию компилятор дополнил двумя глубокомысленными «предисловиями на последствующий летописец», в которых указаны источники компиляции, задачи исторического сочинения, мнение о пользе исторических знаний и настоятельной необходимости ведения продолжающихся летописных записей (л. 60–62 об.).

¹ Это один из серии указов, издававшихся с осени 1730 до лета 1731 г., последовательно выводивших из оборота монету чеканки с 1728 г., а затем предыдущих лет, до 1700 г. включительно.

Составитель сделал к сочинению несколько указателей, а его текст дополнил статьями из Месяцеслова¹, печатных Миней за август², Патерика Печерского и печатной же Псалтири с воследованием³, «Летописца латинского», как обозначена Хроника Мацея Стрыйковского⁴, «Кроники российской»⁵ и «Синописа» Иннокентия Гизеля⁶, печатного Календаря за 1726 г.⁷ Хроника деяний Петра I и его наследников с 1721 г. во второй редакции включила дополнительно реляцию генерала Долгорукова от 5 апреля 1727 г. о ходе Персидской кампании, указы о титуловании Петра I, Екатерины I, Петра II и Анны Иоанновны, ряд других указов 2-й четверти XVIII в., память о которых была объявлена в предисловии принципиально важной для россиян.

Выписки из новых источников расставлены между статьями, имевшимися в первой редакции компиляции. В большей мере были привлечены и тексты старых источников автора. Это заставляет нас полагать именно вторую редакцию Спасо-Прилуцкой компиляции основным источником для исследования летописцев XVII в., при непременном сравнении, разумеется, с первой редакцией.

Основной текст «летописца» второй редакции, с распятия Иисуса Христа до указа от 20 декабря 1730 г. о полушках (как и в первой редакции), идет с л. 84 об. до л. 136. В его передаче компилятор старался следовать модной в его время структуре, заключив текст в таблицу (мы ещё встретим такую форму):

Лето Мира	Междолетие	Лета Господня	Действительное описание
-----------	------------	---------------	-------------------------

Лист бумаги Ф-3, того же времени (л. 137–138), был вставлен чистым между второй редакцией и «Публикацией» при переплете кодекса. Таким образом, переплетение рукописи было сделано вскоре после завершения второй редакции. На это указывает и тот факт, что составитель сочинения своей рукой поставил правильные номера на нескольких перепутанных при переплете статьях. Иными словами, перед нами полностью законченная авторская книга, не испытывавшая каких-либо переделок, не санкционированных её составителем.

Очевидно, что историк, работавший над текстом своего сочинения, именуемого им летописцем, между августом 1729 и сентябрем 1731 г. в Спасо-Прилуцком монастыре, полагал ценными обе редакции. Обе они беловые, при том, что сложная составительская работа над каждой требовала черновиков. Обе вошли в авторский кодекс в последовательности их создания. Варианты поисков способа организации текста, например, в дублирующихся указателях—«реэстрах», составитель не стал исключать, очевидно, считая свои исторические эксперименты важными и полезными для грядущих поколений.

Так оно и есть. Спасо-Прилуцкая историческая компиляция 1729–1731 гг. достойна отдельного исследования и полного издания как замечательный памятник историографии XVIII в., отразивший поиск новых форм и методов исторического повествования, на основе традиционного летописания, но с учетом перемен во взглядах после реформ Петра I. Одной из таких перемен, которую Спасо-Прилуцкий автор показал в тексте обеих редакций и специально подчеркнул в предисловии ко второй редакции,

¹ Месяцеслов до 7134/1626 г. Под этим годом во второй редакции компиляции на л. 119 об. записано: «Месяцеслову окончание».

² См. ссылку на л. 106.

³ См. ссылки на л. 110–110 об.

⁴ *Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi* по одному из поздних переводов с дополнениями (статья о землетрясении в Нидерландах не было в исходном тексте).

⁵ На нее даны многочисленные ссылки с л. 93 об.; на л. 95 об. указано, что ссылка на «Кронику российскую» взята из «Синописа».

⁶ Частые ссылки на «Синописис» идут с л. 91.

⁷ Ссылки на этот Календарь во второй редакции читаем на л. 106 (под 1380 г.), 109 об. (под 1438 г.), 122 об. (под 1697 г.) и др.

было не встречавшееся нам в историографии предыдущего столетия крайнее начальстволюбие, признание роли и значения государства как руководителя и управителя жизни общества.

Для монаха, которым, скорее всего, являлся составитель компиляции, подобный восторг кажется странным, учитывая суровое подчинение Церкви и монастырей государству при Петре I, сопровождавшееся немалым разорением обителей и епархий. Однако Спасо-Прилуцкий компилятор в этом восторге не был одинок. Не отвлекаясь на общеизвестное мнение официозных церковных публицистов, вроде Стефана Яворского и Феофана Прокоповича, которых легко заподозрить в корыстном начальстволюбии, вспомним, с какой теплотой отозвался о почившем Петре I владыка не менее бедной, чем Вологодская, и столь же жестоко ограбленной государевыми чиновниками Великоустюжской и Тотемской епархии Боголеп Адамов в своем келейном, непредназначенном для чужих глаз историческом кодексе (Богданов, 2021а). Новая роль государства, видимо, вошла в умы и сердца мыслящих представителей Церкви по всей стране.

Продолжая дело становления исторической науки, начатое летописцами (Богданов, 2019: 18–82), а затем историками Игнатием Римским-Корсаковым и Андреем Лызовым в 1680–1690-х гг. (Богданов, 2020а: 44–262, 365–583), составитель компиляции стремился тщательно цитировать источники и обязательно ссылаться на них после каждой цитаты. Кстати, предположение о привлечении автором минимум двух рукописей летописцев XVII в. было легко сделать, поскольку он довольно старательно отмечает разночтения списков (л. 37–38, 39 об., 41 об., 107, 110, 113 об.–144, 119 об.–120 и др.), отсылая на «ин летописец» и т. п. На разные списки указывают также сохраненные в тексте особенности их лексики и орфографии, лишь частично унифицированные во второй редакции.

Составление компиляции именно из выписок, а не пересказа, оказалось крайне полезной особенностью Спасо-Прилуцкой компиляции. Составитель ничтоже сумняся передавал в тексте ошибки и даже опiski своих источников, позволяя нам провести текстологическое сравнение и выделить в компиляции достаточно полный текст весьма важной редакции «Летописца выбором».

Более того, вологодский «списатель» оказался пионером в точном наименовании другого важного летописного памятника, Краткого Московского летописца. В летописном повествовании, составившем прочную основу Спасо-Прилуцкой компиляции до 1682 г. включительно, ее составитель выделил главный компонент: «Летописец Московский», на который в тексте дано подавляющее большинство ссылок. Такого названия памятника в XVII в. не было: оно дано в 1976 г. выдающимся летописеведом В.И. Бугановым (Буганов, 1976). Прозрение ученого XX в., назвавшего памятник XVII в. так же, как компилятор XVIII в., было поистине гениальным, ведь ни единственный известный ему список Краткого Московского летописца, ни списки, найденные и изданные нами впоследствии (Богданов, 1991; Богданов, 2020г), не имеют названия «Московский».

В оригинале сохранившие название списки Краткого Московского летописца именуется (с незначительными вариациями): «Летописец написан от Сотворения мира, что учинилось в Московском государстве и во всей Руской земли». Название, как видим, отличается от заглавия «Летописца выбором» («Летописец написан из старых летописцев, что учинилось в Московском государстве и во всей Руской земли») лишь прибавлением начала истории от Сотворения мира, которое появлялось и в отдельных списках «Летописца выбором». Основное содержание истории в обоих памятниках неизменно сводится к теме «что учинилось в Московском государстве», т.к. даже в Кратком Московском летописце, включившем статьи о первых Рюриковичах, Москву основывает уже Вещий Олег. «Московским» по содержанию можно назвать почти любой краткий

общерусский летописец XVII в., в особенности переполненный чисто московскими статьями «Летописец выбором».

Сам вологжанин эти летописцы постоянно путает¹, так что разобраться, что откуда, нам помогает лишь сравнение каждой статьи компиляции со всеми списками «Летописца выбором» и Краткого Московского летописца (а также других памятников). В компиляции мы встречаем также ссылки на «Кронику российскую», относящиеся как к выпискам из «Синописа», так и к другому летописному памятнику, а также на «ин летописец». Тем не менее, мы в подавляющем большинстве случаев смогли установить, что откуда взято, сопоставив текст компиляции с известными летописями по всем редакциям и спискам. Не забывая при этом два существенных обстоятельства: 1) «Летописец выбором» и Краткий Московский летописец текстуально связаны, т.к. второй происходит от первого; 2) известные нам списки представляют лишь часть существовавшей рукописной традиции, причем не основную.

На наше счастье, составитель Спасо-Прилуцкой компиляции, этот святой человек, не пытался решать, какая из летописных статей вернее, или приводя их все отдельно, когда они шли под разными датами, или сопоставляя в одной погодной статье². Благодаря этому Иван Грозный в компиляции дважды взял Казань, в 7061 и 7069 гг., и дважды скончался, в 7091 и 7092 гг., слуги Годунова дважды убили царевича Дмитрия, в 7097 и 7099 гг., царь Фёдор Иванович дважды заложил Белый город (второй раз, по «Летописцу выбором», вместе с деревянным городом в Замоскворечье) и т. п. Временами компилятор, заметив такое дублирование, приводил статью один раз под ошибочной датой. Так он поступил со статьей о взятии Астраханского царства князем Ю.И. Пронским, перенеся это событие с 7062 г. (как в «Летописце выбором») на столетие вперед, в 7162/1654 г., как во всех списках Краткого Московского летописца.

История России при таком подходе выглядела фантастически. Александр Невский легко мог стать «Мстиславичем», Дмитрий Донской не затруднялся победить хана Батю³, а Василий Васильевич Темный стал (с легкой руки переписчиков «Летописца выбором» после правильного Благовещенского списка) «Ивановичем», что прямо противоречило образцовым для того времени текстам Хронографа Русского и Степенной книги, но в кратких летописцах читателя не смущало. Однако эта фантастика, поддающаяся текстологическому анализу, оказывается нам намного полезнее, чем домыслы современника нашего компилятора, В.Н. Татищева, писавшего «Историю Российскую» в то же самое время, но передававшего тексты своих летописных источников в высшей

¹ Компилятор разделял источники своих выписок из Краткого Московского летописца и «Летописца выбором», стараясь обозначать первый именно «московским летописцем», но путал, какой летописец является «московским», а какой «иным». Так, статья о голоде 1570 г., превратившемся в кратких летописцах в мор, первоначально (в 1-й редакции компиляции) была изложена по «Летописцу выбором» под 7078 г., а затем, с указанием «а по другим летописцам», по Краткому Московскому летописцу под 7079 г. «Летописец выбором» здесь выступал «Летописцем московским», Краткий Московский летописец — «другим», хотя чаще было наоборот. Затем (во 2-й редакции) за основной текст как «Летописец Московский» был взят Краткий Московский летописец, а «Летописец выбором» был обозначен как «Кроника Российская». Как видим, обозначения источников в компиляции не были особенно точны, тем более что уже в черновике 1-й редакции компилятор имел не сами памятники, но свод выписок из них, а при подготовке 2-й редакции чуть ли не год спустя в происхождении выписок вообще запутался. Все такие примеры мы исследовали в статье и публикации текста (Богданов, 2021в).

² Напр.: «6890/1382 ... В летописце Московском писано тако: Крымской царь Тахтамыш взял (л. 107) Московское государство обманом и крестным целованием и много православных христиан побил. А в других летописцах писано: Девяти человек убьет, а десятого жива пустит». Первая часть статьи по Краткому Московскому летописцу в Ивановском списке; в «Летописце выбором» Ярославской редакции такой же текст, но с другой датой: 6889. «Другие летописцы» — это пространная редакция «Летописца выбором» по Архивному, Благовещенскому и Симонову спискам, статья 6890 г.

³ «Великий князь Димитрий Иванович всеа России побил крымскаго царя Мамайя, а в других летописцах писано Батю».

мере творчески, — в развитие, впрочем, творческого подхода таких летописцев конца XVII в., как Исидор Сназин (Богданов, 2019: 18–82).

Именно благодаря тому, что составитель Спасо-Прилуцкой компиляции передавал летописные статьи так, как их прочёл, нам удалось восстановить состав сразу двух ценных редакций кратких общерусских летописцев.

Значительная часть текста компиляции была составлена из приведенных полностью (или почти полностью) статей особой редакции «Летописца выбором», доведенной от принесения во Владимир из Царьграда иконы Богородицы кисти евангелиста Луки князем Андреем Юрьевичем Боголюбским в 1153 г. — до 1645 г.¹ Она близка к редакции Ярославского списка, но использованный Спасо-Прилуцким компилятором текст более полон, чем Ярославский, особенно в отношении церковно-исторических записей. В нем приводилось больше московских городских известий, с большей точностью и подробностью. К тому же текст ранней редакции «Летописца выбором», переданный в компиляции, в ряде случаев не просто сходен с пространной редакцией памятника (в Архивном, Благовещенском и Симонове списках), но и содержит более верные ее чтения.

Текстологический анализ показал, что Спасо-Прилуцкий компилятор располагал протографом «Летописца выбором» Ярославской редакции или его архетипом, промежуточным между пространной и Ярославской редакциями. Логично предположить, что эта редакция была источником основного текста Ярославской редакции до ее сокращения в Ярославском списке. То, что эта промежуточная между ранними пространными редакциями Летописца выбором (по Архивному, Благовещенскому и Симонову спискам) попала в Спасо-Прилуцкий монастырь, не удивительно, учитывая налаженные книжные связи Ярославля с Вологдой, а Спасо-Ярославского монастыря, с которым связано создание Ярославской редакции «Летописца выбором» и появление ее сокращенного списка около 1691 г., со Спасо-Прилуцкой обителью.

Вероятно, именно подобная редакция, предшествующая «Летописцу выбором» по Ярославскому списку, в последней четверти XVII в. легла в основу создания нового памятника, Краткого Московского летописца. Все известные нам списки этого популярнейшего среди книжников и читателей сочинения, начиная с доведенного до 1676 г. Ивановского списка 1680-х гг., грешат неполнотой и неточностью, что видно было уже при сопоставлении их друг с другом. Используемая в Спасо-Прилуцкой компиляции редакция Краткого Московского летописца, доведенная до 1682 г. и созданная между 26 мая и 25 июня этого года², является самой ранней и в ряде случаев самой верной во всей известной традиции этого летописца. Неполнота ее текста, переданного компилятором лишь в основной части³, не позволяет использовать ее в публикации Краткого Московского летописца, но современное представление об истории текста этого памятника без этой редакции уже невозможно.

Помимо качества передачи раннего текста, открытая нами в Спасо-Прилуцкой компиляции редакция Краткого Московского летописца ценна тем, что предлагает оригинальное летописное продолжение с 1696 до 1702 г., приведенное в Спасо-Прилуцкой компиляции, судя по всему, полностью. Продолжение это было написано в Вологодской

¹ Из «Летописца выбором» взяты статьи 6740, 6742, 6888, 6901, 6935, 6960, 6964, 6969, 7013, 7055, 7061, 7065, 7071, 7073, 7077, 7078, 7079, 7080, 7090, 7092, 7093, 7098, 7099, 7100, 7102, 7103, 7107, 7109, 7113, 7114, 7119, 7129, 7121, 7127, 7137, 7139, 7141, 7153 (?), 7154 гг.

² Краткий Московский летописец был доведен до наречения Ивана и Петра на царство 26 мая и завершен не ранее их не упомянутого венчания 25 июня 1682 г. (именно венчание двух царей на царство привлекло основное внимание большинства летописцев).

³ В Спасо-Прилуцкой компиляции приведены статьи Краткого Московского летописца за 6662, 6681, 6687, 6753, 6833, 6834, 6841, 6875, 6888, 6890, 6892, 6905, 6951, 6968, 6970, 6974, 6976, 6998, 6999 (то же в ЛВ), 7009, 7022, 7030, 7060, 7068, 7069, 7074, 7079, 7089, 7091, 7094, 7097, 7104, 7113, 7134, 7139, 7142, 7153 (?), 7162, 7179, 7180, 7182, 7184, 7186, 7190 гг.

приказной избе в первые годы XVIII в., по-видимому, за один присест. От смерти царя Ивана Алексеевича, которая датирована летописцем 7203/1695, а не верным 7204/1696 г., его отделяло немалое время и существенные перемены, раз автор даже титул царя передал неточно. На приказную избу указывают источники приведенных летописцем статей. Это царский указ 21 февраля 1697 г. о замене соревновательного процесса розыском; первый (именной) указ Петра I о введении гербовой бумаги в России от 23 января 1699 г.; указ о новом летосчислении в госучреждениях от 19 декабря 7208/1699 г., датированный летописцем 1700 г.; именной указ 7209/1701 г. о составлении частных имущественных и финансовых документов в крепостных и пищих избах; именной указ от 39 декабря 7209/1701 г. о писании полных имен в челобитных, отмене снимания шапок в мороз, бросания на колени и поклонов на пути следования царского величества, из которого в летописце взято только то, что имело прямое отношение к делам местной приказной избы; наконец, именные указы от 9 и 12 марта 7210/1702 г. о новых формулировках в челобитных. Последний указ является и последней записью в тексте обеих редакций Спасо-Прилуцкой компиляции, подписанной как «Летописец Московский».

Подобную подборку документов можно было бы сделать в любой приказной избе на просторах России. Однако компилятор в 1720-х гг. обратился для продолжения текста к аналогичной группе документов, собранных именно в Вологде, завершив текст указом Анны Иоанновны от 20 декабря 1730 г. об обмене полушек (л. 57 об.–58 об., 135–136). Логично предположить, что в той же Вологодской приказной избе он нашел и Краткий Московский летописец с продолжением до 1702 г. Часть таких указов попадала, по традиции, и в Вологодский архиерейский дом. Но, во-первых, состав приведенных указов заметно шире компетенции архиерейского дома, во-вторых, в продолжении Краткого Московского летописца за 1696–1702 гг. нет следов епархиальных дел, которые интересовали компилятора, работавшего в Спасо-Прилуцком монастыре.

Третий, не атрибутированный пока летописный источник Спасо-Прилуцкой компиляции, представлял собой оригинальный летописец. С одной стороны, он был наполнен характерными фантастическими сведениями, вроде победы Дмитрия Донского над ханом Батыем, с другой, включал ряд статей, относящихся к Соловецкому монастырю в XVII в., которые в летописании в целом не были популярны. Надеемся, что и этот кратчайший памятник будет в свое время найден¹. Однако и роли Спасо-Прилуцкой

¹ Вставки из особого летописца, не связанного с редакциями «Летописца выбором» и Краткого Московского летописца, выделяются предположительно. Например, статью 7113 г. о смерти Бориса Годунова компилятор начал по Краткому Московскому летописцу: «Апреля в 9 день преставися на Москве царь Борис Годунов. И бысть царства его 7 лет 3 месяца». К этому он добавил версию ранней пространной редакции «Летописца выбором»: «а по другим летописцам пишет 6 лет и 8 месяцев», вставив далее фразу из иного, неведомого летописца: «а сына его Феодора Борисовича поставили во цари и крест целовали, царствовал 9 дней». Завершил же статью с указанием «и паки пишет» окончанием статьи Краткого Московского летописца: «того же лета воцарися на Москве сын его царевич Феодор Борисович всеа России, 16 лет. А царства его было 2 месяца». Отсутствует в «Летописце выбором» (кроме кратчайшего упоминания в Ярославском списке) и Кратком московском летописце подробная статья компиляции о медных деньгах под 7167/1659 г. Близкая по содержанию, но текстуально отличная статья читается лишь в Беляевском летописце под 7162/1654 г. (Россия, 1990: 32). Та же картина со следующей статьей 7176/1668 г. о поставлении патриарха Иоасафа; ее нет к двух основных летописных источниках компиляции, хотя сходный по содержанию рассказ читается в Мазуринском летописце Исидора Сназина, а более подробный — в пространной редакции Летописца 1619–1691 гг. (ПСРЛ, 31, 1968: 171, 184). Под тем же годом в компиляции помещена статья о Соловецком восстании, полностью вычеркнутая из «Летописца выбором» и Краткого Московского летописца; упоминание о нём было не популярно в сочинениях авторов, не сочувствующих староверам. Для составителя компиляции, однако, или для автора его третьего, неизвестного нам летописного источника, это восстание было весьма важным. Под 7184/1676 г. он приводит еще и отсутствующую в двух основных летописных источниках статью о подавлении Соловецкого восстания воеводой Мещериновым.

компиляции в истории текстов «Летописца выбором» и Краткого Московского летописца достаточно, чтобы высоко оценить сочинение безвестного вологодского автора.

Работа со Спасо-Прилуцкой компиляцией служит также хорошим уроком для любителей использовать сводные исторические сочинения XVIII в. как источник о более ранних событиях. Она дает великолепный материал для текстологии памятников, но отнюдь не для фактологии событий. В тех случаях, когда текст известных нам редакций «Летописца выбором» и Краткого Московского летописца совпадает с редакциями, использованными компилятором, мы видим, что он передавал текст источников очень точно. Вместе с тем он не стремился уточнять многочисленные заблуждения и исправлять ошибки в своих источниках, передавая их абсолютно некритически, вплоть до очевидного перенесения событий на век вперед, как в случае со взятием Астраханского царства. То, как смело он сочетал сведения из разных летописцев, нередко создавая логичные на вид конструкции из заблуждений источников, при этом легко их путая между собой, воистину живо напоминает тексты В.Н. Татищева и иных авторов Века Просвещения.

«Краткое ведение о народе словенороссийском и московском»

Популярный в XVII в., «Летописец выбором» как самостоятельное произведение не смог перешагнуть рубеж следующего столетия. В отличие от множества других летописных сочинений, его списков практически не обнаруживается в рукописях XVIII–XIX вв. Встречающиеся названия типа «Летописец изложен вкратце, написан памяти ради, что где сотворилось в прошлые времена и лета», подобные названию Олонецкого списка¹, нередко скрывают краткие сочинения, имеющие с «Летописцем выбором» уже мало общего². Тем не менее, он оказал заметное влияние на исторические сочинения XVIII в.

С «Летописцем выбором» связан популярный во 2-й четверти XVIII в. памятник, озаглавленный обычно как «Краткое ведение о народе словенороссийском и московском, выписано и сочинено из древних летописцев 1725 году» (Богданов, 1993). 1725 г. — наиболее ранняя дата, включенная в заглавие сочинения. Её называют два списка: Ундольского I-й и Амфилохия I-й³. Из них только первый действительно отражает редакцию «Краткого ведения» 1725 г.

«Собрание от летописателей краткого ведения от начальства великих монархов Российских» в рукописи Ундольского⁴ впервые было кратко описано А.Е. Викторовым (Викторов, 1870: № 810). Оно представляет собой таблицу номеров и дат монархов по: 1) «степени»; 2) «чин, имена»; 3) «рождению»; 4) «начальства»; 5) «кончине»; 6) «державства лет»; 7) от рождения лет. Лишь восьмая, правда, значительно более широкая графа посвящена «делам знатным»: краткой характеристике деятельности русских великих князей и царей от Рюрика до Петра I включительно. Последней упомянута Екатерина I (1725): «Государыня императрица Екатерина Алексеевна коронована бысть. Подай же господи императорскому самодержавству восприять победу и одаление и над ними, окрестными землями, и многая лета!» (л. 13 об.). Последняя, девятая графа, исчисляющая «бытность на сей год», доказывает, что перед нами действительно редакция 1725 г.: в ней записано, за сколько лет до этого произошли события.

¹ БАН. 33.7.11 (первоначальный № — Сев. 553). Л. 76–86.

² РГАДА. Ф. 196. Собр. Ф.Ф. Мазурина. № 1142. Л. 195–206 об. (сочинение 1720-х гг.); и др.

³ РГБ. Ф. 310. Собр. В.М. Ундольского. № 810. Л. 1; РГБ. Ф. 7. Собр. архимандрита Амфилохия. № 76/М–787. Л. 276.

⁴ РГБ. Ф. 310. Собр. В.М. Ундольского. № 810. 2°. 14 л.

Другая редакция «Краткого ведения» доведена до воцарения Анны Иоанновны (1730 г.). В списке из собрания Амфилохия¹ она представлена в виде таблиц, но не восходит к редакции по списку Ундольского 810: в ней сохранились указания, откуда взяты некоторые сведения, и хронология ведется от Потопа. Сокращенный табличный список редакции 1730 г., названный нами Академическим², воспроизводит более раннюю хронологию от Сотворения мира. Можно было бы предположить, что писцы-староверы сделали обратный перевод дат с нового летоисчисления, если бы старая хронология не отразилась и в других поздних списках, например II Амфилохия.³

Последний список датируется 1730-ми гг. (тогда как список БАН — последней четвертью XVIII в.) и воспроизводит хронологию не от Потопа даже, а от Адама. Так же, как и Лихачевский список следующей по времени редакции — 1736 г.⁴, он не заключен в таблицу и представляет собой развитие протографа, несколько более подробного, чем у табличных редакций.

Впрочем, текст «Краткого ведения» в течение XVIII в. не только сокращался и продолжался новыми статьями, но и расширялся в древней части. Примером служит наиболее поздняя из известных ныне редакций во II списке Ундольского⁵. Она представляет собой развитие протографа табличных редакций и доведена до Петра I, но содержит счет лет до 1741 г.

В лаконичном тексте этой редакции имеется отсутствующая во всех других рукописях «Краткого ведения» статья о царевне Софье, заменяющая обычную статью о правлении Ивана Алексеевича совместно с Петром: «При сих с начала царствования их имела правление сестра их, царевна София Алексеевна» (л. 24 об.–25). Если не признавать это вставкой, следует выдвинуть сразу два предположения: 1) что «Краткое ведение» бытовало исключительно широко и все имеющиеся у нас списки представляют собой весьма ухудшенное воспроизведение редакций 1725, 1730 и 1741 гг.; 2) что корни «Краткого ведения» погружаются гораздо глубже 1725 г., во времена, когда летописцы не пугались упоминания о правлении нелюбимой сестры Петра I.

В первом предположении укрепляет нас исследование Барсовской рукописи⁶, написанной на одной бумаге с филигранью Герб г. Ярославля с контрамаркой ЯОЗ (Ярославская фабрика Затрапезного), производившейся, согласно «Филиграням и штемпелям» С.А. Клепикова (Клепиков, 1959), в 1734–1742 гг. Рукопись представляет собой некое сокращение плодов раздумий книжников конца XVII в., доведенное до венчания на царство Анны Иоанновны (1730). Первые листы утрачены (л. 1–13), но можно с уверенностью сказать, что на них была хронология «от Адама» до сыновей Ноя с легендой об их расселении по кругу земному.

Сохранившийся текст начинается с рассуждения «Кая вина первеншая (так) бысть, чесо ради людие совокупишася в содружество» (л. 14–16 об.). Далее следуют статьи, с которыми сталкиваемся в трудах патриарших летописцев (переработка «Василиологиона»): «Царство Ассирийское» (л. 17–19), «Государство Перское» (л. 19–21 об.), «Греция» (л. 21 об.–23 об.), «Македония» (л. 24–26) с явно вставной (вероятно, в

¹ РГБ. Ф. 7. Собр. архимандрита Амфилохия. № 76/М–787. Л. 276–291. Весь сборник служб, житий и повестей описан И.М. Кудрявцевым: РГБ. Ф. 7. Собр. архим. Амфилохия. М.: ГБЛ, 1947 (машинопись). № 76.

² БАН. Тек. пост. № 350. Л. 143–151. Состав старообрядческого историко-литературного сборника рассмотрен (Описание РО БАН: 384–386).

³ РГБ. Ф. 7. Собр. архимандрита Амфилохия. № 50/М–690. Л. 1–46. Описан И.М. Кудрявцевым в той же описи, что № 76.

⁴ СПбИИ. Колл. 238. № 5222. Сборник описан: СПбИИ. Колл. 238. Коллекция рукописных книг Н. П. Лихачева. Оп. I. (V). Машинопись. № 52.

⁵ РГБ. Ф. 310. Собр. В.М. Ундольского. № 811. 8°. 31 л.

⁶ ГИМ. Собр. Е.В. Барсова. № 2339. 4°.

протограф) «Александрией» (л. 26 об.–306), царство Египетское (без заглавия, л. 306–306 об.) и «Царство Римское» с обычным повествованием о Христе (л. 306 об.–310 об.).

Последний текст не имеет окончания из-за механической утраты листов; по писцовой пагинации далее идет л. 327: царство Греческое с Андроника (6867 г.), в которое вкраплены, как и в Мазуринском летописце (ПСРЛ, 31, 1968: 11–279) русские статьи из Хронографа Русского, установить редакцию коего затруднительно. «Начало великому княжению и царем» на Руси по традиции XVII в. идет с Рюрика, на которого (вместо Владимира Мономаха) возлагается константинопольское наследство. Рюрика официально объявил царем на своей коронации Алексей Михайлович (коему вторил патриарх Иосиф)¹, что нашло глубокий отклик в сердцах летописателей, отразившись почти во всех поздних хронографах, не говоря уж о кратких летописцах.

Начатая с л. 329 краткая русская летопись построена в соответствии с «Кратким ведением», хотя и не совпадает полностью ни с одним сохранившимся его списком. В целом повествование сильнее сокращено, чем в рукописях Ундольского (особенно о первых Романовых), но временами в тексте пробивается протограф, восходящий к общему источнику с редакциями «Краткого ведения». Так, после лапидарного упоминания Алексея Михайловича (только вступление на престол и кончина, л. 361–361 об.) говорится, что «в ту же ночь (30 января 1676 г. — А.Б.) целовали крест сыну его государеву, государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу. А рождение великаго государя во 169-м июня в 8-м числе. А июня в 18 день царский венец приял. Всего жития его 21 год» (л. 362).

Эти цифровые данные мы читаем в графах «Краткого ведения», повествовательная часть которого о царствовании Федора Алексеевича и правлении царевны Софьи по редакциям Ундольского I и II (№ 810 и 811) просто напрашиваются на сопоставление с текстом Барсова № 2339:

Барс. 2339. Л. 362–363	Унд. 810. Л. 10 об.–11	Унд. 811. Л. 23 об.–24
Сей Божию помощь над турки и крымцы щастливыя многия победы показал во 187-м году. Воинскую одежду вместо древней переменил, во удобство всем учинил во 188-м году. Бысть же великий украститель божиих церквей и монастырей и строитель царства. И многих босурман к вере святой приведе, в знатных градех вновь архиерейские престолы со тщанием устрои во 190-м году. И со всеми окрестными государи мир сотвори. Потом же и с турком примирился и всей	Сей бысть украситель божиих церквей и строитель царства, и много босурман к вере святей приведе, и в знатных градех архиерейские престолы вновь устрои, и воинскую одежду вместо древней всем учини, 7189 или 1681. И над турки и крымцы и протчими их ордами дивные и ни едину победу под Чигириным и в протчих местех яви 7186 или 1678 и 7187 или 1679. С окрестными ж христианскими государи, как с кесарем Римским, так и с	Сей над турки и крымцы многия победы показа 7187 году, тому же 62 год. Военную одежду вместо древней всем новую учини 7189 году, ныне тому лет 60. Сей же бысть украситель божиих церквей и строитель царства. И многих бусорман подданных к вере святой приведе, и в знатных городех архиерейские престолы устроил 7190 году, тому ныне 59 лет. Сей же со всеми окрестными государи мир имел, и с турками

¹ См. чин венчания Алексея Михайловича 1645 г.: РГАДА. Ф. 135. Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Отд. IV. Руб. 1. № 12. Из двух редакций в трех списках, находящихся в этом деле, опубликована последняя, составленная по итогам церемонии (ДРВ: 234–303; Барсов, 1883: № IX). Дело изучено (Морозова, 1988: 457–471). О месте этого чина в истории чинов царского венчания (Богданов, 2018а: 296–351).

<p>России милость содела. ... (далее, как и в «Кратком ведении», цифры о царствовании Ивана и начале царствования Петра. — А.Б.) При сих собрани были два похода в Крым до самой Перекопи, и оные устраши(ли)сь, с российскими войны не учинили.</p>	<p>протчими короли и обладатели мир и любовь содержа, и с шахом персиким, и с протчими бусурманскими обладатели. А потом и з салтаном турецким смирился же и всей России мир и тишину содея. ...При них быша два похода великие под Крым, которые достигли уже была до самой Перекопи, но крымцы устрашася российских войск и с ними никакой войны не учинили 7195 или 1687 и 7197 или 1689.</p>	<p>смирился, всей России милость и тишину содеял. ...При сих с начала царствования их имела правление сестра их, царевна София Алексеевна. При сих же два похода были в Крым до самой Перекопи, и оные устрашася войны с российскими войски не учинили.</p>
--	--	---

Для старинного летописания такие текстуальные совпадения могут быть и не показательными, тем более что похвалы Федору Алексеевичу восходят в конечном итоге к общему источнику: сильно повлиявшему на летописцев панегирику государю от царевны Софьи на его парсуне работы Богдана Салтанова 1685 г., повешенной тогда же в Архангельском соборе и пребывавшей там весь XVIII в. (Богданов, 2018б). Но для позднего летописания, с его великим избытком чрезвычайно различных рассказов об одних и тех же событиях, когда чуть не каждый редактор стремился украсить текст своим красноречием, подобные текстуальные параллели почти наверняка означают наличие летописного же прото-протографа всех текстов. Чтобы не оставаться голословным, отошлю из всего множества памятников XVIII в. к двум разным летописцам, также доведенным до 1731 г.: они содержат отличный друг от друга и от цитированных памятников текст о царях Федоре, Иване и Петре Алексеевичах¹.

Упорное употребление старого летоисчисления от Сотворения мира было бы еще понятно в старообрядческих рукописях — но из известных списков «Краткого ведения» таковой была лишь одна. К тому же им пользуется и писец Барсовской рукописи, в которой, как и в списках «Краткого ведения», восторженно описывается царствование Петра I (л. 363–367) и, дополнительно, приводится «Слово на похвалу блаженных и вечнодостойных памяти Петра Великого» (список с опубликованной в Санкт-Петербурге в 1725 г. речи Феофана Прокоповича, л. 372–409 об.). По используемому летосчислению приходится заключить, что протограф «Краткого ведения» и близкой к нему Барсовской рукописи уходит в период до 1700 г.

О том, как обстояло дело в действительности, рассказывает нам Уваровская рукопись², отразившая формирование первичной редакции «Краткого ведения» на основе традиции «Летописца выбором». Вся рукопись написана на одной бумаге 1680-х гг. с филигранью Гербовый щит с лилией под короной, малого формата, сходной с Диановой и Костюхиной № 927 — 1686 г. Однако датировать все сочинение концом XVII в. было бы опрометчиво: оно имеет несколько временных пластов, разобраться в которых помогает исследование почерков.

Первый почерк принадлежал профессиональному деловому писцу, который составил краткую хронографическую компиляцию от Адама до сыновей Ноевых с

¹ Ср.: ГИМ. Музейное собр. № 1940. Л. 87–87об. и СПбИИ. Колл. 115. № 1828. Л. 42 об.–43 об.

² ГИМ. Собр. А.С. Уварова. № 148. 8°. 93 л.

последующими перечнями царей израильских, ассирийских, «перских» (вавилонских), греческих, македонских, египетских, римских и византийских. Среди последних, как мы уже видели в Барсовской рукописи, вкраплены русские статьи, но «зачало в России великому княжению и царем» (с Рюрика) описывается после падения Константинополя в 1453 г. (с л. 44), – т.е. по классической схеме Хронографа Русского, составленного иноком Иосифо-Волоколамского монастыря Досифеем Топорковым в 1516–1522 гг. (ПСРЛ, 22, 2005), и перешедшей в редакции XVII в. (Богданов, 2021б). Подробность повествования увеличивается начиная с периода, охваченного Новым летописцем (как обычно и случалось), т.е. с 1584 г. до 1630 г.

Оценки исторических лиц соответствуют разработкам чудовского церковно-исторического справочника¹. Так, Борис Годунов «восхити» царство «хитростным пронырством» (л. 70 об.–71; сравни Барсова № 2339, л. 350–351), а избранный от народа Василий Шуйский (сравни Ундольского № 810, л. 9; № 811, л. 20 об. и др. списки) «бысть от сродства великаго князя Владимира, крестившаго Рускую землю» (л. 73 об.–74; ср. Барсова № 2339, л. 352–352 об.), и т. д. Автор продолжает повествование до кончины Федора Алексеевича «апреля в 27 день в 3-м часу дни», уточнив на поле: «в 12-м часу дни» (л. 77 об.–78), — что соответствует разноголосице в этом вопросе, возникшей во время Московского восстания 1682 г. (Богданов, 1981), и свидетельствует о близости времени написания текста к событию.

Оставив для продолжения летописных записей несколько чистых листков (л. 78 об.–85 об.), тот же человек переписал далее список «Летописца выбором» краткой группы редакций (с 1153 по 1676 г., л. 86–89). Последняя статья летописца содержала ошибочную дату: следовало указать 1681 г.: «Лета 7184-го (1676) году по указу в. г. ц. и в. кн. Феодора Алексеевича в. В. и М. и Б. Р. с. велено переменить платье хобни и однорядки, а велено носить кавтаны и всяких чинов людем носить платье по чину» (л. 89–89 об.). К ней тот же писец другими чернилами приписал не слишком удачную краткую статью о Московском восстании 1682 г., взятую, вероятно, из другого списка «Летописца выбором» (хотя не исключено, что и самостоятельного сочинения):

«Лета 7190-го году мая в 15 день по смерти благочестивейшаго в. г. ц. и в. кн. Феодора Алексеевича в. В. и М. и Б. Р. с. был на Москве бунт от служилых людей от стрельцов. И многих бояр побили и наругались мертвым телам» (л. 89 об.).

На наличие в распоряжении автора второго, более пространныго списка «Летописца выбором», указывают сделанные им затем выписки, часть которых содержит крупные разночтения с первым списком, часть — новые летописные статьи (л. 90–91 об.). Выписки расположены в хронологическом порядке и сделаны специально как дополнения и уточнения к имеющемуся тексту. По ним можно судить, что этот второй список «Летописца выбором», уже пространный группы редакций, был доведен до кончины Алексея Михайловича в 1676 г.

Второй писец Уваровской рукописи продолжил оставленные первым летописные заметки со дня воцарения Петра 27 апреля 1682 г., уточнив, что царь Иван Алексеевич был объявлен только 27 мая, а венчались оба государя 26 июня — причем в той же записи (л. 78–78 об.) указано время смерти Ивана 29 января 1696 г. «во втором часу дни во второй четверти часа». Этот современник (или очень хороший знаток) событий делал дополнения в рукописи до 1712 г. (л. 85–85 об., 92–92 об. и др.).

Третьим почерком в рукопись вносились записи из Краткого Московского летописца и других источников до 1718 г. (л. 91 об., 93 об.). Четвертый писец пополнил текст до 1727 г. (л. 78 об., 84–84 об.); еще позже сделал приписки пятый дополнительный (л. 92, 92 об.). Но их труды интересны лишь для частной истории рукописи. Основой «Краткого

¹ ГИМ. Музейное собр. № 1499. 8°. 97 л.

ведения» послужил первоначальный текст Уваровской рукописи с дополнениями и исправлениями, сделанными автором и вторым писцом до 1712 г. Перед нами протограф, правда ещё не вполне завершённый, общего протографа всех редакций «Краткого ведения» и родственных сочинений типа Барсовской рукописи. Это довольно редкая удача, и надеяться найти ещё и завершённый протограф, к сожалению, было бы слишком смело.

Оптина рукопись

Обнаружение прото-протографа «Краткого ведения», столь явственно связанного с традицией «Летописца выбором» тем более замечательно, что установление генетической связи памятников XVIII в. с предшествующими является сложнейшей проблемой. Было бы крайней неосторожностью, как это иногда делается, «читать» тексты, стилизованные в XVIII столетии под летописные, как более-менее точные цитаты ранних памятников. Хорошим предостерегающим примером служит сочинение «От летописца Московскаго», на первый взгляд чрезвычайно близкое к «Летописцу выбором», «Краткому ведению» и Краткому Московскому летописцу.

В самом деле, текст Оптиной рукописи¹ охватывает русскую историю с 1153 г. (перенесение иконы Богоматери из Царьграда во Владимир; таково было начало большинства списков «Летописца выбором») по московский пожар 1676 г. (л. 116–121 об.). Далее без перерыва следует хронологически первая часть: родословие от Адама до римского царства, которое завершается Успением Богородицы (причем все дается с исчислением лет от Сотворения мира, от Адама, от Потопа; л. 121 об.–123). Так начинались списки Краткого Московского летописца. Далее, под заглавием «Царство Российское», записаны расстояния от Москвы до Иерусалима и других европейских и азиатских столиц (л. 124–125).

Хронологическую путаницу можно логически объяснить некоей неисправностью протографа и соединить помещенные следом без перерыва статьи с начальным летописным текстом по русской истории (л. 125–126 об.). Действительно, в первых летописных заметках говорилось о женитьбе Алексея Михайловича на Наталии Кирилловне Нарышкиной (л. 120 об.–121) — а здесь о рождении Петра Алексеевича, царствовании Фёдора и его кончине, восшествии на престол Ивана и Петра. Некоторая модернизированность изложения может быть списана на время создания части конволюта на л. 116–129 об. — в самом конце XVIII в. Легко предположить, что писец слегка испортил интересную летописную статью о Московском восстании 1682 г (сохраняю все особенности написания):

(л. 125 об.) «И тогда его величеству (Петру. — *А.Б.*) учинилася от бывших его де(т)ских летах болезнни скорьбутика, ибо стрелецкия полки, желая на царство царевича Иоанна Алексеевича, издато бысть кровопролитие велико. И того ж году (1682. — *А.Б.*) месяца мая в 18 день избрали стрелецкие полъки на всероссийском престоле царевича Иоанна Алексеевича и нарекли ево первым царем государем российским ко общему самодержавию з другим вместе царем Петром Алексеевичем, и с ними купно к государственному плавлению (так) их величеств вступила церевна Софья Алексиевна — и обще правяще скипетром // (л. 126) российским. Того ж году месяца июня в 15 день оба брата: государи цари Иоанн Алексеевич рукою Иоакима патриарха московского в соборной церкви Успенъской царским венцем были венчаны».

В статье привлекает внимание дата «избрания» Ивана, к тому же «первым» царем (о чем писал только Сильвестр Медведев); интересны ясно сформулированное намерение восставших стрельцов и подтверждение версии о начале регенства Софьи в мае 1682 г., наконец — упоминание о болезни Петра (а не Федора). К тому же следующий далее

¹ РГБ. Ф. 214. Оптиная пустынь. № 241. Конволют. Л. 116–129 об.

текст — точь-в-точь летописный, но мы процитируем его вместе с другим текстом — из «Созерцания краткого» Сильвестра Медведева:

РГБ. Ф. 214. № 241. Л. 126	«Созерцание» по изд. 1894 г. С. 178
<p>В лето от Создания мира 7191-го году, от воплощения Бога Слова 1683 году месяца генваря в 17 день в третьем часу дни явилось на небеси знамение: отдалеся круг от солнца с обеих сторон два круга, видом и сиянием подобно сонцу, а не них и на со(мо)м соньце были кресты светлы четвероконечныя, в средини же круга стоял серп, острыми коньцами от соньца прочь, цветом как радуга во время дождя, и то знамение стояло над Москвой до самого вечера.</p>	<p>Того же 1791-го лета ианнуариа месяца в 17 день в час третий бысть знамение сицево: егда убо взыде солнце [и небесный оризонт чист бе тогда], и от оногo солнца отдадeся по аеру круг светлый велик, яко пояс, и по тому кругу недалече от солнца учинилися с обоих сторон солнечна круга круги или столпы таковы же светлы, яко солнце, и на сущем солнце и на тех двух кругах, подобных солнцу, были четвероконечныя кресты ... в середине же того большого круга или пояса стоял серп, острыми концами от солнца прочь, видением той серп в светлости или масти яко дуга во время дождя бывающа и являюща. И то знамение видимо точию в царствующем граде Москве сущими людми; и пребывало то знамение и серп даже до вечера ...</p>

Не приведи составитель сочинения «От летописца Московскаго» эту цитату — было бы чрезвычайно трудно доказать, что в рассказе о событиях 1682–1683 гг. он всего лишь вольно изложил сведения из «Созерцания краткого». В силу непонятого сокращения, «скорбутик» Федора Алексеевича перешел как бы на Петра, остальные же сведения не «подтверждают» версию Медведева, как можно было бы подумать, а искаженно передают написанное в 1680-х гг. историком, имевшим своеобразный взгляд на события¹.

Историк конца XVIII в., между тем, вошел во вкус сочинения псевдолетописных статей и, прежде чем перейти к выпискам из «Синописа» (л. 127–129 об.) изложил «под старину» довольно интересную мысль: «В лето от Сотворения мира 7195-го (1686) году месяца // (л. 126 об.) октября в 1 день воцарися на Москве един в. г. ц. и в. кн. Петр Алексеевич в. Р. с., а стрелецкия польки по своей винности прежьде повелением его величества казнены были». Тут спутаны воспоминания о единой державии Петра после кончины его брата Ивана в 1696 г. и массовые стрелецкие казни в Москве с 10 октября 1698 г.

Конечно, правильное понимание происхождения подобных текстов, если исключить удачные случайности (типа прямой цитаты из «Созерцания»), связано с установлением их реальных генетических связей: в данном случае не с «Летописцем выбором», «Кратким ведением» или Кратким Московским летописцем, а с практически не отраженным в специальной литературе «Родословцем от Адама».

«Родословец от Адама» в кругах

Установив, что «Летописец выбором» лежит в основе «Краткого ведения», мы должны констатировать, что последнее уже на довольно ранней стадии своего развития породило стройный схематический памятник, где большая часть текста с самого начала

¹ Подробнее: Богданов, 1983б; Богданов, 1987; Богданов, 2019: 63–144; Богданов, 2020а: 214–301.

располагалась в красиво вычерченных кругах. Текст этого сочинения продолжался от Адама до событий XVIII в.

I-й Пушкинский список Института русской литературы РАН (Пушкинского дома)¹, написан на листах бумаги с филигранями РΘ // АЕ (в зубчатых рамках, большого формата), типа Клепикова «Филиграни и штемпели» (Клепиков, 1959) № 484 — 1759 г. и (на вклеенном л. 52) ЯМЗ // Герб г. Ярославля IV типа — типа Клепикова «Филиграни и штемпели» № 761 — 1751–1753 гг. Он был доведен до царствования Анны Иоанновны, что указывает нам на исходную редакцию «Краткого ведения», из которого новое сочинение и было сотворено неизвестным затейником, отразившим любовь авторов Века Просвещения к зримому схематизму.

Но «Родословец от Адама» вскоре начал самостоятельную жизнь. Во II-м Пушкинском списке², на бумаге с датами «1748» и «1749» гг. он доведен до Елизаветы Петровны (с указанием на царевича Петра Федоровича — будущего Петра II) и приобрел законченные графические очертания.

Сочинение включает: Оглавление (л. I–II); нумерованные разделы 1) Родословие Адама; 2) Родословие от Потопа до столпотворения; 3) Родословие Авраама до Моисея и Аарона; 4) Родословие от Иуды до Иосифа и Вавилонского пленения; 5) летоисчисление царей израильских, египетских, сирийских и иерусалимских; 6) о пророках перед Христом; 7) о создании первых во вселенной городов: Вавилона, Иерусалима, Цареграда и Рима; 8) Родословие Александра Македонского и о житии его вкратце; 9) «О зачатии града Рима от двою братиев Рома и Рима» и о римских и греческих царях; 10) Родословие Ромула, Рема и первых римских царей; 11) Родословие Богородицы по отцу; 12) то же по матери; 13) «Родословие Константина I»; 14) «Родословие Константина последнего»; 15) О семи вселенских соборах; 16) «Летоисчисление о святых в разные лета бывша»; 17) «О начале Российския земли и обитающих в ней народов и о первейших в ней градах: Великом Новгороде, Киове (так), Москве»; 18) Родословие русских князей и царей до Федора Ивановича, на котором, по мнению составителя, пересеклась ветвь Рюрика (так! — л. 32); 19) «Второе родословие великих царей Российских» (до императрицы Елизаветы Петровны и наследника Петра Федоровича); 20) «Летоисчисление, в которые лета Российския самодержжцы на престолы вступили и колико лет кто самодержавствовал и кончину восприял»; 21) «О крещении в России и при которых князьях и царях какое действие в дни самодержавия их происходило» — тут излагаются материалы главной, повествовательной графы «Краткого ведения», в сокращении и с некоторыми добавлениями, например, что Иван Алексеевич «царства правление сомоволно с любовью уступил» Петру — до потери Азова в октябре 1741 г.; 22) О русских святых; 23) О «действиях и строениях» — в основном строительстве московских укреплений и церквей; 24) «О некоторых градах Российских» (перечень основных городов); 25) О столицах разных стран, вплоть до Мехико — отсюда необычный материал появился позже в тексте Оптинской рукописи «От летописца Московскаго».

Архангельский список³, на бумаге с филигранью Pro Patria с литерами Pro Patria и контрамаркой GR, типа Клепикова «Филиграни и штемпели» № 1044 — 1762 г., по составу полностью повторяет предыдущий (II-й Пушкинский) и, как и тот, содержит частые указания на источники текста. Особенностью его является упоминание на л. 1 и 36 об. о «нынешнем 1749 годе»: возможно, это указание на время создания общего протографа списков. В 1770-х гг. эта рукопись принадлежала санкт-петербургскому дьякону, потом священнику, а в 1847 г. Турчасовский священник Александр Ивановский подарил ее местному крестьянину Ивану Шаранову Нелидову.

¹ ИРЛИ. Собр. ИМЛИ. № 16. 2°.

² ИРЛИ. Древлехранилище. Оп. 23. № 91. 2°. 46 л.

³ РГБ. Ф. 353. Архангельское собр. № 24. 2°. 40 л.

Следующая редакция «Родословия от Адама» доведена до Екатерины II (с указанием на ее наследника, будущего императора Павла) и сохранилась в шести списках последней трети XVIII в., явно вытеснив «Краткое ведение». Два списка: Михайловского¹ и ОЛДП², — представляют собой переработку предыдущей редакции, причем в первом вводится название: «Книга, именуемая летописец библейной вкратце». Два других списка, хранящиеся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки им. В.И. Ленина – Библиотечные Г³ и П⁴ – написаны на бумаге типа Клепикова «Филиграни и штемпели» № 221 — 1762– 776, 1780 гг. (I-й) и его же типа № 18 — 1756–1766 гг. (II-й). Они представляют, по-видимому, основной вид этой редакции и сходны по составу, хотя несколько разнятся в названии частей и даже заглавии:

РГБ. Ф. 218. Пост. 1970 г. № 73.	РГБ. Ф. 218. Пост. 1937 г. № 41.
«Летописец библейной вкратце».	«Летописец библейный и всероссийский краткий.»
Далее идут одинаковые древние части, затем русская история:	
«Начало описания Российской земли».	(аналогично: приводится вводная часть из «Синописа»)
«Родословие российских государей» (от Рюрика до Федора I).	«Родословие российских государей».
«Второе родословие царей российских» (до Екатерины II). «О вступлении российских самодержцев на престол и сколько лет который по ком самодержавствовал.» «При котором князе и царе какое действие во дни самодержавства их происходило.» «О крещении в России.» «Летоисчисление Российское.» «О столичных градах разных государств.»	«Второе родословие царей российских». «О вступлении российских самодержцев на престолы и колико лет который по ком самодержавствовали.» «О крещении Российской земли». «При которых князей и царех какое действие во дни самодержавия их происходило.» «Хронология достопамятных вещей». «Летоисчисление российское» (в оглавлении: «О святых, в России просиявших, и о протчих памяти достойных вещей».) «О столичных градах разных государств.»

Фаддеевский список «Родословца от Адама»⁵, на датированной бумаге 1781–1796 гг. носит уже черты упадка: он небрежно выполнен, сокращен, статьи перепутаны. После родословия царей (до Екатерины II) идет таблица иноземных городов, затем «Звание словенского народа» (из «Синописа», см. выше), перечень вселенских соборов и родословие Александра Македонского, забредшие сюда из древней части, роспись построек в Москве (старая) и таблица нашествий на Москву (новая) и русских городов (на л. 20–26 уже другие статьи).

Еще более сокращен Шибановский список⁶ на датированной бумаге 1788 г. Помимо таблицы ветхозаветных и новозаветных родов (л. 1–16 об.) он содержит

¹ РНБ. Ф. 487. Собр. Н.М. Михайловского. F.138. 42 л. Описан поверхностно: РНБ. Ф. 487. Оп. 2. Опись собрания Н. М. Михайловского. Л.: ГПБ, 1966. Машинопись.

² РНБ. Ф. 536. Собр. ОЛДП. F.190. 104 л. Описан вкратце (Лопарев, 1892; РНБ. Собрание рукописных книг Общества любителей древней письменности. Оп. 1. Машинопись).

³ РГБ. Ф. 218. Собр. Отдела рукописей. Пост. 1970 г. № 73. 2°. 38 л. — Библиотечный I-й.

⁴ РГБ. Ф. 218. Собр. Отдела рукописей. Пост. 1937 г. № 41. 2°. 36 л.

⁵ РГБ. Ф. 312. Собр. И.М. Фаддеева. № 32. 4°. 30 л.

⁶ РГБ. Ф. 344. Собр. П.П. Шибанова. № 268/М–6228. 2°. 25 л.

«Родословие монархии вселенная» (л. 17–21), взятое из «Синописа» «Начало и описание Российской земли» (л. 21 об.–22 об.) и сводное (а не отдельное, как прежде) «Родословие великих князей, государей, царей и императоров Российских» (л. 23–25 об.). Увы, деяния их и достопамятные происшествия исчезли, общерусская летописная струя в этом сочинении иссякла.

Заключение

Популярнейший во 2–3-й четверти XVII в. «Летописец выбором» в основном тексте не пережил царствование юного реформатора Фёдора Алексеевича (1676–1682), перестав развиваться в традиции (хотя списки и личные его продолжения делались и позже). Но этот памятник не исчез, а стал основой новых произведений конца XVII и XVIII вв.

Два списка «Летописца выбором», доведенные до 1676 (с последующими продолжениями до 1696, 1712, 1718 и 1727 гг.) и 1678 гг. (в приписке 1682 г.), легли в основу «Краткого ведения о народе славено-росском и московском, выписано и сочинено из древних летописцев». Это сочинение окончательно сформировалось к концу царствования Петра I и стало популярным в редакциях 1725, 1730, 1741 гг. С середины XVIII в. более популярным становится основанное на «Кратком ведении» «Родословие от Адама», постепенно вытеснившее своего прародителя. Рассматривая их, мы получили довольно редкую возможность наблюдать переход одного популярного исторического памятника в другой.

Таким образом, у нас появилась текстологическая основа для последующего истолкования размышлений историографов XVIII в. и для оценки отдельных их сообщений. Не только Оптина рукопись, которой мы уделили отдельное внимание, но и все статьи рассмотренных здесь на вид летописных памятников Века Просвещения являются, с одной стороны, отражением предшествующих текстов XVII в., с другой – плодом собственного русской историографии XVIII в. вольномыслия в обращении с ними.

Относительно уникальных и захватывающих «летописных» сообщений в сочинениях Века Просвещения, например, В.Н. Татищева, у специалистов может возникнуть – и возникает – соблазн принять их за источник о делах времён давно минувших. Близкие к тексту источников статьи Спасо-Прилуцкой исторической компиляции времён «Истории Российской» Татищева этот соблазн вроде бы подкрепляют, давая временами лучшие чтения сравнительно со всеми известными списками «Летописца выбором» и «Краткого Московского летописца». Наше исследование показывает, что рассуждения на этот счёт будут серьёзными лишь тогда, когда постатейно установлены все реальные источники сочинения XVIII в. и выделен, путём исключения, конкретный, неизвестный в других рукописях летописный памятник. Тогда, оценив степень вольности обработки историографом всех летописных текстов, можно понять, насколько приведённая им «цитата» отражает древний источник, а насколько является плодом его творчества.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барсов Е.В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с их греческими оригиналами. С историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси // Чтения ОИДР. М.: Унив. тип., 1883. Кн. I. С. I–XXXV, 1–160.
- Богданов А.П. Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // Летописи и хроники. Сборник статей за 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 197–206.
- Богданов А.П. Летописные и публицистические источники по политической истории России конца XVII века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., Институт истории СССР АН СССР, 1983[a]. Т. 1–2. 182, 40, 165 с.

- Богданов А.П. К истории текста «Созерцания краткого» // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв.: ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Ин-та истории СССР АН СССР. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1983[б]. С. 127–161.
- Богданов А.П. К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Ин-та истории СССР АН СССР. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1987. С. 114–146.
- Богданов А.П. Краткий Московский летописец // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1991. С. 140–160.
- Богданов А.П. Краткое ведение о народе славянорусском // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. И–О. Л.: Дмитрий Буланин, 1993. С. 192–194.
- Богданов А.П. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М.: Академический проект, 2018[а]. 760 с.
- Богданов А.П. Панегирик царю Федору и Жалованная грамота Московской академии // Каптеревские чтения — 16. Сборник статей. М.–Серпухов: Изд. «Наследие Православного Востока», 2018[б]. С. 253–274.
- Богданов А.П. Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». Изд. 2-е, доп. и испр. М.–Берлин: Директ-Медиа, 2019. 220 с.
- Богданов А.П. От летописания к исследованию: русские историки последней четверти XVII века. Изд. 2-е. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020[а]. 642 с. С. 44–262, 365–583.
- Богданов А.П. Летописец выбором» по Архивному и Благовещенскому спискам // Novogardia. Международный журнал по истории и исторической географии Средневековой Руси. 2020[б]. № 2 (6). С. 226–253.
- Богданов А.П. «Летописец выбором» по Ярославскому и Псковским спискам // Novogardia. Международный журнал по истории и исторической географии Средневековой Руси. 2020[в]. № 3 (7). С. 208–237.
- Богданов А.П. Редакции Краткого Московского летописца // Novogardia. Международный журнал по истории и исторической географии Средневековой Руси. 2020[г]. № 4 (8). С. 223–261.
- Богданов А.П. Рукописная традиция «Летописца выбором» // Исторический журнал: научные исследования. 2020[д]. № 5. С. 108–122.
- Богданов А.П. Келейный сборник епископа Великоустюжского и Тотемского Боголепа Адамова // Исторический журнал: научные исследования. 2021[а]. № 2. С. 130–147.
- Богданов А.П. Хронограф Русский III-й редакции // Novogardia. Международный журнал по истории и исторической географии Средневековой Руси. 2021[б]. № 2 (10). С. 457–490.
- Богданов А.П. Краткие летописцы XVII века в Спасо-Прилуцкой исторической компиляции // Novogardia. Международный журнал по истории и исторической географии Средневековой Руси. 2021[в]. № 3. С. 211–269.
- Богданов А.П. Симонов список «Летописца выбором» // Quaestio Rossica. Вып. 9. 2021[г]. № 4. С. 1425–1439.
- Богданов А.П. «Летописец выбором» по списку Симона Азарьина: Краткий летописец в литературно-публицистической жизни середины XVII в. // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 21. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 7–73.
- Буганов В.И. Краткий Московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // Летописи и хроники за 1976 г. М., Наука, 1976. С. 283–293.

- Викторов А.Е. Славяно-русские рукописи В.М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания с № 1-го по 579-й: С прил. Очерка собр. рукописей В.М. Ундольского в полном составе. М.: Изд. Моск. публ. и Румянцев. музеи, 1870. [4], IV, 468 стб., 65 с.
- Дианова Т.В. Филиграния XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М.: ГИМ, 1988. 168 с.
- Древняя российская вивлиофика [ДРВ]. Изд. 2. Ч. VII. М.: тип. Компании типографической, 1788. [3], 484 с.
- Клепиков С.А. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама» // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1958. Вып. 20. С. 315–352.
- Клепиков С.А. Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVI–XX вв. М.: Изд-во Всесоюзной Книжной палаты, 1959. 306 с.
- Лопарев Х.М. Описание рукописей императорского Общества любителей древней письменности. Ч. I. Рукописи в лист. СПб.: тип. императорской Академии наук, 1892. 392 с.
- Морозова Л.Е. Две редакции чина венчания на царство Алексея Михайловича // Культура славян и Русь. М.: Наука, 1988. С. 457–471.
- Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.–Л., 1951. Т. 4. Вып. 1 (Повести, романы, сказания, сказки, рассказы) / Составители Конусов А.П., Покровская В.Ф. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1951. 600 с.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 22. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 года. М.: Языки славянских культур, 2005. XIV, [2], 568 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. 264 с.
- Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М.: Современник, 1990. 448 с.

ГРОЗА КАНУНА ОПРИЧНИНЫ: ОПАЛА КНЯЗЕЙ ВОРОТЫНСКИХ В 1562 ГОДУ И СЕРПУХОВСКОЕ «ИЗМЕННОЕ ДЕЛО»

Князь Михаил Иванович Воротынский — один из видных политических и военных деятелей России времени правления царя Ивана IV Грозного. Его жизненный путь известен историкам лучше, чем биографии большинства прочих членов Государева двора XVI в. В «активе» у Воротынского — взятие Казани (1552) и громкая победа над крымскими татарами «на Молодях» (1572), а также множество других боевых предприятий. В глазах современников Михаил Воротынский стяжал славу «победоносца и оборонителя всея Русские земли» (Андрей Курбский, 2015: 148). Его ратным трудам посвящены работы многих ученых — специалистов по истории Русского царства¹. Несмотря на это, знакомое нам жизнеописание князя Воротынского по-прежнему имеет немало «белых пятен» и «темных мест».

Среди наиболее спорных моментов биографии Михаила Воротынского особо выделяется вопрос о причине опал, постигших князя в 1562 и 1573 гг. Первая из них привела к длительной ссылке, вторая — к трагической гибели полководца.

И если о второй опале Воротынского написаны десятки страниц научных трудов, а ее причина в целом ясна², то о предшествующем ей «деле» 1562 г. нет сколь-нибудь точных данных. Историки не раз пытались разгадать природу царского гнева, обрушившегося на голову воеводы. И всякий раз сталкивались с нехваткой исторических источников.

«...Приходил ко Мценску крымской царь»

В марте 1562 г. Иван Грозный возобновил прерванную на время войну с Литвой (ПСРЛ, 1906: 340). Пока русские рати «воевали» литовские рубежи, царь Иван стоял в Можайске — на случай, если союзник польско-литовского короля Сигизмунда II Августа крымский хан Девлет-Гирей I задумает ударить по южной границе России. Вместе с царем на «берег»³ реки Оки, в район Серпухова, вышло войско, разделенное на пять полков. Его номинальным предводителем числился царский двоюродный брат, удельный князь Владимир Андреевич Старицкий. Действительное же управление серпуховской армией находилось в руках у первого воеводы Большого полка, то есть главнокомандующего, служилого князя Михаила Ивановича Воротынского. Следующую по старшинству должность первого воеводы полка Правой руки занимал младший брат князя Михаила, боярин Александр Иванович Воротынский. Именно двум братьям Воротынским как главным руководителям собранного на Оке войска были адресованы документы военного ведомства, на них же лежала ответственность за действия вверенного им контингента ратных людей (Разрядная книга, 1966: 195; ПСРЛ, 1906: 342).

¹ См., напр.: Назаров, 1998; Володихин, 2020: 196–236. О семье, в особенности братьях, князя М.И. Воротынского см.: Колычева, 2000; Черкасова, 2023. Дополнительные сведения о Воротынском и его родне: Усачев, 2012; Усачев, 2014; Шокарев, 2022.

² Наиболее полно см.: Володихин, 2020: 231–236; Рыков, 2021: 275–278. Новейшая попытка обвинить князя М.И. Воротынского в нарушении разработанного им же Приговора о станичной и сторожевой службе, будто бы приведшем к «законной» казни полководца (Морозова, 2021; Морозова, 2022: 74–76, 153, 179–184), представляется не лишённой остроумия, однако слабо соотносящейся с той реальностью, что задана жесткими рамками исторических источников.

³ «Берегом» в XVI в. называли систему укреплений (крепостей, застав и т.п.) на южной границе России, проходившую по реке Оке и имевшую своим центром город Серпухов.

Вскоре стало ясно, что опасения русского командования были отнюдь не беспочвенны. 6 июля Девлет-Гирей, стоя во главе небольшого крымского воинства, «пришел» под Мценск. Навстречу хану Иван Грозный отпустил с «берега» армию Воротынских. Не сумев взять Мценск и прознав о движении главных сил русских, татары отступили. По пути отряды некоторых «князей» и мурз принялись разорять болховские и белевские «места», однако были наголову разбиты воеводой Василием Андреевичем Бутурлиным. Выступившие из Серпухова Воротынские гнали татар «до Коломака и до Мерчика»¹, но настичь их не сумели, так как Девлет-Гирей «пошел от украины спешно» (ПСРЛ, 1906: 342; Разрядная книга, 1981: 99).

Историки не сомневаются в том, что действия крымского хана не позволили Ивану Грозному выступить против Литвы (Хорошкевич, 2003: 298; Виноградов, 2007: 178; Янушкевич, 2013: 60–61; Пенской, 2019: 60). Царь пробыл в Можайске четыре месяца, но так и не двинул свои полки на литовский «фронт».

Опала Воротынских: гипотезы историков

12 сентября Иван IV вернулся в Москву, а тремя днями позднее наложил опалу на братьев Воротынских. Старший, Михаил, был посажен «в тюрьму <...> на Белоозере», младший же, Александр, оказался «в тыне в Галиче за сторожи» (ПСРЛ, 1906: 344). Вместе с князьями под арест отправились их жены. Обширная родовая «отчина» Воротынских — Новосиль, Одоев, Перемышль и жеребий в Воротынске — была взята в казну.

Официальная летопись сообщает, что Воротынские поплатились свободой «за их изменные дела». Такая формулировка лишена конкретики. «В чем состояли эти “изменные дела”, — пишет историк Б.Н. Флоря, — мы, к сожалению, ни из <...> официальной летописи, ни из других источников узнать не можем» (Флоря, 1999: 144).

Неясность, с которой говорил о «деле» Воротынских придворный хронист, побудила ученых к тому, чтобы выдвинуть несколько объяснений случившегося.

Знаток грозненского царствования А.А. Зимин усматривал в опале Воротынских суровую кару за их неуспешные действия против крымских татар (Зимин, 1964: 97–98). Гипотеза эта предельно логична, а потому неудивительно, что она снискала признание широкого круга исследователей (Хорошкевич, 2003: 399; Виноградов, 2007: 183; Пенской, 2012: 132–133; Володихин, 2020: 214–218; Волков, 2023: 307–308).

Иначе считал Р.Г. Скрынников. Отметив факт конфискации богатых вотчин Воротынских, он допустил, что опала князей была вызвана их недовольством по поводу новых норм земельного законодательства. Дело в том, что принятый незадолго до того закон (т.н. Уложение о вотчинах) *de facto* ущемлял права ряда знатных семейств России на передачу по наследству собственных земельных владений. Воротынские выразили открытый протест — «государю погубили». Открывшиеся же вскорости измены князей И.Д. Бельского и Д.И. Вишневецкого (из которых первый лишь пытался бежать в Литву, второй с успехом осуществил это намерение) уверили Ивана Грозного в необходимости нанесения «превентивного удара» по Воротынским (Скрынников, 1966: 167–168; Скрынников, 1992: 150–151)². Версия основательная и также, как и предыдущая, поддержанная рядом историков (Борисов, 1993: 156; Филюшкин, 1998: 174; Pavlov, Perrie, 2003: 99; Ульянов, 2006: 74–76; Воробьев, 2006: 164–165; Шапошник, 2015: 148).

Третье предположение высказал В.В. Каргалов, автор многих трудов по военной истории Русского царства. По его мнению, отчасти основанному на мыслях Скрынникова, братья Воротынские были заподозрены в неверности московскому престолу после измен князей Бельского и Вишневецкого. Кроме того, князь Михаил Воротынский был

¹ Бассейн реки Ворсклы в современной Харьковской области.

² Подробнее, но без ссылок на источники: Скрынников, 2001: 121–123.

близок к опальному царскому фавориту Алексею Адашеву¹, что также подрывало доверие к нему со стороны Ивана Грозного (Каргалов, 1989: 240). Схожая мысль присутствует и в новейшей книге о грозненской России за авторством Л.Е. Морозовой, и в ряде других работ по российской истории XVI в. (Загоровский, 1991: 101; Морозова, 2022: 73)². В защиту этой точки зрения стоит сказать, что отъезд князя Вишневецкого в Литву (откуда он не так давно выехал на службу к царю Ивану IV) и впрямь был серьезным потрясением для русского правительства. По сути, своими действиями знавший многие военные тайны Вишневецкий спутал Ивану Грозному все карты, не дав ему начать очередную кампанию против Литвы (Скрынников, 1992: 150). Конечно, Воротынские *могли* иметь какие-то дела с Вишневецким, *могли* последовать по его стопам в Литву, но... достаточен ли этот мотив для того, чтобы разом обезглавить целую армию, арестовав двух видных воевод и лишив их родовых земель? Звучит сомнительно, да и в источниках об этом не сказано ни слова.

Наконец, четвертая, совсем уж невероятная, версия предложена И.Я. Фрояновым. Историк решил, что Михаил Воротынский был обвинен в колдовстве против царя Ивана IV и в попытке отъезда в Литву (Фроянов, 2007: 634–636)³. Эти сведения Фроянов почерпнул в «Истории...» князя Андрея Курбского, правда, не учел, что речь в этом сочинении шла не о 1562-м, а о 1573 годе. Стало быть, эту версию — единственную из четырех предложенных — можно смело исключить как заведомо ошибочную, основанную на одном только неверном прочтении исторического документа.

Свидетельство митрополичьего летописца

Узнать о том, что же все-таки произошло с князьями Михаилом и Александром Ивановичами Воротынскими в сентябре 1562 г., помогла одна архивная находка.

Еще 70 лет назад исследователь русского летописания А.Н. Насонов, работая с рукописями Центрального государственного архива древних актов (ныне РГАДА), выявил сборник рубежа XVI–XVII вв., в составе которого находится «Российский летописец вкратце» (Насонов, 1955: 258). К концу летописца присоединены несколько записей о событиях весны — осени 1562 г. (РГАДА. Ф. 181. № 365. Л. 242–242 об.). Ни сам А.Н. Насонов, ни другой ученый, А.А. Зимин (Зимин, 1964: 90, 107, 111), не придали им особого значения и не подвергли их системному анализу. Между тем, подробное изучение записей позволило автору этих строк распознать в них фрагмент летописца, ведшегося при дворе Всероссийского митрополита Макария. Данный фрагмент вышел из-под пера анонимного книжника в промежутке с 1563 по 1565 г., то есть накануне введения опричнины⁴.

Одна из статей летописца посвящена опале Воротынских. Известие об их аресте 19 сентября 1562 г. продолжено рассказом о том, как Иван Грозный «ополелся» на своего кузена Владимира Старицкого:

«В лето 7071 приехал царь и государь князь великий и с царицею к Москве, стояли до зымы, сентября 19 в субботу по Здвижениеве дни. И велел поимати Воротынских двои братов: князя Михаила на Белоозеро сослал, а князя Александра в Галич послал, и

¹ Этот тезис был явно привнесен в работу В.В. Каргалова под влиянием ее рецензента В.И. Буганова (ср.: Буганов, 1963: 714). Гипотеза о близости князя М.И. Воротынского и дворянина А.Ф. Адашева не имеет опоры в источниках (Зимин, 1964: 97). Без упоминания об Адашеве: Каргалов, 1996: 14.

² Ср. с точкой зрения В.Д. Назарова об опале князя М.И. Воротынского в связи с отъездом в Литву князя Д.И. Вишневецкого и «со сменой внешнеполитического курса после падения Избранной рады» (Назаров, 2006).

³ Прежде про обвинение князя М.И. Воротынского в колдовстве осторожно писал С.Б. Веселовский (Веселовский, 1947: 114). Этот же сюжет присутствует и в первом варианте популярной работы Р.Г. Скрынникова (Скрынников, 1975: 77).

⁴ Исследование и публикация памятника: Белов, 2021.

с княгинями. А на князь Володимера Андреевича ополелся, а с свадьбы же своей на него гнев великой держал» (Белов, 2021: 80–81).

Достоверно известно, что царский гнев настиг князя Владимира Андреевича Старицкого позднее, в июне–июле 1563 г., то есть через девять месяцев после ссылки князей Воротынских (Скрынников, 1992: 159–160). И все же летописец счел нужным объединить два разновременных события, поскольку знал об их неразрывной связи. Связь двух опал — братьев Воротынских и Владимира Старицкого — находит подтверждение в другом документе, описи архива Посольского приказа. В 1626 г. в архиве хранилась «свяска, а в ней писана была ссылка князя Володимера Ондреевича в Старицу и князя Михаила Воротынсково на Белоозеро» (Опись, 1977: 314)¹.

Вероятнее всего, гнев Ивана IV на князей Воротынских и Старицкого был вызван одной причиной. Стало быть, этой причиной должна была послужить какая-то их совместная провинность.

Такая причина может быть лишь одна, а именно — боевые действия против крымских татар летом 1562 г. Как было сказано, М.И. и А.И. Воротынские руководили армией, посланной из Серпухова вослед бежавшим от границ России крымцам. Владимир Старицкий в погоне не участвовал, но формально возглавлял войско Воротынских.

Спору нет, набег Девлет-Гирея сорвал лелеемый царем план похода против Литвы. Но были ли виновны в том Воротынские и тем более — не покидавший «ставки» в Серпухове князь Старицкий? Повторим цитированные выше слова официальной летописи: воеводы хана «не сошли (не догнали. — *Н.Б.*), потому что пошел от украины спешно» (ПСРЛ, 1906: 342). Стало быть, речь следует вести не о неудаче, но максимум — о неуспехе боевой операции. В годы правления Грозного воеводам редкий раз удавалось настичь отступающее конное воинство крымских татар. Чаще всего дело сводилось к тому, что хан, получив вести о движении главных сил русской армии, попросту разворачивал свои войска и уходил в степь. Иначе говоря, роль «береговых» воевод в подобных ситуациях состояла не столько в том, чтобы разгромить неприятеля, сколько в том, чтобы обратить его в бегство, по возможности нанеся урон отставшим от орды фуражерам и другим «летучим» отрядам. Такой исход кампании, как правило, считался успешным, а воеводы получали от царя похвалу и «великое жалование»².

В 1562 г. дело обстояло иначе. По замечанию К.Ю. Ерусалимского, начало полномасштабной войны с Литвой, инициированное русским правительством в марте этого года, сопровождалось ужесточением политического режима внутри страны и введением чрезвычайных мер, при которых преследованию подвергались «любые отклонения от планов царя» (Ерусалимский, 2017: 7). С этого же времени в официальную летопись впервые начинают проникать «прямые обвинения ближайших советников царя в государственной измене» (Там же: 6). Первые же военные неудачи — срыв литовского похода и недостаточно энергичное отражение крымского набега — подвигли Ивана Грозного искать виновных в среде высшего военного командования. Поводом к началу следствия, судя по всему, стал донос: среди бумаг Царского архива хранились «сыскной список и роспросные речи» слуг Михаила Воротынского (Описи, 1960: 50).

Как видно, сомнения Ивана IV в верности Воротынских тлели на протяжении всей первой половины 1562 г. Действительные измены князей И.Д. Бельского (январь) и Д.И. Вишневецкого (июль) подточили доверие царя к титулованной знати. Его давние подозрения в адрес Владимира Старицкого (на которого, по словам все того же

¹ А.А. Зимин так прокомментировал слова посольской описи: «Незримыми нитями дело Воротынского было связано с опалой на князя Владимира Старицкого» (Зимин, 2023: 321). Теперь эти нити приобрели вполне зримый облик.

² См., напр., случаи «приходов» и отступлений Девлет-Гирея I в 1558 и 1565 гг. (Пенской, 2012: 82, 150–151).

митрополичьего летописца, Грозный держал «великий гнев» со времен своей второй свадьбы с Марией Темрюковной в 1561 г. (Белов, 2021: 68–69, 81)) и вероятный конфликт с Воротынскими (старший из которых, Михаил Иванович, в чем-то «погрубил» царю (Сборник, 1892: 345)) обострились после того, как вверенные князьям войска не смогли догнать отступавшего по степи хана Девлет-Гирея. «Странная» неповоротливость Воротынских и очевидный промах курируемой ими, как главными воеводами Серпухова, разведки в «Поле» убеждали Ивана IV в существовании сговора московских воевод с Литвой и союзным ей Крымом. Еще более «странно» неуспех князей Воротынских выглядел на фоне в высшей степени удачных действий воеводы Карачева, нетитулованного старомосковского служильца В.А. Бутурлина, отряд которого серьезно потрепал крымские арьергарды¹. Татарский набег стал возможным лишь благодаря неимоверным усилиям литовских дипломатов (Виноградов, 2007: 175–177). Так не были ли связаны с ними Воротынские?..² Царь Иван помнил, что годом ранее князь М.И. Воротынский был вторым воеводой (т.е. заместителем) в Большом полку князя И.Д. Бельского (Разрядная книга, 1981: 90). Вскоре Бельский замыслил бежать в Литву. Знал ли об этом Воротынский?..³ Ведал царь и о том, что голос противников войны с «единоверными» христианами-литовцами (в отличие от подлинных «еретиков» — протестантов-ливонцев) при русском дворе был весьма силен (Курукин, 2015: 153–155; Ерусалимский, 2018: 363–364). Не принадлежал ли к этой «партии» князь Михаил Иванович?.. Эти и другие вопросы, надо думать, не раз посещали Ивана Грозного. Невесть откуда взявшийся донос лишил склонного верить «ушникам»-осведомителям царя всяких иллюзий. Следствие по «делу» Воротынских и их сообщников началось.

Серпуховское «изменное дело»

О том, что «изменное дело» братьев Воротынских было связано именно с неудачными действиями на южном «фронте», которые расценивались царем Иваном в лучшем случае как преступная халатность, в худшем — как разветвленный заговор, со всей очевидностью свидетельствуют дальнейшие судьбы прочих воевод серпуховской рати. Помимо братьев Воротынских, ее командный «костяк» составляли восемь воевод (Разрядная книга, 1966: 195). Почти все они познали на себе царскую немилость.

Первые (старшие) полковые воеводы — князья Д.С. Одоевский, Д.И. Немой Оболенский и Г.И. Темкин Ростовский — после 1562 г. в разрядных книгах более не упоминаются, один из них подвергся опале при учреждении опричнины, двое других не дожили до ее создания⁴. Иван Грозный имел основания питать особое недоверие к князьям

¹ Подробно: Белов, 2021: 71, прим. 19. Наше предположение разделяет В.В. Пенской (Пенской, 2022: 65–66).

² Отец князей М.И. и А.И. Воротынских, Иван Михайлович, служил литовской короне и перешел под власть Москвы в 1487 г. (Зимин, 1988: 132; Кром, 2010: 90–91).

³ Об этом назначении Бельского и его возможной связи с опалой на Воротынских см.: Преснякова, 2015: 36–37; Аксанын, Володихин, 2023: 303–304.

⁴ Князь Д.С. Одоевский на службе с 1550 г., полковой воевода с 1558 г.; после лета 1562 г. в разрядах указан единожды — во время Полоцкого похода — в низкой должности головы в станových сторожах и есаула, без «-вича»; позднейшие упоминания о нем отсутствуют (Разрядная книга, 1966: 125, 132, 148, 151, 154, 157, 159, 164–168, 170, 178, 179, 187, 188, 195; Книга, 2004: 47–48; Антонов, 2001: 274–275). Князь Д.И. Немой Оболенский — полковой воевода с 1541 г.; после лета 1562 г. в разрядах указан единожды — во время Полоцкого похода — в низкой должности третьего воеводы полка Лево́й руки; в 7071 (1562/63) г. дал вкладом «отчину свою старинную» в Рузском уезде в Волоколамский монастырь — не признак ли это нависшей опалы?; насильно пострижен в Волоколамском монастыре в феврале 1565 г. (Разрядная книга, 1966: 12, 15, 103, 111, 110, 118, 126, 136, 137, 141, 146, 149, 154, 156, 162, 167, 181, 195, 198; Книга, 2004: 32, 34, 42; Акты, 1956: № 297; Скрынников, 1992: 241–242). Князь Г.И. Темкин Ростовский на службе с 1551 г., полковой воевода с 1557/58 г.; после лета 1562 г. в разрядах не упоминается; скончался к 1565 г.;

Дмитрию Немому и Григорию Темкину: первый во время царской болезни в марте 1553 г. склонялся в пользу Владимира Старицкого (ПСРЛ, 1904: 238; ПСРЛ, 1906: 525), брат второго, князь В.И. Темкин, служил в Старицком уделе (Бородовский, 2023: 93–94).

Из пяти вторых (младших) полковых воевод — В.В. Морозова, князя А.Ф. Аленикина, И.А. Бутурлина, князя Ю.И. Токмакова и Д.Ф. Карпова — четверо более практически не назначались на ответственные боевые посты, двое были удалены от двора в первые месяцы опричного режима¹.

Примечательное исключение составляет фигура князя Юрия Токмакова. После 1562 г. его воинская карьера пошла в гору. Какое-то время он входил в ближний круг Ивана Грозного, возможно, был принят в опричнину и даже получил чин боярина дворовой Думы (Буланин, 1989; Володихин, 2011: 194–198; Корзинин, 2023: 144). Отчего Юрий Иванович не угодил в жернова правительственных репрессий осени 1562 г. неясно. Впрочем, одна деталь свидетельствует в пользу того, что князь Юрий все же испытывал некоторые опасения за свою судьбу. «В лето 7070-го», то есть до 1 сентября 1562 г., он сделал вклад в Белопесочский Троицкий монастырь на Оке, в 50 км от Серпухова. Состав вклада необычен: это рукописное Четвероевангелие, вкладная запись в котором выполнена рукой самого князя Токмакова. «Написанная в два столбца неумелыми корявыми буквами, с плывущими строками, запись принадлежит человеку, которому нечасто приходилось братья за перо» (Корогодина, 2017). К кодексу, как видно, прилагалась вторая часть вклада — медная пушечка (Там же). Вклад носил явно спонтанный характер и был совершен князем во время несения службы на окском «берегу». Своеручная запись Юрия Токмакова подчеркивала важность вклада, возможно, отчасти извиняя его странный состав.

Вынеся за скобки «случай князя Токмакова», можно заключить, что неуспех «берегового» войска в июле 1562 г. спровоцировал начало масштабного «дела» о государственной измене. В ходе расследования непосредственные командующие серпуховской армией князя М.И. и А.И. Воротынские были арестованы и высланы в северные города, прочие воеводы завершили свои служебные «карьеры», князь Владимир Старицкий окончательно утратил доверие Ивана IV, что, в конечном счете, привело к его опале летом следующего, 1563 года.

Серпуховское «изменное дело», неизвестное прежним историкам и открытое теперь главным образом благодаря обращению к фрагменту летописца из окружения митрополита Макария, стало первым случаем массовой опалы командования целой армии по подозрению в предательстве царских интересов. Вина воевод состояла по большей части в том, что им довелось служить под началом князей, внезапно утративших доверие Ивана IV и ставших жертвой доноса. Все тот же летописец рисует нервную обстановку, сложившуюся в верхах русского общества осенью 1562 г., вскоре после ареста Воротынских. В нем сказано о приезде в Москву новгородского архиепископа Пимена, который, будучи связанным со Старицким княжеским домом, «чаял себе великой опалы». Говорится и о «многих» и «тяжких» опалах, возложенных Иваном Грозным на

его дети сосланы в Казанский край в 1565 г. (Разрядная книга, 1966: 12, 136, 138, 151, 159, 172–174, 189, 195; Сергеев, 2018: 71–72; Сергеев, 2023: 105; Корзинин, 2016: 296).

¹ В.В. Морозов, второй воевода Большого полка, заключен в темницу после введения опричнины, казнен около 1568 г. (Зимин, 1958: 64; Скрынников, 1992: 354; Андрей Курбский, 2015: 754; Рыков, 2021: 298). Князь А.Ф. Аленикин, второй воевода полка Правой руки, сослан в Казань в 1565 г., возвращен на службу в результате амнистии «казанских ссыльных» в мае 1566 г., год спустя погиб в бою с крымскими татарами; его семья, по свидетельству Курбского, «погублена» царем Иваном (Андрей Курбский, 2015: 767–768; Рыков, 2021: 311–312; Корзинин, 2016: 508).

«многих» бояр¹ и дворян (Белов, 2021: 81). В этом смысле становятся более ясны те обвинения в массовых гонениях людей «воинского чина» — бояр и воевод, которые князь-эмигрант Андрей Курбский адресовал Ивану Грозному в своем Первом послании весной 1564 г. (Филошкин, 2007: 221–223). Ясно и другое: массовые, основанные на круговой поруке, репрессии, применяемые Грозным в отношении знати, начались вовсе не с введением опричнины в феврале 1565 г. и даже не с розыска по делу об «измене» стародубских воевод марта 1563 г., как считал, например, Р.Г. Скрынников (Скрынников, 1992: 157–158). Начало им положило именно серпуховское «изменное дело», наиболее ярким событием которого стала ссылка братьев Воротынских и ликвидация их удельного княжества².

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

РГАДА. Ф. 181. Собрание МГАМИД. № 365. Сборник исторический и канонический, рубеж XVI–XVII вв.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аксаньян К.Э., Володихин Д.М. Князья Шуйские в русском воеводском корпусе XVI — начала XVII века. СПб., 2023.
- Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2 / Подг. к печ. А.А. Зимин; отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1956.
- Андрей Курбский. История о делах великого князя московского / Изд. подг. К.Ю. Ерусалимский, пер. А.А. Алексеев; под ред. Ю.Д. Рыкова. М., 2015.
- Антонов А.В. К истории удела князей Одоевских // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001.
- Антонов А.В. Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004.
- Беликов В.Ю., Колычева Е.И. Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI — начале XVII вв. // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992.
- Белов Н.В. Фрагменты митрополичьего летописания кануна опричнины // Словесность и история. 2021. № 1.
- Борисов Н.С. Русские полководцы XIII–XVI веков. М., 1993.
- Бородовский А.И. Двор удельного князя Владимира Андреевича Старицкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 2 (92).
- Буганов В.И. Воротынский Михаил Иванович // Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М., 1963.
- Буланин Д.М. Токмаков Георгий Иванович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989.
- Веселовский С.Б. Последние уделы в северо-восточной Руси // Исторические записки. Т. 22. М., 1947.
- Виноградов А.В. Русско-крымские отношения: 50-е — вторая половина 70-х годов XVI века. Т. 1. М., 2007.
- Волков В.А. Войско грозного царя. 2-е изд. М., 2023.

¹ К следствию по «делу» серпуховских воевод оказалось привлечено по меньшей мере четверо членов Думы: боярин князь А.И. Воротынский отправлен в ссылку, бояре князь Д.И. Немой Оболенский и В.В. Морозов, окольный Д.Ф. Карпов утратили доступ к воеводским постам.

² Князь А.И. Воротынский был прощен 20 апреля 1563 г., князь М.И. Воротынский — 12 апреля 1566 г. (Скрынников, 1992: 151, 273; Антонов, 2004: № 6, 7, 15, 16). Несмотря на то, что после амнистии Михаилу Воротынскому была возвращена южная часть бывших земель — Одоев, Новосиль и острог «на Черни», князь получил их на правах «держания», то есть он утратил родовое наследственное право на свои земли (Беликов, Колычева, 1992: 95–97; Колычева, 1993: 100–105).

- Володихин Д.М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб., 2011.
- Володихин Д.М. Полководцы Московского царства. М., 2020.
- Воробьев В.М. Предыстория Полоцкого похода // От Древней Руси до современной России. Сборник научных статей в честь 60-летия Александра Якимовича Дегтярева. СПб., 2006.
- Ерусалимский К.Ю. Московско-литовская война 1562–1566 гг. и введение опричнины: проблемы демографии и земельной политики // Российская история. 2017. № 1.
- Ерусалимский К.Ю. На службе короля и Речи Посполитой. М.; СПб., 2018.
- Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.
- Зимин А.А. Состав Боярской думы в XV–XVI веках // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958.
- Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.
- Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.
- Зимин А.А. Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции / Вступ. статьи В.П. Козлов, Л.В. Черепнин; прилож. К.В. Петров. М., 2023.
- Каргалов В.В. Полководцы X–XVI вв. М., 1989.
- Каргалов В.В. Михаил Иванович Воротынский // Московский журнал. История государства Российского. 1996. № 12.
- Книга Полоцкого похода 1563 г.: (Исследование и текст) / Подг. К.В. Петров. СПб., 2004.
- Колычева Е.И. Огосударствление земель в России во второй половине XVI века // Система государственного феодализма в России: Сборник статей. Ч. 1. М., 1993.
- Колычева Е.И. Судьба княжеского рода Воротынских в XVI в. // Человек XVI столетия. М., 2000.
- Корзинин А.Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). М.; СПб., 2016.
- Корзинин А.Л. Состав Боярской думы и дворцовых чинов в послеопричное время (1573–1576 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 2 (92).
- Корогодина М.В. Автограф Юрия Ивановича Токмакова: книжника или воеводы? // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXIX Международной научной конференции. М., 2017.
- Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. 2-е изд. М., 2010.
- Курукин И.В. Жизнь и труды Сильвестра, наставника царя Ивана Грозного. М., 2015.
- Морозова Л.Е. Тайна смерти князя М.И. Воротынского // Георгиевские чтения. Сборник трудов по военной истории Отечества. М., 2021.
- Морозова Л.Е. Иван Грозный глазами современников. М., 2022.
- Назаров В.Д. «Победоносец и оборонитель всея Русские земли» (Князь Михаил Иванович Воротынский) // Подвижники России: исторические очерки. М., 1998.
- Назаров В.Д. Воротынский Михаил Иванович // Большая российская энциклопедия. Т. 5. М., 2006.
- Насонов А.Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. Вып. 4. М., 1955.
- Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1 / Подг. к печ. В.И. Гальцов; под ред. С.О. Шмидта. М., 1977.
- Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Подг. к печ. С.О. Шмидт и С.А. Левина; под ред. С.О. Шмидта. М., 1960.
- Пенской В.В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. М., 2012.

- Пенской В.В. Полоцкая война. Очерки истории русско-литовского противостояния времен Ивана Грозного. 1562–1570. М., 2019.
- Пенской В.В. Битва при Молодях: решающее сражение «Войны двух царей» 1552–1577 гг. СПб., 2022.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 13. Ч. 1: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / Под ред. С.Ф. Платонова. СПб., 1904.
- Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 2: Дополнения к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга / Под ред. С.Ф. Платонова. СПб., 1906.
- Преснякова Л.П. Служилая биография воеводы XVI столетия князя И.Д. Бельского // Русская военная элита. Сборник материалов научной конференции. Севастополь, 2015.
- Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подг. В.И. Буганов; отв. ред. М.Н. Тихомиров. М., 1966.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1 / Сост. Н.Г. Савич; под ред. В.И. Буганова. М., 1981.
- Рыков Ю.Д. Князь Курбский и опричнина Ивана Грозного. М., 2021.
- Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 71: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 3: 1560–1571 гг. / Под ред. Г.Ф. Карпова. СПб., 1892.
- Сергеев А.В. Княжеские фамилии Московского государства в годы опричнины: князья Ростовские и Ярославские // Клио. 2018. № 6 (138).
- Сергеев А.В. Княжеские фамилии в Московском государстве второй трети XVI — начала XVII века: в 2 т. Т. 1. СПб., 2023.
- Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966.
- Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975.
- Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992.
- Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2001.
- Ульянов В.П. Князь М.И. Воротынский — военный деятель России XVI в. Дисс. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2006.
- Усачев А.С. О книгах князей Воротынских в XVI в. // Вестник архивиста. 2012. № 3 (119).
- Усачев А.С. Еще раз о книгах князей Воротынских в XVI в. // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости». Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. Сборник статей. М., 2014.
- Филюшкин А.И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998.
- Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007.
- Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999.
- Фроянов И.Я. Драма русской истории: На путях к Опричнине. М., 2007.
- Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.
- Черкасова М.С. Воротынские в XVI веке: штрихи к истории семьи // Порядок и смута. Государство, общество, человек на востоке и западе Европы в Средние века и раннее Новое время: К 85-летию Владислава Дмитриевича Назарова. М., 2023.
- Шапошник В.В. Иван Грозный. СПб., 2015.
- Шокарев С.Ю. Коммеморативные практики князей Воротынских в XVI–XVII вв. // Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Вологда — Кириллов, 10–12 сентября 2021 г.). Вып. 2. Вологда, 2022.
- Янушкевич А.Н. Ливонская война. Вильно против Москвы: 1558–1570. М., 2013.
- Pavlov A., Perrie M. Ivan the Terrible. London, 2003.

НОВЫЕ ЛИЦА В РОДОСЛОВИИ Н.В. ГОГОЛЯ: КОСЯРОВСКИЕ, ШОСТАКИ, ЩЕРБАКИ. ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Родословие Н.В. Гоголя — тема, привлекающая внимание не только исследователей биографии и творчества великого русского писателя малороссийского происхождения, но и многих почитателей его литературного таланта. В судьбах пращуров Гоголя сконцентрирована история Малороссии XVII–XVIII вв.: героические походы казаков-запорожцев против татар и турок, война Богдана Хмельницкого против польского панства, буйные времена Руины, верность и измены казачьей старшины русским царям, мазепинское предательство, угасание Войска Запорожского и Гетманщины, превращение казачьей элиты в панов-землевладельцев, переход ее в дворянское сословие Российской империи, на службу в императорскую армию...

Генеалогическая тема в биографии Гоголя, казалось бы, изучена поколениями историков вдоль и поперек, что-либо новое обнаружить невозможно. Вопросами гоголевского родословия исследователи занялись с середины XIX в., сразу после кончины писателя. Историки-генеалоги А.М. Лазаревский и В.Л. Модзалевский предприняли научную разработку этой темы. В наше время публикуются издания, обобщающие все накопленные сведения, в том числе фундаментальная «Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя» (см.: Родословие, 2009; Виноградов, 2017). Интерес к происхождению и личностям предков Николая Васильевича не спадает и донныне, подогреваемый также событиями в идейно-политическом поле, «перетягиванием» Гоголя между Россией и Украиной. Правда, как заметил еще в 1960-х гг. историк-эмигрант А.П. Оглоблин по поводу позднейших исследователей генеалогии Гоголя, «нового материала в их работах, по сути, очень немного» (Оглоблин, 1968: 7). В последние годы вместо твердо установленных фактов появляются ничем не подкрепленные фантазии на тему польских, великорусских, татарских и еврейских корней Гоголя.

Однако сейчас в родословной писателя виден перекокс — преобладает линия его отца. Подробно изучен род Яновских-Гоголей, составлено родословное древо Татьяны Семеновны Лизогуб-Яновской-Гоголь, бабки Николая Васильевича, наследницы громких фамилий в истории казачьей Гетманщины. Именно от нее в жилах Гоголя текла кровь гетманов Войска Запорожского, казачьих полковников, иных представителей казачьей старшины с высоким статусом: Дорошенко, Скоропадского, Танских, Забел, Лизогубов. Ветви родословного древа Николая Васильевича со стороны его матери оставались почти неизученными. Отчасти причина такой ситуации в том, что сама мать писателя, Мария Ивановна Гоголь, урожденная Косяровская, располагала весьма скудной информацией о своих даже ближайших предках. В автобиографических записках она признавалась, что «о предках наших по детской моей беспечности дальше не приходило на мысль расспросить у родителей и других знавших, а теперь уже и не у кого расспрашивать» (Родословие: 19). Она приводит некоторые запомнившиеся ей в детстве сведения о своем отце, Иване Матвеевиче, и деде Матвее Васильевиче (даже не приводя имени последнего) Косяровских, несколькими фразами касается семейства бабушки и дедушки по матери — Шостаков, вскользь упоминает своих прадедушку и прабабушку Щербак со стороны бабки Косяровской (притом неверно называя их Щербаковыми).

Проблема изучения родословия Косяровских, Шостаков, Щербаков упиралась в отсутствие сведений о том, где они жили. Генеалогический поиск невозможен без установления места жительства представителей рода или хотя бы узкого «ареала» их обитания в конкретные периоды времени. Более того, отсутствие такой информации может порождать разнообразные фантазии на тему происхождения пращуров: так, например,

Ивана Матвеевича Косяровского, деда писателя, «народная энциклопедия» Википедия сделала уроженцем города Орла — основанием чему стали всего лишь несколько лет его службы в этом городе по почтовому ведомству.

В эпоху цифровизации и автоматизированного поиска информации, когда происходит оцифровка архивных документов, выкладывание их в свободный интернет-доступ и создание баз индексированных данных, проблема эта решается.

В ходе генеалогического исследования автору этих строк удалось определить локализацию всех трех фамилий на территории Малороссии, воссоздать непрерывную родословную линию Косяровских вплоть до середины XVII в., найти документальные сведения о семействе прадеда и прабабки Н.В. Гоголя — Шостаках, идентифицировать как прапрадеда писателя Андрея Степановича Щербака, установить его происхождение, ближайших предков, подробности службы. Кроме того, было обнаружено его завещание 1765 г., в сокращенном виде оно публикуется в конце статьи.

Источниковой базой исследования стали метрические книги, исповедные росписи, хранящиеся в архивах Сумской и Полтавской областей, а также в Центральном государственном историческом архиве Украины (ЦГИАК); списки полковых присяг Гетманщины русским царям за XVIII в. из архивов Киева и Москвы; документы Генеральной описи Левобережной Украины 1760-х гг., содержащей генеалогическую информацию не только в переписях жителей городов и сел, но также в копиях владельческих и купчих документов¹. Кроме того, ценные сведения находятся в некоторых печатных изданиях, вышедших в постсоветское время на Украине: до сих пор они не были введены в тему родословия Гоголя. Немалый пласт информации предоставляют сетевые ресурсы — генеалогические порталы, главный и обширнейший из которых — форум сайта «Всероссийское генеалогическое древо» (ВГД). Некоторые сведения о Косяровских на форуме ВГД поданы в общем потоке генеалогической информации и также пока что не были введены в научный оборот в рамках гоголевского родословия.

Отправная точка исследования — отыскание «родового гнезда» Косяровских, предков Н.В. Гоголя по матери. Ревизские сказки крепостных крестьян 10-й ревизии податного населения Российской империи (1858 г.), составленные в Роменском уезде Полтавской губернии, сообщают о помещиках Косяровских села Медвежьего и двух хуторов при нем (Государственный архив Сумской области. Ф. 993. Оп. 1. Д. 155. Л. 944, 949, 954, 957, 960)². Ныне это село относится к Сумской области и по-украински называется Ведмеже. В XVIII в. название писалось разнообразно: Ведмежье, Ведмежое, Ведмедовка, Медвежое. До отмены сотенно-полкового военно-административного устройства малороссийской Гетманщины в 1782 г. оно числилось в Роменской, затем Хмелевской сотнях Лубенского полка. При чтении описи архивного фонда Лубенской полковой канцелярии (ЦГИАК) в делах 1760-х гг. автору этих строк несколько раз попало имя Матвея Косяровского. Следовательно, искать этот род стоило в документах именно Лубенского полка и, предположительно, в документах церковного учета села Медвежьего.

Забегая вперед, скажем, что дед Н.В. Гоголя Иван Матвеевич Косяровский действительно родился в Медвежьем, но в раннем детстве был оттуда увезен. Семья жила в других местах, где его отец получал служебные назначения, и в родовое село больше не возвращалась. В Медвежьем продолжали жить другие ветви рода Косяровских.

Об истории этого села фактически ничего не известно. В советской «Истории городов и сел УССР», в томе, посвященном Сумской области, сообщается, что Медвежье известно с середины XVIII в. Это абсолютно неверная информация. Оно существовало

¹ Поиск велся по цифровым копиям документов, выложенным в открытый доступ на сайте FamilySearch.com.

² Информация с форума ВГД, сообщенная В.В. Ковальским. URL: <https://forum.vgd.ru/post/1467/80826/p3218087.htm#pp3218087> (дата обращения: 13.11.2023).

по меньшей мере с начала XVIII столетия — именно как село с церковью, а не хутор или деревня, и Косяровские жили в Медвежьем как минимум с тех же времен. Во второй половине того же века в селе действуют уже два православных храма, Покровский и Троицкий. Ныне поблизости от села расположен населенный пункт Косяровщина — по-видимому, бывший в XIX в. хутором, которым владели Косяровские.

Информация об Иване Матвеевиче Косяровском донныне скудна и изобилует домыслами. Его дочь, Мария Ивановна, мать Н.В. Гоголя, писала о нем: «Отец мой при других науках учился юриспруденции, но пожелал служить лучше в военной службе, в обращении был очень любезен, всегда бывал в лучшем круге, когда стоял с полком своим в Петербурге. Первый раз женат был на дочери бывшей фрейлины. Единственное дитя у своих родителей, она была Зверевых. Красавица и добра, как ангел, 16 лет. Любила своего мужа до обожания... С первых родов она умерла, за ней последовал и сын, виновник ее смерти. Смерть ее чуть было не скосила ее мужа, он был в беспрестанных обмороках и когда пришел в себя, то, возвратя все приданое родителям ее... просил [командование полка], чтобы посылали его во все тяжелые случаи, чтобы скорее прекратить свое существование на земле, но религия поддержала его. Когда он был послан по каким-то делам по службе в зимнее время, на дороге застигла его страшная стужа, так что не мог никуда добраться и оставался (несколько) более суток без приюта. Когда его нашли по прекращении бури без чувств, на глазах был лед... По долгом лечении его объявили ему (как он мне говорил), что один его глаз умер. Тогда он не мог продолжать военной службы и должен был служить по гражданской части...» (Родословие: 19–20).

Уже биограф Гоголя И.П. Золотусский приписал Ивану Матвеевичу службу в гвардии, хотя в записках М.И. Гоголь ничего подобного нет. Орловский историк и краевед А.Ю. Саран в своем исследовании орловского периода жизни И.М. Косяровского повторяет этот пассаж и усиливает акцент на столичной жизни гвардейца: «Он служил в Санкт-Петербурге и вел жизнь, обычную для офицера императорской гвардии» (Саран: 99). А сегодня в интернете, в той же Википедии, можно найти утверждения, что И.М. Косяровский служил в лейб-гвардии Измайловском полку. Называется также имя фрейлины, на чьей дочери он женился. Насколько достоверны или недостоверны эти сообщения, выяснить не удалось, поскольку непонятно, откуда взята информация. Однако имеются большие сомнения в ее обоснованности.

В действительности И.М. Косяровский служил в конном Черниговском карабинерном полку. Эти сведения находятся в формулярных списках офицеров полка за 1785—1786 гг. Так, в послужном списке от 31 августа 1785 г. приведены следующие данные о его службе: «Корнет Иван Косяровский 25 лет — из малороссийского шляхетства, вступил в службу в январе 1772 г.; квартирмейстером 1773, вахмистром 1774, кадетом 1782, адъютантом 1785 март, из нижнего чина переведен корнетом в мае 1785» (Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7086. Л. 317об.–318)¹. В формулярном списке 1786 г. Иван Косяровский — корнет, продолжает службу в том же полку (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2084. Л. 615—660)². Родившийся в 1760 г., на военную службу он определился с 12 лет, что в те времена было нормой для дворянского сословия и малороссийского «шляхетства». Служба, однако, в столь юные годы проходила в домашней обстановке за учебниками.

Черниговский карабинерный полк отсчитывал свою историю с 1668 г., когда он был еще охочекомонным (добровольческим) полком. На протяжении XVIII в. он несколько раз менял название и лишь в 1784 г. получил наименование Черниговского

¹ Информация с форума ВГД, сообщенная Ю. Забелло. URL: <https://forum.vgd.ru/post/174/17860/p456855.htm#pp456855> (дата обращения: 13.11.2023).

² Информация с форума ВГД, сообщенная пользователем Teatroved. URL: <https://forum.vgd.ru/post/174/17860/p3999807.htm#pp3999807> (дата обращения: 13.11.2023).

карабинерного — стал одним из десятка малороссийских карабинерных полков, сформировавшихся на регулярной основе вместо прежних территориальных полков Войска Запорожского. С 1790-х гг. переименования и реформирования полка продолжились, но Иван Матвеевич к тому времени в нем давно уже не служил.

А вот старший брат его Петр Матвеевич военную карьеру продолжал и весьма успешно, дослужившись до подполковника. Начинал он тоже в карабинерном полку, только Киевском. В 1785–1786 гг. П.М. Косяровский — кадет этого полка (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2091. Л. 291–325; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2084. Л. 515–543)¹.

Автору этих строк удалось обнаружить документальный след семейной трагедии И.М. Косяровского, когда первая его жена «с первых родов... умерла, за ней последовал и сын, виновник ее смерти». В метрической книге села Барановки Голтвянского уезда Миргородской протопопии за 1788 г. содержатся записи 1. о рождении 4 января сына Ивана у отставного поручика Ивана Косяровского и жены его Веры; 2. о смерти его сына Ивана 5 января и жены Веры 10 января. Ей было 17 лет, скончалась она «по исповеди без причастия по случаю чадородия» (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1012. Д. 885а. Л. 292, 300).

Следует зафиксировать: И.М. Косяровский на январь 1788 г. — отставной поручик. О гвардии опять же никаких упоминаний. Тогда как бывший на крестинах восприемником младенца Петр Матвеевич Косяровский назван гвардии вахмистром. По-видимому, отставка Ивана Матвеевича состоялась в связи с женитьбой, предположительно в 1787 г., и чин поручика получен был при уходе со службы. Первую жену его звали Вера (не отсюда ли в памяти М.И. Гоголь, слышавшей эти рассказы в детстве, взялась по созвучию фамилия «Зверевы»?). Как Иван Матвеевич оказался на жительство в селе Барановке, довольно далеко от Медвежьего, на территории другого полка, Миргородского, будет сказано ниже.

Вторым браком И.М. Косяровский был женат на Марии Ильиничне Шостак. По словам М.И. Гоголь, она происходила из семьи небогатого малороссийского помещика. Сведения эти нуждаются в корректировке, но об этом речь пойдет позже.

К 1765 г., когда Ивану Косяровскому было около 5 лет, его семья уехала из Медвежьего. Но в 1763 г. они все еще там. Исповедная роспись Покровской церкви этого села в последний раз сообщает о Матвее Васильевиче Косяровском 36 лет, на тот момент имевшем чин войскового товарища, его жене Феодосии Андреевне 28 лет, детях: Анне 8 лет, Петре 5 лет, Иване 2 лет, а также их дворовых людях (ГАСУМО. Ф. 960. Оп. 3. Д. 184. Л. 126).

О своем деде Матвее Косяровском М.И. Гоголь рассказала вкратце: «...дед мой был уважаем всеми не по одному только уму, приписываемому ему, но по добрым качествам души и благородству поступков его. Он имел два сына и две дочери, служил по штатной службе, занимал почетную должность, но, к стыду моему, не знаю какую, чин он имел коллежского асессора, наследственное имение было около 60 душ на реке Голтве в 7 верстах от нашей Васильевки... И мне виден ум моего дедушки, потому что он доставил своим детям порядочное отличное воспитание тогда, как луч просвещения еще не касался нашей Малороссии» (Родословие: 19–20). Из-за недостатка информации о предке в ее рассказе содержатся несколько неточностей. Во-первых, дочерей у М.В. Косяровского было все-таки три. Во-вторых, служба его стала считаться статской, а не военной после окончательной ликвидации Гетманщины в 1782 г., упразднения военно-административного устройства Малороссии, когда всю власть, военную и гражданскую, осуществляла шляхетско-казацкая старшина Войска Запорожского. Чин войскового товарища Лубенского полка (присвоен в 1761 г.), земского писаря (а это именно чин) и, наконец, полкового судьи (присвоен в 1784 г. уже как пережиток эпохи Гетманщины)

¹ Информация с форума ВГД, сообщенная пользователем Teatroved. URL: <https://forum.vgd.ru/post/174/17860/p4135744.htm#pp4135744>; <https://forum.vgd.ru/post/174/17860/p3999829.htm#pp3999829>

определяют место Матвея Васильевича Косяровского в военно-управленческих структурах Войска Запорожского и всей Гетманщины.

И.А. Виноградов в «Летописи жизни и творчества Н.В. Гоголя» сообщает вехи карьеры М.В. Косяровского, ориентируясь по печатным «Месяцесловам с росписью чиновных особ в государстве». В 1770-х гг. он писарь в Миргородском земском суде, с 1782 г. служит уездным казначеем в местечке Городище (Виноградов: 165, 168—172, 174). Стоит уточнить, что должность писаря в учреждениях Гетманщины была войсковой, с соответствующим чином. Так, полковой писарь (чин) — это третий старшина в полку (после полкового обозного и полкового судьи), заведовавший всем делопроизводством полковой канцелярии; по российской Табели о рангах чиновник 12 класса. Земский писарь ведал делами земского шляхетского суда, разбиравшего имущественные вопросы. Полковой судья — второй старшина в полку, 8 класс Табели о рангах, соответствовавший чину коллежского асессора. Именно с этим российским чином М.В. Косяровский вышел в отставку и после Миргорода и Городища обосновался на покое в селе Барановке, где затем пережил семейную трагедию его сын Иван (ныне это село Миргородского района Полтавской области). Исповедная роспись Успенской церкви Барановки за 1786 г. сообщает: «Коллежский асессор Матвей Васильев сын Косаревский (так!)¹ вдов 51 [год], дочь его девица Агафья 16 [лет]» (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1016. Д. 78. Л. 1120 об.). Именно это село, очевидно, имелось в виду в рассказе М.И. Гоголь: «наследственное имение... на реке Голтве в 7 верстах от нашей Васильевки...» Барановку и Васильевку, где жили Гоголи, разделяет 12 км, а стоит Барановка на реке Псёл (но относилась действительно к Голтвянскому уезду). Умер М.В. Косяровский, по словам его внучки, где-то через год после ее рождения, в 1792 или 1793 г.

Здесь следует сослаться на современные украинские исследования персонального состава гетманского Войска Запорожского — справочно-энциклопедические издания по казацкой старшине (Кривошея, 2009; Кривошея, 2010). В них даны сведения о нескольких представителях рода Косяровских, в том числе Матвее Васильевиче, однако связь между ним и Н.В. Гоголем не проведена. Российские же исследователи-гоголеведы, по-видимому, эту информацию упустили из виду, поскольку доступ к украинским научным изданиям в России затруднен. Приведем данные из этих справочников в переводе на русский язык: «Косяровский Матвей (1727 — ?) — сын священника, согласно “сказке” 1763 г. служил с 1738 г. писарем сотенным хмелевским, в звании войскового канцеляриста 11 лет (1740—1751), был в перевозке казенного провианта из внутренних магазинов в линейные, на размежевании земель великороссийских с малороссийскими, в перестановке верст по главному тракту от рубежа до Киева... в 1763 г. в наблюдении за вольными крестьянами в Миргородском полку... Жена: N Андреевна Щербак, дочь войскового товарища» (Кривошея, 2010: 434). Имени жены Матвея Васильевича здесь нет, оно устанавливается только по исповедным росписям села Медвежьего.

Итак, М.В. Косяровский — сын священника. Для времен Гетманщины в Малороссии это совершенно рядовая ситуация, когда представители казацко-старшинских родов принимают духовный сан, а отпрыски священников идут на службу в канцелярии (полковые либо Генеральную войсковую) и получают войсковые чины. Переходы туда и обратно в малороссийских родословиях за XVII—XVIII вв. встречаются сплошь и рядом, замкнутости духовного сословия, как в коренных губерниях Российской империи, не было.

Брак с Феодосией Андреевной Щербак был у Матвея Васильевича вторым (не позднее 1754 г.). В документе 1747 г., содержащем записи о выплате пошлин за совершенные церковные треб, имеется запись о венчании «Матвея Косаровского жителя

¹ В XVIII в. фамилия писалась по-разному: Косяровский, Косаровский, Косаревский, Косировский.

Ведмежовского с девицей Параскевой Стефановой» (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1012. Д. 232. Л. 10). Венчание совершилось в селе Студенки Глуховской сотни Нежинского полка, откуда родом была невеста. О роде Щербак, из которого происходила Феодосия Андреевна, будет сказано позднее.

В том же справочнике Кривошеи по казацкой старшине имеется статья, с некоторыми неточностями в датах, о младшем брате Матвея, который тоже пошел не по духовной стезе, а выстраивал военную карьеру: «Косяровский Григорий Васильевич (1731 — ?) — поступил в Киево-Могилянскую академию (1742), службу начал в 1745 г. в Генеральной войсковой канцелярии, войсковой товарищ... писарь полковой... отставной полковой судья... бунчуковый товарищ...» (Кривошея, 2010: 433). Сведения в исповедных росписях подтверждают эту информацию. Но настоящий год рождения Г.В. Косяровского — 1729. Чин бунчукового товарища — на ранг выше войскового товарища.

Вообще судьба Матвея Васильевича Косяровского, прадеда Н.В. Гоголя по женской линии, весьма схожа с биографией деда писателя по мужской линии Афанасия Демьяновича Яновского-Гоголя. Оба — поповичи, учились в Киево-Могилянской академии (Матвей — предположительно, поскольку его младший брат Григорий, учившийся в КМА, скорее всего, следовал по стопам старшего). Оба не стали церковнослужителями, избрав службу в войсковых канцеляриях и дослужившись до сходных чинов (Косяровский — коллежского асессора, Яновский — секунд-майора, по Табели о рангах тот и другой чин — 8 класс).

Отца братьев Косяровских — доселе никому не ведомого священника, предка Н.В. Гоголя — обнаруживаем в нескольких документах. Во-первых, в присягах Лубенского полка (списках присягавших) российским государям первой половины XVIII в. и, во-вторых, в исповедных росписях села Медвежьего. Списки духовенства Роменской протопопии, присягавшего императрице Елизавете Петровне в 1741 г., содержат имена «наместника Хмеловского села Ведмедовки церкви Покровской Василия Леонтиева» и попов «села Ведмежого Якова Василиева да Якима Василиева» (ЦГИАК. Ф. 51. Оп. 3. Д. 8230. Л. 383 об.). Фамилия их в соответствии с обычной практикой тех времен не записана. Яков и Яким — старшие сыновья отца Василия, штатные священники той же Покровской церкви. Четвертый и самый младший сын Григорий упомянут в разделе присяги Роменской протопопии «Дети поповские». 14-летнего Матвея нет, потому что он в это время либо учится в КМА, числясь войсковым писарем, либо пребывает на службе в иных местах.

В списках присяги Лубенского полка императрице Анне Иоанновне 1732 г. среди духовенства Роменской сотни также значится «Василий Леонтиев поп Ведмежовский» — «был у присяги и подписался» (Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Оп. 103. Д. 8250)¹. Он же присутствует в присяге 1718 г. наследнику Петру Петровичу (сыну Петра I, вскоре умершему): «Василий Леонтиевич презвитер храма Покрова Пр[есвя]той Б[огороди]ци села Медвежого». В архивном деле со списками этой присяги удалось найти и его собственноручную подпись под «клятвенным обещанием», т. е. текстом присяги (РГАДА. Ф. 140. Оп. 1. Д. 31. Л. 16, 39 об.).

С фамилией Косяровский священник Василий Леонтиевич записан в двух исповедных росписях Покровской церкви за 1749 и 1750 гг. В первой читаем: «Иерей крестовый Василий Леонтиев Косяровский 66 [лет], жена его Анна Данилова 59 [лет], поп Яков Василиев 49 [лет], жена его Анна Герасимова 35 [лет]... поп Иоаким Василиев 39 [лет], жена его Параскева Иванова 32 [года]... Служители их... дворовые люди их...» (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1015. Д. 15. Л. 153)². Разницей в 10 лет между матерью и сыном следует

¹ Информация с форума ВГД, сообщенная пользователем Huginn. URL: https://forum.vgd.ru/289/25144/0.htm?a=stdforum_view&o= (дата обращения: 16.11.2023).

² В конце исповедной росписи Покровского прихода — подпись иерея Василия Леонтиева Косяровского.

пренебречь, поскольку возраст определялся «на глазок», по внешнему виду. Яков и Иоаким (Яким), старшие сыновья, родились в первое десятилетие XVIII в., младшие Матвей и Григорий появились на свет спустя два десятка лет.

Некоторую информацию об имущественном положении этого священнического семейства дают две ревизии Лубенского полка 1745 и 1747 г. В Медвежьем у «попов» Василия Косяровского, Якова и Якима Васильевичей — по двору на каждого, причем на дворах живут также казачьи подсоседки (числом от одного до пяти)¹. Кроме того, за Василием Косяровским числятся несколько наемных людей, имеющие собственные дворы в селе. Плюс к тому, отец Василий имел двор в городе Ромны, где также жил подсоседок (ЦГИАК. Ф. 51. Оп. 3. Д. 19343. Л. 420 об., 737 об.; Д. 19345. Л. 260 об., 307 об., 345).

В тех же ревизиях в сотенном местечке Хмелове обнаружен «двор попа Иоанна Касяренка», названного в другой раз «попом Иваном Леонтиевым» (Там же. Д. 19343. Л. 741; Д. 19345. Л. 323 об.). Пластичное формообразование малороссийских фамилий путем прибавления к корневой части суффикса -енко подразумевает здесь младшего члена семьи, который мог остаться на всю жизнь с этим уменьшительным суффиксом. Предположим, что это младший брат Василия Леонтиевича Косяровского, тоже священник. Однако дальнейшая его идентификация затруднена. Среди иереев Роменской протопопии того периода удалось найти священника Георгиевской церкви села Малые Бубны Ивана Леонтиева 70 лет, но потомство его носило фамилию Леонтовичи (что тоже соответствовало тогдашнему обычаю брать фамилию по отчеству отца или деда)...

В более поздних исповедных росписях села Медвежьего содержатся сведения о внуках Василия Леонтиевича Косяровского — Евстафии (Остапе) Яковлевиче, Федоре и Степане Якимовичах. Все трое пошли в войсковую службу, первые два имели чин войскового товарища, последний — значкового товарища (более низкий чин в казачье-старшинской иерархии Гетманщины). Информация о них приведена также в упомянутых выше справочниках В.В. Кривошеи (Кривошея, 2010: 434). Именно их потомки жили в Медвежьем в XIX в., многие служили по военной части. Так, в исповедной росписи Покровской церкви за 1825 г. значатся майор Василий Евстафьевич Косяровский, подпоручики Степан Степанович и Яков Федорович Косяровские (ГАСумО. Ф. 960. Оп. 3. Д. 188. Л. 291 об., 293 об.). У Григория Васильевича Косяровского, также доживавшего свой век в родном селе, потомства не было.

К 1759 г. священника Василия Леонтиевича Косяровского и его старшего сына Якова Васильевича уже нет в живых, судя по исповедной росписи за тот год. В Покровском храме служит Иоаким Васильевич.

О Якове стоит сказать чуть более. В метрической записи о рождении и крещении его сына Евстафия в 1731 г. в городе Гадяче (далеко от Медвежьего) его жена названа «Анна Кроткевичовна» (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1012. Д. 65. Л. 90). При просмотре других метрических записей той же гадяцкой Богоявленской церкви за разные годы обнаруживается «панна» Дарья Герасимовна Кроткевичовна. Несколько раз она и полковник Гадяцкого полка Григорий Грабянка² на пару крестили младенцев в качестве крестных родителей. Поскольку, по исповедным росписям, жену Якова Васильевича Косяровского звали Анна Герасимовна, они — родные сестры. В справочнике В.В. Кривошеи находим их отца, правда, названного ошибочно Герасимом Кротовичем: «шляхтич... комиссар

¹ Подсоседки — категория казаков Малороссии, не имевших собственного жилья и участков земли и вынужденных «подселяться» к более состоятельным людям. В качестве платы за это они отработывали по хозяйству (обрабатывали земли), зачастую попадая затем в крепостную зависимость и переходя в статус крестьян.

² Известен как автор сочинения по истории Малороссии «Летопись полковника Грабянки». К слову, его жена стала крестной матерью Евстафия Косяровского в 1731 г., а крестным отцом — полковой судья Гадяцкого полка Мартин Стишевский (Штишевский).

полковой гадяцкий... значковый товарищ Гадяцкого полка. Как брата смоленского митрополита в 1710 г. гетман взял его под свою протекцию...» (Кривошея, 2010: 443). В метрической записи о смерти 1731 г. он назван Герасимом Васильевым Кроткевичем (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1012. Д. 65. Л. 116 об.). Его брат Дорофей Кроткевич в 1710 г. стал архимандритом Симонова монастыря в Москве, а через два года был возведен в сан митрополита, возглавил Смоленскую и Дорогобужскую епархию. У Н.В. Гоголя получается очень дальнее генеалогическое пересечение с этим архиереем: старший брат прадеда Гоголя был женат на племяннице владыки. Несущественно, но любопытно.

Отец медвежьевского священника Василия Леонтиевича — Леонтий Косяровский в литературных источниках фигурирует как основатель дворянского рода Косяровских. Но, по-видимому, лишь А.П. Оглоблин провел прямую генеалогическую связь между ним и Н.В. Гоголем (Оглоблин, 1968: 33). В «Малороссийском гербовнике» под описанием герба рода Косяровских сообщается: «Потомство Леонтия Павловича Косяровского, знатного товарища Лубенского полка (1710)» (Лукомский, Модзалевский: 81). У В.В. Кривошеи помещена дополнительная информация: «Косяровский Леонтий Васильевич — сын священника, знатный войсковой товарищ Лубенского полка (1710—1716), наместник хмелевский. Род внесен в 1 часть родословной книги Черниговского наместничества» (Кривошея, 2010: 434). Разность отчества одного и того же человека объясняется разными источниками, которыми пользовались составители дореволюционного «Малороссийского гербовника» и современный украинский исследователь. У первых источником был «Сборник гербов Малороссийского дворянства, представленных в 1797—1800 гг. в Малороссийское Дворянское Депутатское Собрание, хранящийся в Архиве Черниговского Дворянского Депутатского Собрания» (Лукомский, Модзалевский: ХХІХ). У В.В. Кривошеи — «Родословная книга дворянским родам Черниговского наместничества. 1788 г. Часть I», хранящаяся в Институте Рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.В. Вернадского.

Для выяснения истинного отчества Леонтия Косяровского следовало обратиться к присяге Лубенского полка 1718 г. В списке духовенства Роменской протопопии значится «Леонтий Павлович презвитер храму Покрова Пр[есвя]той Б[огороди]ци села Медвежьего». Имена отца и сына, священников Леонтия и Василия Косяровских стоят в этом архивном деле на одном листе, но на разных его сторонах. Собственноручная подпись иерея Леонтия Павловича под текстом «клятвенного обещания» также имеется (РГАДА. Ф. 140. Оп. 1. Д. 31. Л. 15, 39). Служили они в одном и том же храме, как потом и сыновья Василия Леонтиевича будут служить в одном с ним приходе. Оба, Леонтий Павлович и Василий Леонтиевич, каждый в свое время были наместниками хмелевскими. Хмелев (или Хмелов) — местечко, небольшой городок поблизости от Медвежьего, около 1740 г. ставший центром Хмелевской сотни, выделившейся из Роменской сотни. Хмелевская же «крестовая наместня» как самостоятельная часть Роменской протопопии Киевской епархии, как видно, существовала и ранее. «Крестовые наместники... — это лица белого духовенства, которые за какие-либо заслуги приобретали независимость от местных протопопов и духовных правлений. Эту награду они получали от митрополита» (Покровский: Эл. ресурс, сноска 907).

До принятия священного сана Леонтий Косяровский был казаком, получил в 1710 г. звание знатного войскового товарища. В.В. Кривошея, определяя понятие «знатного войскового товарища», пишет, что это звание давалось казацким старшинам, отставленным от должностей полковников, сотников, атаманов полковых городов и иных старшинских урядов (Кривошея, 2008: 59). Категория знатных войсковых товарищей существовала во второй половине XVII — начале XVIII в., потом ее заменили иерархией чинов бунчуковых, войсковых и значковых товарищей. Очевидно, Леонтий Косяровский до 1710 г. пребывал на какой-то старшинской должности.

К тому времени ему было не менее 50 лет (его сын Василий Леонтиевич родился приблизительно в начале 1680-х гг.). Возраст как раз подходящий для того, чтобы закончить военную службу и задуматься о душе. И не вызывает никаких сомнений, что, принимая сан, Леонтий Павлович следовал стопами собственного отца.

Как уже говорилось, препятствий к переходу из казачьего звания в духовное и обратно в Малороссии времен Гетманщины не было никаких. А.П. Оглоблин, приводя множество примеров таких переходов, «большой близости духовного и старшинско-шляхетского звания на Гетманщине», пишет о «семейных связях священнических родов с местным казачеством, городской элитой и казацкой старшиной, и даже шляхетством». «Немало духовенства было старшинского или шляхетского происхождения. Нередко казацкий старшина (или его сын) принимал сан священника (или шел в монахи); кандидаты в священники вступали в брак со старшинскими дочерьми, а дети священников — с детьми старшины или шляхетства», «духовенство Гетманщины (особенно белое) владело имениями и имело своих “подданных”, впоследствии крепостных» (Оглоблин, 1968: 17—18).

К сожалению, об отце Леонтия Павловича священнике Павле Косяровском никаких сведений на данный момент не имеется. Следует лишь полагать, что родился он не ранее 1640 г., поскольку к 1660-му имел как минимум одного сына. Молодость либо зрелость его пришлась на бурную эпоху Богдана Хмельницкого. Но попытка обнаружить П. Косяровского в списках присяги Войска Запорожского 1682 г. царям Петру и Ивану Алексеевичам оказалась тщетной. Киевская митрополия перешла из константинопольской юрисдикции в ведение Московского Патриархата лишь в 1685 г., до этого времени малороссийское духовенство en masse русским царям не присягало.

Неизвестно даже, жил ли он на территории Лубенского полка или в других полках Гетманщины. Последняя треть XVII — первые десятилетия XVIII в. в Малороссии — это время великой нестабильности, массового движения народа, дважды организованного, в том числе в 1710-х гг. по велению Петра I, переселения целых полков с правого берега Днепра на левый. Нельзя исключить, что Павел Косяровский либо его сын Леонтий обосновались на Левобережье, в Лубенском полку, мигрировав с правобережных территорий. Некоторым свидетельством в пользу этого предположения может быть обнаружение сходной фамилии в селах Таращанского уезда Киевской губернии. Шляхтичи Козяровские, впоследствии дворяне и крестьяне (разные ветви рода имели разную судьбу), фиксируются там документами с конца XVIII в., т. е. после вхождения Правобережной Малороссии в состав Российской империи. В XVII столетии это территория Белоцерковского полка Гетманщины. При просмотре списков присяги этого полка 1654 г. царю Алексею Михайловичу в числе мещан местечка Боярка (поблизости от упомянутых сел) был обнаружен писарь Василий Козаровский (Присяжні книги: 78). И еще деталь: после Прутского договора России с Турцией правобережные полки Гетманщины в 1712 г. были упразднены, почти все их население, казаки, крестьяне и мещане, переведено на российское Левобережье (кое-кто все же остался на прежнем месте). Немалая часть Белоцерковского полка расселилась на территории Лубенского — в Смелянской сотне, соседней с Роменской. Но подкрепить эту версию — родственной связи между лубенскими Косяровскими и белоцерковскими Козяровскими — более твердыми фактами пока невозможно.

Итак, в роду Н.В. Гоголя, потомка священников Яновских по отцовской линии, обнаружены еще трое представителей духовенства по прямой линии Косяровских и еще двое, а то и трое священников в боковых ответвлениях той же фамилии. Возможно, гоголевым это даст дополнительную пищу для размышлений о глубинных и неочевидных корнях его мистического мирозерцания, истоках его глубокой погруженности в духовные материи и христианские идеи, его тяги к вероучительному наставничеству, столь

ярко проявившейся в «Избранных местах из переписки с друзьями» и «Размышлениях о Божественной литургии».

О втором браке своего отца, Ивана Матвеевича Косяровского, М.И. Гоголь писала: «Когда время несколько ослабило горе его, он еще был довольно молод и с расстроенным здоровьем, то видел, что ему надобно иметь подругу его жизни. Случилось ему быть в доме малороссийского помещика, имеющего 100 душ и 12 детей, по 6 сынов и дочерей, а другая такая же дюжина детей умерла. Фамилия его была Шостак. Это многочисленное семейство было очень щастливо, очень доброе, и все имели большие способности... Из этого-то семейства Бог указал моему отцу жену, девицу 20 лет, Марию Ильиничну, добрую и скромную» (Родословие: 21). В этом рассказе есть несколько неточностей, выявленных по документам.

Начнем с того, что автору недавно вышедшей обобщающей «родословной летописи» Гоголя И.А. Виноградову отец Марии Ильиничны, по сути, неизвестен. Имя его Илья выводится из отчества дочери. Состав семейства «помещиков» Шостаков также не называется, за единственным исключением: «Из сыновей Ильи Шостака известен только младший сын Григорий» (Виноградов: 182). Между тем в справочнике В.В. Кривошеи Шостаки представлены двумя поколениями рода.

Отец Марии Ильиничны «Шостак Илья Афанасьевич (1720/1723 — до 1824) — службу начал с 1735 г. при лубенской полковой канцелярии, прохоровский сотенный пи-сарь, с 1739 г. — войсковой канцелярист Генеральной войсковой канцелярии, сотник лю-тенский (1747–1777)... Обозный полковой (1777–1782). Имел 204 подданных в 2 местеч-ках и 4 хуторах (1788). Жена: Евфросиния Ивановна Кириякова, дочь войскового това-рища» (Кривошея, 2010: 765).

Трудности выявления генеалогических связей в гоголевском родословии связаны с тем, что в памяти матери писателя и других его ближайших родственников, сообщав-ших сведения биографам Николая Васильевича, не отложились географические локации, связанные с предками, названия мест их жительства. Так же как Косяровских, это каса-ется и Шостаков, Щербаков, Лизогубов. Но справочник В.В. Кривошеи дает подсказки, хотя и не во всех случаях. В отношении Шостаков подсказкой стала должность Ильи Афанасьевича «сотник лютенский».

Лютеня — ныне село Гадяцкого района Полтавской области, а во времена Гет-манщины — сотенное местечко, центр Лютенской сотни Гадяцкого полка. Расположено недалеко от Барановки, где жили Косяровские, — по прямой около 27 км.

По этому населенному пункту за вторую половину XVIII в. сохранилось несколько исповедных росписей трех православных приходов. Начнем с самой ранней, за 1767 г. В исповедной росписи Никольской церкви указаны: «Сотник Лютенский Илия Шостак 47 [лет], жена его Евфросиния Ивановна 32 [лет]» и семеро их детей от 2 до 12 лет. Марии среди них нет, зато есть Марина 2 лет от роду. Далее перечисляются дворовые служители (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1016. Д. 30. Л. 822). В исповедной росписи того же прихода за 1771 г. перечислены: сотник Илья Шостак 51 года, жена его Евфросиния 33 лет, шестеро их детей, среди них — Мария 6 лет. Марины уже нет, очевидно, в первом документе была описка (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1015. Д. 58. Л. 851). Исповедная роспись Никольской церкви 1782 г. дает сведения: «Обозный полковой Илья Афанасьев сын Шостак 62, жена его Ев-фросиния Иванова 44». Детей перечислено пятеро, Марии 16 лет (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1015. Д. 78. Л. 1213 об.). В исповедной росписи 1784 г. Илья Афанасьевич Шостак уезд-ный судья и по-прежнему обозный полковой. Дочери Марии 18 лет. Много дворни — 12 человек, включая малолетних (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1015. Д. 84а. Л. 1015 об.). Наконец, в исповедной росписи за 1794 г. указаны премьер-майор Илия Афанасьев сын Шостак 74

лет, Ефросиния Иванов[н]а 56 лет и единственная оставшаяся еще незамужней, самая младшая дочь Ксения 16 лет. Опять много дворовых людей (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1016. Д. 93. Л. 10 (784)).

Мария Ильинична вышла замуж около 1790 г., и спустя год у четы Косяровских родилась дочь, тоже Мария. Дата рождения самой Марии Ильиничны — приблизительно 1765–1766 гг. То есть под венец она шла 24–25 лет от роду, а не 20, как утверждала впоследствии ее дочь.

Относительно огромного числа детей в семье Шостаков из рассказа М.И. Гоголь — дюжина выживших и столько же умерших — возможно, это aberrация памяти и речь должна идти приблизительно о полудюжинах выживших и умерших. По наличным документам рожденных детей насчитывается 13 (если считать Марину и Марию одним и тем же ребенком). Вот их список в порядке старшинства: Ефросиния, Василий, Андрей, Николай, Ульяна, Александр, Дарья, Павел, Мария, Анастасия, Григорий, Антон, Ксения. Либо же умиравшие во младенчестве дети не успевали попадать в исповедные росписи, тем более что за другие годы эти документы (как и метрические книги) не сохранились.

Обозный полковой, чин, который был присвоен И.А. Шостаку, — это первый старшина в полку, заместитель полковника в его отсутствие. Поскольку в отставку Илья Афанасьевич вышел в чине премьер-майора, по Табели о рангах полковой обозный соответствовал 8 классу — тому же самому, в котором в отставке пребывали коллежский асессор М.В. Косяровский и секунд-майор А.Д. Яновский-Гоголь. Впрочем, конечно, всех их, ведущих размеренную жизнь на покое, в хлопотах по хозяйству, можно было назвать «малороссийскими помещиками».

Справочник В.В. Кривошеи содержит также статьи о братьях Ильи Афанасьевича. Все, как и он, начинали службу с войсковых канцелярий. Иван был сотенным атаманом 2-й Лохвицкой сотни, имел чин войскового товарища. Григорий — сотником Чернухской сотни. Андрей Афанасьевич Шостак также достиг чина полкового обозного, только Лубенского полка (Кривошея, 2010: 764–765).

Там же помещена справка об их отце: «Шостак Афанасий Лукич (1687 — ранее 1759) — службу начал в 1716 г. Был в Сулацком (Персидском. — *Н.И.*) походе (1722–1724). Значковый товарищ Лубенского полка, наказной сотник чернухский (1728), городской атаман чернухский (1729–1742). Имел 3 шинка в Чернухах. Жена: Мария Васильевна Сухая, дочь полкового есаула полтавского» (Там же: 765).

Несохранившаяся исповедная роспись Воскресенской церкви местечка Чернухи (ныне Лубенский район Полтавской области) за 1739 г. давала такие сведения: «Афанасий Лукианов Шостак 52 лет, его жена Мария Василиевна 36 лет., их дети: Иван 23 л., Андрей 12 л., Григорий 11 л., Елена 14 л., Марина 10 л., Мария 9 л., Марфа 3 л.» (Астряб, 1912б: 65–66, сноска 3). Илья Афанасьевич в это время служил в другом месте.

О тесте Афанасия Шостака есауле Полтавского полка Василии Сухом удалось найти пару упоминаний в документах и литературе: он участвовал в защите Полтавы от шведов в 1709 г., за что был награжден имением.

Подытожим: эта ветка в родословном древе Н.В. Гоголя — целиком казачья, ее представители составляли средний слой казацкой старшины Войска Запорожского, от городских атаманов и сотников до полковых есаулов и заместителей полковников. После ликвидации Гетманщины они получали соответствующие чины по Табели о рангах и права российского дворянства, а выходя в отставку, превращались в помещиков.

В автобиографических записках М.И. Гоголь упомянула дедушку и бабушку своей тетки, сестры отца, Анны Матвеевны, урожденной Косяровской, у которой Мария Ивановна воспитывалась в детстве: «...она (тетка. — *Н.И.*) училась самоучкой, проживая у

своего дедушки и бабушки Щербаковых, очень богатых помещиков, но не имевших никакого способа доставлять воспитание. Они имели одного сына и того, по случаю, отправили за границу учиться» (цит. по: Виноградов: 193).

Вторую жену Матвея Васильевича Косяровского, как уже говорилось, звали Феодосия Андреевна, в девичестве Щербак. По справочнику В.В. Кривошеи, она — дочь войскового товарища. Однако идентифицировать ее отца по тому же справочнику оказалось непросто. В нем несколько Андреев Щербаков, два значковых и один войсковой товарищ Миргородского полка, но последний, по просмотру документов, оказался не годен на роль отца Феодосии Андреевны. Подсказку дал другой Щербак — Максим Андреевич — сотник пирятинский, есаул Лубенского полка, бунчуковый товарищ (Кривошея, 2010: 771). Один из вышеупомянутых Андреев Щербаков тоже в свое время «был за сотника пирятинского». Учитывая обычай наследования должностей в Гетманщине (причем обязательно подряд в хронологическом плане: сын мог наследовать должность отца через много лет после его смерти или отставки), следовало предположить, что здесь как раз такой случай.

В «Летописи жизни и творчества Н.В. Гоголя» И.А. Виноградова упоминается Михаил Максимович Щербак, двоюродный брат Анны Матвеевны и Ивана Матвеевича Косяровских, состоявший в переписке с семейством Гоголей. Следовательно, его отец Максим Щербак и жена Матвея Косяровского Феодосия Щербак были родными братом и сестрой. Упоминается в том же издании деревня Щербаковка Пирятинского уезда Полтавской губернии — имение Щербаков в XIX в.

В совокупности эта информация дала направление поиска следов Андрея Щербака — в Пирятине, сотенном городе Лубенского полка, или Пирятинском уезде.

Однако просмотр документов за 1740-е гг. — присяги Лубенского полка 1741 г. и ревизий того же полка 1745 и 1747 гг. дал скромный результат. Фамилия Щербак нигде не фигурировала. В наличии был только городской атаман пирятинский Андрей Стефанов/Степанов, его дворы в Пирятине и собственноручные подписи.

Искомое нашлось в документах Генеральной описи Левобережной Украины, проведенной по указу генерал-губернатора Малороссии графа П.А. Румянцева во второй половине 1760-х гг. (так называемая Румянцевская опись: почти тысяча томов архивного фонда, хранящихся в киевском ЦГИАК). Переписчики, участвовавшие в этой грандиозной работе, кропотливо и тщательно копировали все имеющиеся у домохозяев и землевладельцев (казаков, казацкой старшины, мещан) документы на право владения недвижимостью, купчие, дарственные, завещания и др.

В одной из купчих 1756 г. было обнаружено упоминание хутора отставного атамана пирятинского Андрея Стефановича Щербака. Затем была найдена «Ведомость» имущественных владений сотника пирятинского Максима Щербака: перепись дворов, которыми он владел, всех обитателей этих дворов — служителей, «подданных» и подсоседков и, главное, комплекс купчих документов на жилые и нежилые дворы, участки земли и леса, хутора, мельницы и пр. (ЦГИАК. Ф. 57. Оп. 1. Д. 425а. Л. 385—483). Подобные «Ведомости» в составе Румянцевской описи — ценный дополнительный, а порой и единственный источник генеалогических сведений о представителях казацкой старшины. В данном случае вся информация о роде Щербак взята именно оттуда. К тому времени, когда производилась Генеральная опись, А.С. Щербак был уже покойным. Все имущество перешло к его единственному сыну Максиму.

Городовым атаманом Пирятин Андрей Степанович Щербак был приблизительно с 1735–1736 гг. до конца 1740-х гг. В 1749 г. он уже отставной атаман — это следует из подписей под документами. В эти годы он пребывает в чине значкового товарища, а чин войскового товарища получает в 1760 г. (о чем в справочнике В.В. Кривошеи нет информации).

О его отце узнаем из описи дворов: «товарищ¹ сотни Пирятинской Стефан Иванов Щербак» (ЦГИАК. Ф. 57. Оп. 1. Д. 425а. Л. 386). Далее в описи и в купчих документах упоминаются родственники А.С. Щербака, у которых он приобрел то или иное недвижимое имущество. Казаки пирятинские Петр и Андрей Грищенко (Григорьевичи) — двоюродные братья его отца Степана. Казаки Григорий и Андрей Степаненковы — дядья А.С. Щербака (вероятно, по матери). Евдокия и Ирина Григорьевны (с мужьями) — его двоюродные сестры. Атаман куренский (в сотенном местечке Куренька) Григорий Мартинович — его зять. Казак пирятинский Роман Курило — его племянник. Сообщается также о его деде Иване — он тоже жил в Пирятине, владел двором, который по наследству перешел к потомкам. Но неясно, был он казаком или мещанином.

Самая ценная часть этого комплекса документов — «тестament», завещание А.С. Щербака, прапрадеда Н.В. Гоголя. Написано оно в 1765 г., незадолго до его смерти, и в виде копии помещено в Румянцевскую опись. Сочинитель завещания, сам А.С. Щербак, скрупулезно перечисляет все свое нажитое к тому времени недвижимое имущество, которое он оставляет сыну Максиму: у кого, когда и при каких обстоятельствах все это было приобретено. Так же тщательно перечисляется приданое, доставшееся трем дочерям, в том числе Феодосии, в замужестве Косяровской. Предваряет имущественную часть завещания духовное рассуждение о сроке, отмеренном каждому Богом, и приближающейся черте, за которой — неминуемая встреча с Всевышним и Его суд. Упоминается пророк царь Давид, а в конце завещания — пророк Моисей. Без знакомства с комплексом аналогичных малороссийских «тестamentов» казацкой старшины² трудно сказать, насколько эти рассуждения трафаретно-этикетны или оригинальны и являются плодом размышлений самого составителя завещания.

В тексте завещания названа жена А.С. Щербака — Стефанида Григорьевна. Установить ее происхождение не удалось. Думается, родом она могла быть из какого-то старшинско-казачьего пирятинского семейства. Возможно, именно удачная женитьба помогла сыну рядового казака занять должность городского атамана.

Завещание А.С. Щербака публикуется здесь с сокращениями: полностью приведены только начальный и завершающий фрагменты. Подробная перепись владений опущена. Текст дается в современном написании букв, с расставленными знаками препинания.

«Тысяча семьсот шестьдесят пятого году октября первого дня.

Я, нижеподписавшийся, всякому суду и правде кому сего теперь и впредь следующие времена ведати нужность укажет, чрез сей мой саморучный остатный тестament чиню ведомо, имея я у свежей памяти предписанную пророком Давидом в семи- и осмидесяти летех человеческих, к коим я по щедротам Бога достиг уже неминуемую черту, чрез которую в сей временной гостини света многие з законными посп[т?]упками к вечному блаженному жилию переходят; наследствовати чего желая и я приспособить себе к тому кроме другими добрами делами сим христианским и гражданским долгом упосредство почел будучи нине при доброй памяти и здравом рассуждении прежде прохождению твоей неминуемой черты, которая уже сближается, на все как по умершему отцу моему, жителю и козаку пирятинскому Стефану Иванову, оставшиеся мне в посессию недвижимые, так и самим мною с тех же нажитые движимые и недвижимые добра положением в сотнях Перво- и Второпирятинских находячиесь, чтобы по смерти моей те добра чрез судебные тяжбы разоренны и незаконно кем-либо захвачены не были, а за оные самому б мне в день

¹ Из «рядового товарищества», т. е. рядовой казак.

² «В Институте рукописи хранится целый сборник тестamentов 1636–1761 гг., кроме того, тестamentы разбросаны по разным архивным фондам» (Кривошея, 2008: 26).

суда Божия испитану не бить в силе законов правних, надлежащий сей последний мой testament, употребив во свидетельство оногo честних троих шляхтичов и едного врядника¹, ниже подписавшихся, сочинить, какой мною и сочинен, а именно: 1. на двори жилие и подсосудочные в городе Пирытине состоящие... [далее описание 34 дворов, наследственных, купленных, в уплату долга доставшихся — у кого, от кого и когда]; 2. на комори, на ринку в замку стоячие... [далее сведения о 3 коморах²]; 3. на состоящие под городом Пирытином на реки Удаи по тракту на Чорнухи идучой дороги мельнице [далее сведения о двух мельницах]; 4. на леса отческие и самим мною купление, в разных урочищах состоящие [далее перечислены 44 участка леса, купленные у разных людей, в наследство или в уплату долга доставшиеся]; 5-е. на хуторе сотне Первопирятинской в разных местах положением имеючись со всеми к ним принадлежащими степом луками и пахатными полями: 1. хутор, прозываемый Слепородский... 2. хутор, прозываемый Скачок... 3. хутор... прозываемый Сидорцеви... Четвертый хутор, прозываемый Плескун...; 6. на находячися [в] сотне Второпирятинской в селе Харьковцах подсосудочные двори мои [далее описание 6 дворов]... Те все вишеписание у городе Пирытине жилие и подсосудочные двори, комори, мелнице, леси, хуторе и в селе Харьковцах подсосудочные двори, за правними крепостми спокойно мною владеемые, а при них и все движимое, яко то лошадиный и рогатый скот, також все домашние рухляди и другое, чтобы в доме моем не[ни] било, по смерти моей в досмотр и содержание жене моей Стефаниде Григориевой дочери по жизнь ей поручаю, а по ей смерти как прямому и единственному всех тех добром моих наследнику, сину моему сотнику первопирятинскому Максиму Щербаку, а оные движимые и недвижимые добра яко иние оному сину моему Максиму дедизние, а другие с тех же мною нажитие, а не материстие³ сим моим саморучним правним testamentом записую и поставление вообще в книге статут роздела 3^{6[6?]} артикула 41 да того же статута роздела 7 артикула 1: малороссийския права оному сину моему Максиму вливаю, по коим он и наследники его у полной поссессии тех добр вечно быть должны. Другие же дети мои, Мар[и]я, Феодосия и Параскевия, с коих две, Мария и Параскевия, уже умерли, и их наследники к тем моим добрам, что оные все за жизни моей взамуже видани и по характеру и возможности моей оные вивенени (?), и дано Марии Столповской денег триста двадцать рублей, перель⁴ за пятьдесят рублей, ланцужок⁵ золотий, куплений мною за двадцать рублей, дукатик у пяти червоних, сребра по части, скота рогатого: волов дванадцать, коров десять, овец сто, лошадей десятеро, кроме сукон, платя и коляски, а на детей оной дочери моей Марии еще положено двесте рублей, а всех пятьсот двадцать рублей денег; Феодосии Косяровской дано денег пятьсот рублей, перель за пятьдесят рублей, ланцужок золотий, дукатик у шести червоних, сребра по части, скота рогатого: волов десять, коров восемь, овец сто, лошадей пятеро, кобилиц восемь, кроме платя, коляски и прочого; Параскевии Вакуловичевой дано денег триста рублей, перель, куплений мною за восемьдесят рублей, кои по умертвии ей продани мною за сто рублей, ланцужок золотий, дукатик у шести червоних, сребра по части, [и?]з скота рогатого: волов дванадцать, коров десять, кобилиц восемь, жеребця лошадей трое с коляской, овец восемьдесят, кроме плаття, которое по смерти ей з ведома мужа ей розпродано и на оное за рукой моей реестр имеется; никакого уже впредь участия иметь не должны и по смерти самага мене и жени моей показаним дочкам моим либо их наследникам реченный син мой Максим никаких вже более посагу⁶ и виправе по силе узаконеного в статуте роздела

¹ От «уряд» — должность. Т. е. должностное лицо.

² Нежилые строения.

³ Не материнские, т. е. не от матери доставшиеся.

⁴ Жемчуг.

⁵ Цепочка.

⁶ Посаг — приданое.

5 артикула 4^{6[6?]} права давать не повинен и они его ни в какой суд и право припозивать и никакого зиску на ему, сину моему, чинити не в сили, и даби сей мой саморучний тестамент вчисто, без и малейшого оногo нарушения зоставать, во всякого суда и права за силний признавать бити могл, для того с положением на противника оногo по предписанной законодавцем Моисеем заповеди для непочитающих родителей в сем свете в лишении жизни штрафа, а в будущем веце пред маестатом Божияго суда неослабного испытания, упросив во свидетелство сего тестаментa троих шляхтичей и одного вradника з дозволением оний на каком хотя уряде при жизни или по смерти моей конфермовать. Году, м[еся]ца и числа вышеспецефикованих сочинен.

В сподленном тако

К сему моему саморучному остатнему тестаменту для сдержания в нем в чистой твердости и сили при моей печати подписался абшитований¹ войсковий товарищ Андрей Стефанов Щербак.

При сочинении сего тестаментa были и по персонательной сочинителя в него прозбе подписались протопоп пирятинский Илия Максимович при своей печати.

Иерей Св[я]тоуспенской пирятинской церкви Елисей Максимович при своей печати.

Подкоморий² Лубенского повету Иван Александрович при своей печати.

Атаман сотенний горошинский Василей Иванов син Волинский Семперович».

(ЦГИАК. Ф. 57. Оп. 1. Д. 425а. Л. 410—416 об.)

В дополнение приведем сведения о семье А.С. Щербака из несохранившейся исповедной росписи Успенской церкви Пирятина за 1749 г.: «Андрей Стефанович Щербак 57 л., его ж. Стефанида (50 л. в 1755 г., † ок. 1778 г.), их дети Максим 10 л., Феодосия 14 л., Параскева 12 л.» (Астряб, 1912а: 168, сноска 294). В той же справке М.И. Астряб сообщает, что Андрей Стефанович Щербак состоял на службе с 1711 г., и дает сведения о его сыне Максиме, которых нет в справочнике В.В. Кривошеи.

В целом эта ветка в родословии Гоголя являет собой пример возвышения простого казачьего рода до положения казацкой старшины средних степеней и его быстрого обогащения, вхождения фамилии в дворянское сословие Российской империи. Впоследствии юный Николай Гоголь учился на одном отделении Нежинской гимназии с Михаилом Михайловичем Щербаком — троюродным братом своей матери, правнуком войскового товарища Андрея Щербака (Виноградов: 314). По свидетельству однокашника Гоголя, еще и в 1820-е гг. Щербаки, жившие «около Пирятина», «были довольно богатые люди» (Виноградов: 388).

В жилах Николая Васильевича Гоголя текла кровь запорожских казаков, старшинско-казацких родов, унаследованная от предков как со стороны отца, так и матери. Но, по-видимому, по линиям Косяровских, Шостаков, Щербаков эта кровь была «спокойнее», не столь буйной и горячей, как у метавшихся в своих политических предпочтениях между русскими царями, польскими королями и турецкими султанами, то изменявших и уходивших за кордон, то возвращавшихся и вновь присягавших российскому престолу Дорошенко, Танских, Лизогубов. Чем выше было положение в иерархии Гетманщины — тем больше оказывалось соблазнов побороться за «самостийность», автономные «права и вольности» Малороссии, поискать союзников и покровителей среди монархов иных держав. Но предки Гоголя по материнской линии в изменнических делах, очевидно, не замарались, поскольку вообще видны становятся как представители казацкой старшины лишь в 1710–1730-х гг. В эти годы бурная пора малороссийских военно-политических

¹ В отставке.

² Судья, ведавший конфликтными имущественно-земельными делами.

смятений осталась уже позади, а старшина Войска Запорожского входила во вкус жизни новой «шляхты», размеренного бытия землевладельцев-скопидомов, более или менее успешно прибиравших к рукам богатства Малороссии.

Кроме того, и немалая доля «поповской» крови в жилах Николая Васильевича — опять же от предков как отца, так и матери, очевидно, сыграла в его судьбе великую роль, хоть он и знать не знал о священниках Косяровских. Христианское мироощущение, горячее переживание христианских истин, попытки воплотить эти истины в собственной жизни и в литературных творениях, явить миру христианский человеческий идеал — все это Гоголь получил из семьи, из домашней религиозной, проникнутой христианским мистицизмом атмосферы, передававшейся из поколения в поколение.

И кому, как не Гоголю, носителю этих смешанных казацко-поповских кровей, было писать эпический гимн запорожскому казачеству, «рыцарству» православной веры — «Тараса Бульбу»?

БИБЛИОГРАФИЯ

- Астряб М.И. Старая Полтавщина и столетняя тяжба Марковичей с Свечками и Пасютами (1720–1827 гг.) // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Вып. 8. Полтава, 1912[а].
- Астряб М.И. Старшина Лубенского полка в 1777 г. // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Вып. 9. Полтава, 1912[б].
- Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808). Науч. изд. В 7 т. Т. 1. 1809–1828. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 736 с.
- Золотусский И.П. Гоголь. М.: «Молодая гвардия», 1979. 541 с. («Жизнь замечательных людей».)
- История городов и сел УССР: Сумская область / Гл. редколл. П.Т. Тронько и др. Киев: Ин-т истории АН УССР; Глав. ред. Украинской Сов. Энциклопедии, 1980. 698 с.
- Кривошея В.В. Козацька еліта Гетьманщини. Киев, 2008. 452 с.
- Кривошея В.В. Козацька старшина Гетьманщини: Енциклопедія. Киев: «Стилос», 2010. 792 с.
- Кривошея В.В., Кривошея И.И., Кривошея О.В. Неурядова старшина Гетьманщини. Киев: «Стилос», 2009. 432 с.
- Лазаревский А.М. Сведения о предках Гоголя // Памяти Гоголя: Научно-литературный сборник / Под ред. Н.П. Дашкевича. Киев: Историческое общество Нестора-летописца, 1902. С. 3–12. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Сведения_о_предках_Гоголя_\(Лазаревский\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Сведения_о_предках_Гоголя_(Лазаревский)) (дата обращения: 16.11.2023).
- Лукомский В.К., Модзалевский В.Л. Малороссийский гербовник / Издание черниговского дворянства. СПб., 1914.
- Покровский И.М. Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы: опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. В 2 т. Т. 2. XVIII в. Казань, 1913. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Pokrovskij/russkie-eparhii-v-16-19-vv-ih-otkrytie-sostav-i-predely-opyt-tserkovno-istoricheskogo-statisticheskogo-i-geograficheskogo-issledovaniya-tom-2-18-v/8#note907 (дата обращения: 16.11.2023).
- Присяжні книги 1654 р. Білоцерківський та Ніжинський полки. Київ, 2003.
- Родословие Н.В. Гоголя: Статьи и материалы / Под общ. ред. В.П. Викуловой; сост. и авт. вступ. ст. П.В. Михед. М.: АНО «Фестпартнер», 2009. 336 с.
- Саран А.Ю. Орловские сюжеты в родословной Н.В. Гоголя // Вестник архивиста. 2007. № 2 (98). С. 99–110.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ОБОБЩЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ОПЫТА»

Крупная научно-практическая конференция 2 ноября 2022 года была проведена в стенах Московского государственного института культуры. Ее организаторами стали Кафедра культурного наследия ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры» и Белорусский государственный институт философии.

В Организационный комитет конференции вошли: председатель комитета: д.и.н. Д.М. Володихин; члены комитета: д.ф.н. В.А. Максимович, к.п.н. Е.Г. Боронина, А.В. Зубенко.

Открывая конференцию, с приветственным словом выступил Ярошенко Николай Николаевич, доктор педагогических наук, проректор по научной работе МГИК.

С докладами на пленарном заседании выступили: Володихин Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой культурного наследия МГИК: «Петух на монетах великого князя Дмитрия Ивановича: фольклор, календарь или христианский символ?»; Боронина Елена Германовна, кандидат педагогических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой культурного наследия МГИК: «Фольклорные экспедиции Московской государственной консерватории под руководством В.М. Щурова».

После пленарного заседания состоялись заседания трех секций: «Культурное наследие России: экспедиционный опыт» (российские исследователи из МГИК); «Культурное наследие Беларуси и Китая: эстетика и обобщение опыта охраны в XXI веке» (белорусские и китайские исследователи); «Народное культурное наследие Сербии» (сербские исследователи). Две последние секции прошли в дистанционном формате, первая – в очном. Всего было сделано 18 выступлений, число участников, присутствовавших очно или дистанционно, составило около 100 человек.

Научный ежегодник «Историческое обозрение» публикует некоторые статьи, написанные по материалам некоторых докладов первой секции.

Программа секции «Культурное наследие России: экспедиционный опыт»:

Чернова Анастасия Евгеньевна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурного наследия МГИК. «Устная история в Онежском районе Архангельской области» (по материалам экспедиции, 2022 г.)».

Сорокин Владимир Борисович, кандидат философских наук, доцент кафедры культурного наследия МГИК. «Исторический и территориальный аспект концептуального планирования экспедиций».

Ситников Владимир Иванович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурного наследия МГИК. «Фольклорные экспедиции в Тверскую область: прикладной аспект».

Демирова Наталья Ильинична, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры культурного наследия МГИК; *Болдырева Екатерина Михайловна*, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела архитектурных памятников ГИМ. «О роли археологических экспедиций в складывании коллекций ГИМ».

Федотовская Ольга Александровна, доцент кафедры культурного наследия МГИК. «Традиционное воспитание детей в крестьянской общине (по материалам фольклорных экспедиций в Вологодскую область)».

Карлова Ульяна Сергеевна, магистрант кафедры культурного наследия МГИК. «Песенная культура семейских Забайкалья (по материалам экспедиций 2019, 2021 гг. в села Старый и Новый Заган Мухоршибирского района Республики Бурятия)».

Д.М. Володихин

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭКСПЕДИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.М. ЩУРОВА

Вячеслав Михайлович Щуров (1937–2020) – известный российский этномузыковед, ученый, собиратель и пропагандист фольклора, один из видных лидеров российской фольклористики XX – начала XXI столетия.

Начало собирательской работы ученого относится к 1958 году, когда, обучаясь в Московской консерватории, Вячеслав Щуров в составе группы студентов Московского университета выезжает в первую фольклорную экспедицию. Руководителем была профессор Эрна Васильевна Померанцева, крупнейший советский филолог, фольклорист и этнограф. Увиденное и услышанное в селах Анненского района Воронежской области, в оазисе южнорусской традиционной культуры произвело глубочайшее впечатление на юного собирателя фольклора. Вячеслав Михайлович пишет впоследствии: «Это было своеобразно и ярко, ничего подобного мне прежде не доводилось слышать» (Щуров, 2014а: 171).

В том же 1958 году В. Щуров выезжает в экспедицию в Белгородскую область под руководством другого видного ученого – Анны Васильевны Рудневой, впоследствии профессора Московской консерватории. Встречи, произошедшие в той поездке окончательно определили судьбу будущего ученого: «Услышав, как поют в белгородских селах Иловка, Афанасьевка, хуторе Глинище, и почувствовав наметившуюся тенденцию неотвратимого разрушения традиционной культуры, я понял для себя, что сохранившиеся сокровища музыкального фольклора необходимо спасти всеми возможными средствами. И постепенно это стало целью моей жизни» (там же).

Фольклорно-этнографические экспедиции прочно входят в жизнь В.М. Щурова. Он организует их практически ежегодно (иногда по две экспедиции в год) в статусе руководителя, входит в составе групп или проводит самостоятельно. Коллекции записей, осуществленных В.М. Щуровым в различных регионах России, превышают 40000 единиц - образцов народных песен и инструментальных наигрышей. Записанные им песни и наигрыши имеют огромное значение для развития отечественной музыкальной фольклористики. Основная коллекция экспедиционных и стационарных записей, выполненных В.М. Щуровым, хранится в аудиофонде Научного центра народной музыки имени К.В. Квитки Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского. Перечень регионов, где ученым в течение 60 лет, с 1958 по 2018 годы, производились записи фольклора чрезвычайно обширен (34 наименования), это: Республика Адыгея, Республика Алтай, Алтайский край, Архангельская обл., Астраханская обл., Белгородская обл., Брянская обл., Республика Бурятия, Волгоградская обл., Вологодская обл., Воронежская обл., Иркутская обл., Краснодарский край, Курская обл., Липецкая обл., Республика Мордовия, Московская обл., Нижегородская обл., Омская обл., Орловская обл., Ростовская обл., Саратовская обл., Свердловская обл., Смоленская обл., Тамбовская обл., Тверская обл., Республика Тыва, Челябинская обл., Чувашская республика, Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская республика, Республика Узбекистан, Республика Украина.

Сферой пристального научного интереса для ученого стал Юг России и, конкретно, Белгородская область (более 40 экспедиций в период с 1958 по 2018 гг.). Очень важно, что своей важнейшей задачей ученый считал своевременную публикацию записанных материалов. Так, результаты экспедиций в этот регион обобщены в многочисленных научных трудах: «Сравнительный анализ четырех протяжных песен Белгородской области» (Щуров, 1978); «Ефим Сапелкин и его ансамбль» (Щуров, 1969);

«Южнорусская песенная традиция» (Щуров, 1987); «Белгородское Приосколье. Песни Усёрдской стороны (Щуров, 1995); «Белгородское Приосколье. Выпуск 2: Песни Бирюченской округи» (Щуров, 2004а); «Белгородское Приосколье. Выпуск 3: Песни над Тихой сосной» (Щуров, 2005); «Уж ты, Порушка, Параня. Песни Усёрдской стороны» (Щуров, 2014б — переиздание) и многих других.

Интереснейшие записи, наблюдения, немало научных открытий сделаны В.М. Щуровым в различных регионах России. Таково исследование по русским песням старинных сел Южного Алтая, расположенных в горных долинах рек Убы и Ульбы, притоков Иртыша. Исследование, выполненное по результатам экспедиций 1978, 1979, 1981 и 1982 гг. являет собой опыт историко-культурной характеристики локальной песенной традиции сибирской старожильческой культуры (Щуров, 2004б). Потомками русских первооткрывателей Убинско-Ульбинской долины автор считает «чалдонов», одну из групп местных старообрядцев, сохранивших свою религиозную обособленность. Основную же группу местного населения составили так называемые «поляки» — староверы, переселившиеся в Сибирь из Польши. В.М. Щуровым выявлены история заселения, а также активный песенный репертуар на южных склонах Алтайской горной гряды, составляющий традиционный свадебные, хороводные, лирические песни в развитом многоголосии.

Помимо музыкальных записей обращает внимание ученый и на многие контекстные культурно-исторические и этнографические данные. Так, В.М. Щуров описывает воспоминания о 88-м старообрядце Василии Савельевиче Рыльском — о его службе в императорской армии, событиях гражданской войны, об отправке с репрессированными на Колыму на ледоколе «Красин», о стойкости, позволившей выжить. Ученый отмечает мудрость старца, его твердую жизненную позицию: «Какой он - Бог, никто не знает. А нужно верить в добро и справедливость» (там же).

Другая, не менее интересна встреча произошла в ходе алтайской экспедиции с 96-летним Исаем Филатовичем Троеглазовым, сохранившем завидную память. Песни допевал со всеми подробностями от начала до конца, помнил и воспроизводил основной голос и подголосок в записанных методом наложения проголосных песнях. Отмечает внешний вид братьев, участвовавших во встрече: «Они напоминали бородатых апостолов на старинных русских иконах. Вообще, среди местных старообрядцев встречается немало красивых благообразных стариков с окладистыми седыми бородами» (там же: 23).

Описывает В.М. Щуров и встречу с уникальным ансамблем трех сестер из южно-алтайской Черемшанки: Верой Степановной Андреевой, Татьяной Степановной Денисовой и Клавдией Степановной Колесниковой. Сестры пели в мягкой, строгой, типично сибирской манере. Отмечает индивидуальную особенность ансамбля: при исполнении свадебных песен они постепенное повышали строй, а затем резко переходили в тональность несколькими ступенями ниже (там же).

В целом же в алтайских экспедициях п/р В.М. Щурова удалось записать немало местных певческих артелей - практически во всех местных селах.

При составлении маршрута экспедиции в Сибирь, на Нижнюю Тунгуску В.М. Щуров опирался на обнаруженные им исторические записки 1911 года писателя Вячеслава Шишкова, автора известного романа «Угрюм-река». В. Я. Шишков высоко оценивал местный песенный фольклор и всячески рекомендовал сведущим людям серьезно заняться собиранием русской песни в Сибири. Желание услышать и записать сибирские напевы, пополнить коллекцию записей В. Шишкова, который, не будучи музыкантом, фиксировал лишь тексты — все это послужило основанием для организации экспедиции в Иркутскую область. В результате привезен уникальный материал лирических, по-местному «проголосных», песен. Среди них выделяется любимая песня Вячеслава

Михайловича — «Ты взойди-ка, взойди, солнце красное» — с выразительной мелодией, насыщенной виртуозными, широкими распевами (Щуров, 2014в).

В.М. Щуров совершает экспедиционные поездки с целью сбора традиционной музыки и в Калужский край. Итогом стала работа «Песни Козельского полесья» (Щуров, 1999).

Пишет В.М. Щуров о песенной традиции алтайских казаков [Щуров, 2002], описывает пение казаков-некрасовцев и подробно рассказывает об уникальной народной исполнительнице Анастасии Никулушкиной [Песни, 2011].

Еще одним заметным направлением в экспедиционной деятельности В.М. Щурова была запись музыки народов СССР (позднее — Российской Федерации).

О своих встречах с выдающимися народными певцами как России, так и республик бывшего Советского Союза пишет собиратель во второй части книги «Путешествие за песнями» (Щуров, 2011), к которой прилагается диск с записями песен в формате mp3. Книга содержит главы «Тувинские встречи», «По Прикаспийской Туркмении», «В горах Тянь-Шаня», «На Карпатах», «В древней Колхиде», «В Башкирии», «По марийским и чувашским селениям», «У ногайбаков». Автор замечает и описывает особенности быта, традиций, национальных характеров жителей сел, кишлаков и селений нерусских народов и народностей, фиксирует традиционные пение и игру на музыкальных инструментах, отмечает исполнительскую специфику, описывает факты национальной истории и культуры, дает меткие психологические характеристики народов, подмечает индивидуальные особенности.

Активная экспедиционная деятельность В.М. Щурова продолжалась до последних лет жизни в течение 60 лет. Последняя его экспедиция состоялась летом 2017 года в Белгородскую область. Последующие выезды не позволили сделать пандемия и здорovie.

За долгие годы экспедиционной деятельности ученым зафиксированы сотни примеров музыкального фольклора, исторических фактов, которые стали важной составляющей современной научной мысли, вошли в активный репертуар музыкантов-исполнителей. Записанные В.М. Щуровым песни и наигрыши составляют неотъемлемую часть учебников и хрестоматий по народному музыкальному творчеству, множество выпущенных дисков по результатам экспедиций востребованы среди профессионалов и любителей — всё это свидетельство высокой научной и практической значимости наследия В.М. Щурова, уникальности собранного им музыкального и историко-этнографического материала.

БИБЛИОГРАФИЯ

Песни казаков-некрасовцев в исполнении Анастасии Никулушкиной: нотное издание / составитель В. М. Щуров. М.: Композитор, 2011. 62 с. + audio CD (№ 1–24). (Из коллекции фольклориста / под редакцией А. С. Ярешко).

Щуров В.М. Ефим Сапелкин и его ансамбль / редактор-составитель В.С. Виноградов. М.: Советский композитор, 1969. 34 с. (Народные певцы и музыканты).

Щуров В.М. Сравнительный анализ четырех протяжных песен Белгородской области // Музыкальная фольклористика. Выпуск 2 / редактор-составитель А.А. Банин. М.: Советский композитор, 1978. С. 236–265.

Щуров В.М. Южнорусская песенная традиция. М., 1987.

Щуров В.М. Белгородское Приосколье. Песни Усёрдской стороны / Управление культуры администрации Белгородской области; Белгородский государственный центр народного творчества. М.: Композитор, 1995. 360 с.

- Щуров В.М. Живая культура российской провинции. Калужский край. Козельский район. Этнографические очерки. М.: Российская академия музыки им. Гнесиных. 1999. С 90–112.
- Щуров В.М. Песенная традиция алтайских казаков // Вопросы казачьей истории и культуры. Выпуск 1 / ред.-сост. М.Е. Талецкий, А.Н. Соколова. Майкоп, 2002. С. 165–181.
- Щуров В.М. Белгородское Приосколье. Выпуск 2: Песни Бирюченской округи. Белгород: Белгородский государственный центр народного творчества, 2004[а]. 291 с.
- Щуров В.М. Песни Убинско-Ульбинской долины. М.: Композитор, 2004[б]. 200 с. (Русские песни Алтая. Выпуск 1).
- Щуров В.М. Белгородское Приосколье. Сборник песен Южно-Российского региона. Выпуск 3: Песни над Тихой сосной: песни села Подсерднее Алексеевского района белгородской области / Управление культуры администрации Белгородской области; Белгородский государственный центр народного творчества. Белгород: издание БГЦНТ, 2005. 124 с. + audio CD: Песни над Тихой сосной (№1-26).
- Щуров В.М. Путешествие за песнями. М.: ООО «Луч», 2011. 384 с. С приложением диска с записями песен в формате mp3.
- Щуров В.М. Страницы автобиографии: о моем участии в становлении и развитии народоведческой музыкальной педагогики // Этномузыкология: история формирования научно-образовательных центров, методы и результаты ареальных исследований: материалы международных научных конференций 2011–2012 годов / Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова / редколлегия: Г.В. Лобкова (науч. ред.), К.А. Мехнецова (отв. ред.), И.Б. Теплова (отв. ред.) и др. СПб.: Скифия-принт, 2014[а]. С. 170–188.
- Щуров В.М. Уж ты, Порушка, Параня. Песни Усёрдской стороны / редактор Ф.И. Такун. М.: Современная музыка, 2014[б]. 361 с.
- Щуров В.М. Песни Нижней Тунгуски. 2-е издание. М.: Издательство «Современная музыка», 2014[в].

ИСТОРИЧЕСКИЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ФАКТОРЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ

О самых ранних фактах письменной фиксации фольклорных текстов известно со времен первых летописных сводов — более 1000 лет назад. XVIII век оставил множество рукописных сборников песен и пословиц. С тех пор уже прошло около трёх столетий. В XIX веке началось целенаправленное собирание фольклора, и за два века накоплены колоссальный объем материалов и огромный опыт собирательской работы.

Реальные полевые записи по праву должны быть признаны заслугой Павла Николаевича Рыбникова, хотя обнаружение живой эпической традиции на берегах Онежского озера оказалось радостной неожиданностью и для ссыльного филолога, и для просвещенного сообщества России (Рыбников, 1861–1867).

Зато спустя десять лет в 1871 году профессор Александр Федорович Гильфердинг предпринял действительно первую научную экспедицию с четко обозначенной целью: сделать подробные записи по следам поездок П.Н. Рыбникова. Дело было не в проверке достоверности записей предшественника. Они поначалу действительно казались просто невероятными, но после опубликования III тома материалов с подробными биографическими данными исполнителей и очерками самого собирателя сомнений в реальности бытования былинного эпоса в Заонежье ни у кого не осталось.

Целью А.Ф. Гильфердинга было выяснение причин и условий бытования былин, пути усвоения и сохранения традиции исполнения. Такова была концептуальная задача, предполагающая не просто фиксацию текстов, но и анализ явления в ходе собирания непосредственно в полевых условиях. Результаты наблюдений петербургского ученого уточнили многие положения первоначальных предположений Рыбникова о мужском и женском репертуаре исполнителей, о влиянии развития торговли и ремесел, о связи исполнительства с характером деятельности певцов и важности семейных и местных традиций. Очерки Гильфердинга об исполнительской практике местных сказителей до сих пор не утратили своей уникальной научной значимости и служат образцом для последующих собирателей (Гильфердинг, 1871).

Дальнейшие экспедиции по следам Рыбникова и Гильфердинга, в частности, поездка братьев Б.М. и Ю.М. Соколовых в 20-х годах XX столетия, имели схожие цели, а также исследовали аспекты сохранности традиции во времени (Онежские былины: 1948)¹. Имея в своём распоряжении материалы предшественников, современные исследователи получили возможность ретроспективного анализа фольклорной традиции региона.

Концепция исторического сравнительного изучения фольклора получила широкое распространение в российской фольклористике, десятки экспедиций совершены по следам поездок собирателей предыдущих поколений: Пальчикова, Листопадова, Линевой и др. (Рудиченко, 1993; Пушкина, 1978; Шипин, 2010).

Таким образом, концептуальное планирование предполагает предварительное решение не только вопроса, что и где записывать, но и зачем записывать, для решения какой-либо конкретной научной задачи.

¹ Экспедиция братьев Соколовых, целью которой было выявление и описание состояния эпической традиции на Русском Севере через полстолетия после первооткрывателей П.Н. Рыбникова и А.Ф. Гильфердинга, состоялась в летние месяцы 1926–1928 годов. Значимым и зримым результатом ее явился большой том «Онежских былин», вышедший только в 1948 году, через два десятилетия после завершения работы, когда основных инициаторов поездки Бориса Матвеевича и Юрия Матвеевича не было в живых.

Аналогично определялись цели экспедиций в места, где родились или жили выдающиеся деятели искусства: писатели и композиторы, — чтобы получить материалы, которые могли быть использованы в произведениях знаменитых авторов (Сказки и легенды, 1950; Песни Ясной Поляны, 1986; Фольклор на родине..., 1967).

Примером другой концептуальной задачи стало выяснение специфики бытования фольклорной традиции в условиях иноязычного окружения на примере казаков-некрасовцев или липован в Румынии, молокан на Кавказе или староверов в русских сёлах Польши и в Прибалтике, семейских в Забайкалье или в поселениях Русского Устья на Индигирке (Русские народные песни, 1950; Липинская, 1998; Савельева, 2015; Фольклор семейских, 1963; Фольклор Русского Устья, 1986; По заветам старины, 2005; Русский фольклор в Латвии, 1972; Фольклор русского населения, 1976).

Во всех этих случаях определяющим фактором формирования традиции были исторические обстоятельства переселения в тот или иной период времени, а также наложенные религиозных и этнокультурных аспектов уклада жизни этих общин.

Отдельным концептуальным направлением фольклористики стало изучение творческого наследия казачества в различных регионах России (Листопадов, 1949–1954¹; Песни уральских казаков, 1998; Багизбаева, 1977; Песни Терека, 1974²).

Иная концептуальная идея планирования экспедиций — обследование бассейнов северных рек, как исторически сложившихся регионов ранних этапов освоения этих мест русским населением, так как именно реки служили главными путями передвижения: летом на лодках, зимой на санях. Результаты многочисленных поездок доказали продуктивность этой идеи, высказанной выдающимся отечественным фольклористом Евгением Владимировичем Гиппиусом³.

Заселение центра Восточно-Европейской равнины, как и освоение побережья северных морей проходило достаточно интенсивно и соотносится с определенными историческими периодами по археологическим и документальным источникам. Эта концепция оказалась справедливой не только для Севера, но и для Центральных регионов Европейской Части России, относительно верховьев Днепра, Волги, Оки, Вятки, Москвы-реки и Клязьмы. По результатам многочисленных экспедиций вдоль течения рек изданы сборники регионального фольклора (Песни Печоры, 1963; Песенный фольклор Мезени, 1967; Музыкально-поэтический фольклор, 2014⁴; Песни Пинежья, 1937; Песни Пинеги, 1997; Приокские народные песни, 1970; Календарно-обрядовый фольклор, 2020).

Концептуальной целью фольклорных экспедиций 1970-х годов, организованных кафедрой русской литературы Московского государственного педагогического института, было выявление особенностей народных обрядовых и песенных традиций разных частей Московской области с ориентацией на речные бассейны (Сорокин, 1984: 30–34).

В ходе экспедиций были обследованы поселения в верховьях и среднем течении реки Клязьмы и её притоков в 5 районах на территории области вдоль рек Уча, Воря, Шерна. Для сопоставления записанных материалов были проведены поездки в другие части региона: в Волоколамском и Лотошинском районах, относящихся к Верхне-

¹ Отечественная музыкальная фольклористика не знает другого издания, столь обширного по масштабам. До сегодняшнего дня этот труд остаётся самым крупным собранием русских народных песен с нотами.

² «Обследование фольклора проводилось экспедиционным способом. Сплошная запись была произведена в станицах Старый Щедрин, Гребенская, Старогладковская, Червленая, Шелковская, Орджоникидзевская, Троицкая, Ассиновская и Карабулакская» (Песни Терека, 1974: 11).

³ В 1926–1930 гг. Е. В. Гиппиус вместе со своей женой З. В. Эвальд участвовал в пяти экспедициях на Русский Север (1926 г. — в Заонежье, 1927 и 1930 гг. — на Пинегу, 1928 г. — на Мезень, 1929 г. — на Печору).

⁴ Настоящее песенное собрание — наиболее полный свод текстов музыкально-поэтического фольклора нижней Вычегды — одной из немногих региональных фольклорных традиций Русского Севера, по сей день почти не представленной в публикациях.

Волжскому бассейну, а также в Подмосковной Мещёре — Шатурском районе на границе с Владимирской и Рязанской областями вблизи цепочки озёр на реках Бужа и Пра, впадающих в Оку (Сорокин, Пушкина, 2007: 3–7).

Локализация особенностей календарных и свадебных обрядов как наиболее древнего фольклорного пласта со всей очевидностью продемонстрировала справедливость «речной» концепции. Например, только в бассейне верхнего течения Клязьмы и её притоков выявлен обычай украшения избы в день свадьбы нитями с лоскутками ткани от центральной балки-матицы к стенам, что называлось «терем», «тенёта», «баук» (паук). Иногда в центр подвешивали голубка. Несмотря на утрату изначального солярного смысла этого обычая и привнесения христианской символики, архаичность этого атрибута свадьбы не вызывает сомнения. Свадьба может считаться своеобразной «лакмусовой бумагой» — индикатором устойчивости и самобытности традиции. Нужно отметить, что только в пригородных районах записаны подблюдные песни с древним припевом «Слава!», что опровергает идею о фатальной губительности для фольклора близости мегаполиса. Стабильность населения и прочность семейных традиций важнее территориальных факторов (Сорокин: 1979).

Современные записи помогают уточнить места записи ранних публикаций Подмосковского фольклора. Так, например, публикация подблюдных песен в журнале «И то, и сё» М.Д. Чулкова в 1770 году совпала с нашими записями из Дмитровского района, в пределах которого проживал один из первых русских этнографов. Материалы в этнографических очерках Н. Волкова 1851–1852 годов в «Московских губернских ведомостях» обо всех уездах губернии не имеют точных указаний на места записей, но сравнения с материалами экспедиций МГПИ дают основания предположить, что Волков, описывая Дмитровский уезд, располагал текстами, записанными вдоль дороги в Сергиев Посад на территории не Дмитровского, а Сергиево-Посадского и Мытищинского районов Московской области.

Вместе с тем материалы Шатурского района — глубинного пограничья нескольких регионов — показали необычайное многообразие диалектных различий в языке и музыкальной манере исполнения: от уникального говора села Лека до соседства «яканья», «иканья», «оканья» и традиционного подмосковского «аканья», от речитатива до протяжного распева в колядках в близлежащих деревнях. Это требует обязательного и тщательного изучения истории этих деревень, не определяемой административными границами.

История заселения края является ключевым фактором понимания этнографического своеобразия фольклора и быта жителей. Это абсолютно справедливо для всей территории Сибири и Дальнего Востока, а также Юга России, включая Среднее Поволжье, и большей части Черноземья, начиная с первых засечных линий, заселявшихся, как известно, переселенцами из самых разных регионов страны.

В связи с этим укоренившееся в последние десятилетия планирование фольклорных экспедиций кафедрами региональных ВУЗов и областными Центрами народного творчества по обследованию территорий областей в границах современного административного деления представляется формальным и во многом препятствующим выявлению истинной картины регионального своеобразия.

Диалектологические и этнографические материалы наглядно демонстрируют не уместность административных границ локализации явлений языка и фольклора. Примером может служить наличие в свадебном обряде нескольких районов Московской, Калужской и Смоленской областей специфического персонажа под названием «потеряха».

На карте этот ареал приурочен к территории расселения относимого к балтийской группе и сохранявшего этническую и религиозную обособленность до начала XIII

столетия племени *голядь* в бассейнах рек Протва, Упа и Нара, связанного с мощинской археологической культурой. Вряд ли можно считать такую территориальную соотнесенность простой случайностью. По всей вероятности, можно предполагать реликтовую преемственность в обрядности, которая приобретает особую историческую значимость. К таким же реликтам относят обряд «похороны кукушки».

Существующая территориальная и ведомственная разобщенность собирания и хранения фольклорных материалов не способствуют продуктивной теоретической разработке проблем истории регионального фольклора.

Без постановки и решения концептуальных задач собирательская работа снижает свою научную, исследовательскую функцию, уступая место накопительской, фиксирующей и архивирующей задачам, но архивные материалы по большей части сейчас лежат мертвым грузом и, к сожалению, малодоступны, недостаточно обработаны и систематизированы.

Только совместные усилия историков, этнографов и лингвистов, с активным использованием исторической картографии, смогут на основе объединения накопленных данных прояснить многие аспекты этнической и культурной истории на обширной территории российских регионов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Багизбаева М.М. Фольклор семиреченских казаков. Алма-Ата, 1977.
- Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1873. 732 с.
- Календарно-обрядовый фольклор и инструментальная музыка русских сёл нижнего течения реки Мокши. / Иванова О.В. М.: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2020. 88 с.
- Липинская В.А. Культурно-бытовые традиции русских-липован в Румынии // Русские в современном мире. М., 1998.
- Листопадов А.М. Песни донских казаков. В 5 томах. М., 1949–1954.
- Музыкально-поэтический фольклор нижней Вычегды // Сост., подготовка текстов, статьи и комментарии А.Н. Власова, Е.А. Дороховой, Т.С. Каневой, З.Н. Мехреньгиной. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2014. 932 с.
- Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов акад. Ю.М. Соколова; Подготовка текстов к печати, примеч. и словарь В. Чичерова; [Вступ. статьи: акад. Ю.М. Соколов. «Заметки о фольклорной экспедиции 1926–1928 гг.», с. 3–8. Э. Гофман и С. Минц. «Братья Б.М. и Ю.М. Соколовы», с. 9–31. В. Чичеров. «Сказители Онего-Каргопольщины и их былины», с. 32–65]. М.: Гос. лит. музей, Л.: 1948. 938 с.
- Песенный фольклор Мезени. /Изд. подг. Н.П. Колпакова, Б.М. Добровольский, В.В. Митрофанова, В.В. Коргузалов. Л., 1967.
- Песни Печоры / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом)]; изд. подгот. Н.П. Колпакова [и др.; вступ. ст. и коммент. Н.П. Колпаковой]. Москва; Ленинград: Изд-во академии наук СССР. Ленинградское отделение, 1963. 459 с. : нот. (Памятники русского фольклора / гл. ред.: А.М. Астахова [и др.])
- Песни Пинежья / Гиппиус Е., Эвальд Э. М.: 1937.
- Песни Пинеги / Пашкова З.Г. Архангельск. 1997. 63 с.
- Песни Терека. Песни гребенских и судженских казаков / Публ. текстов, вступ. статья и примеч. Гаджанова Ю.Г. Грозный, 1974.
- Песни уральских казаков / Запись, нотирование, сост., вступ. статья и коммент. Т.И. Калужниковой. Екатеринбург: Сфера, 1998. 236 с.
- Песни Ясной Поляны в записи Б.Ф. Смирнова. Редактор-составитель С.И. Пушкина. М.: Советский композитор, 1986.

- По заветам старины: Мифологические сказания, заговоры, поверья... старообрядцев Литвы / Изд. подгот. Ю.А. Новиков. СПб., 2005
- Приокские народные песни / С.И. Пушкина, В.М. Григоренко. М.: Советский композитор, 1970. 259 с. (Алф. указ. песен: с. 256–257)
- Пушкина С.И. По следам Пальчикова. М.: Советский композитор, 1978.
- Рудиченко Т.С. По следам экспедиции Листопадава // Культура донского края: Сб. науч. тр. Ростов н/Д: Изд-во РГИИ, 1993. С. 150–168.
- Русские народные песни казаков-некрасовцев / записаны Т.И. Сотниковым. М.: Государственное музыкальное издательство, 1950.
- Русский фольклор в Латвии. Песни, обряды и детский фольклор / сост. И.Д. Фридрих. Рига, 1972. 485 с. тексты, ноты.
- Рыбников П.Н. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: Ч. 1- 4 / [сост.] П.Н. Рыбников; [изд., авт. предисл.] П. Безсонов, Д. Хомяков. М.: Типография А. Семена, 1861–1867.
- Сказки и легенды Пушкинских мест / Записи на местах, наблюдения и исследования В.И. Чернышева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 342 с. (Литературные памятники).
- Сорокин В.Б. Фольклор Московской области. Выпуск первый. Календарный и детский фольклор. М., МГПИ, 1979. 104 с.
- Сорокин В.Б. О собиране фольклора в подмосковном этнографическом регионе. // Полевые исследования. Русский фольклор. Т. XXII. Л.: Наука, 1984. С. 30–34.
- Сорокин В.Б., Пушкина С.И. Московские песенные традиции. Песни подмосковной Мещеры и верховьев реки Клязьмы. // Альманах «Русская традиционная культура. М.: Изд-во «Родник». 2007. 126 с.
- Фольклор на родине Д.Н. Мамина-Сибиряка (в уральском горнозаводском поселке Висим) / [Сост., авт. вступ. статьи, с. 6–41, и примеч. доц. канд. филол. наук В.П. Кругляшова]. Свердловск : [б. и.], 1967. 302 с.. (Ученые записки/ М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького. Серия филологическая; № 60; Вып. 5).
- Щипин В.И. По следам экспедиции Е.Э. Линёвой на Устье // Живая старина. 2010. №1. С. 55–57.
- Савельева Н.М. Духовная музыкальная культура молокан. М., 2015.
- Фольклор русского населения Прибалтики: / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; [Авт.-сост. А.Ф. Белоусов и др.; Введ. Э.В. Померанцевой]. Москва: Наука, 1976. 245 с.
- Фольклор Русского Устья / Азбелев С.Н., Мещерский Н.А. (отв. ред.). Л.: Наука: 1986. 382 с.
- Фольклор семейских / Сост. Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский; Под общ. ред. Л.Е. Элиасова; АН СССР. Сибирское отделение. Бурят. комплексный науч.-исслед. ин-т. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во. 1963. 672 с.

**ПЕСЕННАЯ КУЛЬТУРА СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ 2020, 2022 гг. В СЁЛА СТАРЫЙ И НОВЫЙ
ЗАГАН МУХОРШИБИРСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)**

Материалы, взятые в основу данной статьи, были записаны её автором У.С. Карловой в ходе фольклорно-этнографических экспедиций в Мухоршибирский район, расположенный в южной части республики Бурятия в 2020 и 2022 гг. Сёла, в которых проводилась основная экспедиционная деятельность — Старый Заган и Новый Заган — расположены в 4,5 км от районного центра — села Мухоршибирь. История Заганских поселений берет свое начало в конце XVII века, когда казаки из Селенгинского острога в 1698 г. основали первое русское поселение в Тунгуйской долине. Они были посланы в здешние места как передовой отряд, командиром которого был десятник Сафон Баландин. Название «Заган» (или «Цаган»), что в переводе с тюркского означает «сигнал», «огонь», казаки впервые услышали от тунгусов. Новый Заган был впервые упомянут в 1767 году, во времена выселки старообрядцев из заграничных пределов и их ссылки в Забайкалье. Так, село, основанное староверами, стали называть Малый, позже Новый Заган, а основанное ранее казаками — Большой, а затем Старый Заган.

Песенная традиция семейских старообрядцев является сложным и многослойным культурным комплексом, включающим в себя различные традиционные элементы многих регионов России, что связано с развитой традицией многоголосного пения предков, которая, несмотря на миграционные процессы, трансформировалась, но не утратилась. Культурные традиции семейских Забайкалья претерпевали изменения вследствие исторических и социально-экономических условий, в связи с чем трансформировались и их жанровые формы. В ходе экспедиций автором было записано более 150 песенных образцов, основную часть которых составляют песни военной, солдатской тематики (рекрутские, баллады), лирические, плясовые, также присутствуют хороводные, шуточные, свадебная песня, песни позднего происхождения (времен Великой Отечественной войны романсы, патриотические песни), частушки.

Преобладающим жанром песенного фольклора семейских безусловно являются лирические протяжные песни, тематика которых обширна, от «житейских» о бытовой жизни староверов до «любовных» песен о неразделенной любви, верности и преданности. Заимствованные песни, проникая к семейским, приобретали новую смысловую окраску. Разделение на тематические группы очень условно и часто рассматривается исследователями вне чёткой классификации. Тематика рассматриваемых лирических песен преимущественно любовная. Среди напетых песен упомянем *«Ой, жизнь ты моя»*, *«Рано ты, калинушка, в поле расцвела»*, *«Как у нас под окном расцвела сирень»*, *«Соловей подал кукушечке звонкий голосок»* и другие. Здесь мы встречаем песню *«Посеяли огурочки низко над водою»*, напев которой встречается во многих регионах России.

Коренные преобразования в жизни и быту староверов не только рождали новые мелодии и тексты, но и сохраняли старые. Так в песенном фольклоре семейских появляется городская песня во многих её разновидностях. Прежде всего следует отметить жанр романса, тематика и поэтический строй которого широко используются в репертуаре семейских и по сей день. Автором были записаны распространённые в разных регионах России романсы, например сюжет о «Жульмане» (*«Течёт речка, бережочки моет»*). Также, романс *«Папироска, друг мой тайный»*, который был напет с изменением текста первого куплета, где «папиросонька, друг мой тайный» исполнители заменили на фразу «мил дружок, друг мой тайный», что объяснялось религиозно-этическими ценностями семейских старообрядцев и рациональным запретом на курение табака.

Жанровые рамки заметно расширились в XIX веке, когда заселение Сибири происходило наиболее массово. Тогда в фольклор семейских проникли и песни тюремной неволи — каторжные, ссыльные и разбойничьи, а позже и партизанские, гражданской войны, занявшие впоследствии в фольклоре семейских одно из главенствующих мест. Вероятнее всего, авторами подобных песен были узники, ссыльнопоселенцы, с которыми семейские взаимодействовали на Сибирской земле. Таким образом, тюремная лирика проникла в музыкальный фольклор семейских. Это слияние отчётливо наблюдается в строении лирической песни «*Соловей подал кукушечке звонкий голосок*», которая имеет двухчастную форму. Первая часть поэтического текста (с первой по шестую строфы) построена с помощью принципа психологического параллелизма, где люди сопоставлены с образами птиц, домашнее тепло — с гнездами. Далее мы видим резкую смену содержания поэтического текста. Вторая его часть, начиная с седьмой строфы, повествует иную картину, в которой отсутствует принцип психологического параллелизма. Сюжет строится на повествовании тяжёлой доли молодой девушки, которая родила нежеланного ребёнка. Можем предположить, что песня приобрела такой вид в результате контаминации фольклорных текстов, которая часто встречается в народной поэзии. Возможно, эти два текста могли стать единым целым за счёт того, что образ кукушки в первой части поэтического текста воспринимался как символ одиночества и горестных испытаний, что привело к сопоставлению с одиночеством девушки, о которой идёт речь во второй части песни.

Музыкальное строение и склад фактуры записанных музыкальных образцов, в том числе лирических песен, указывают на их позднее происхождение и, к сожалению, серьёзное упрощение музыкального материала. Несмотря на то, что объём звукоряда в рассматриваемых песенных образцах достаточно велик — от октавы и более (нона, децима, ундецима, терцдецима, квартдецима), музыкальная ткань является очень типичной и недостаточно неразвитой.

В основе записанных песенных образцов положено ленточное двухголосие, самым примитивным примером которого является нотный текст песни «*Закипели во поле озёра*». Песня была записана от потомков сибирских казаков в селе Старый Заган, которое граничит с селом Новый Заган, но было образовано гораздо ранее и имеет свою отличительную песенную традицию. Песня записана в ходе сеанса с фольклорным ансамблем «Рябинушка». В нотном материале данной песни отчетливо прослеживается ленточное двухголосие, которое сменяется лишь унисоном в середине строфы и октавным унисоном в конце строфы. Данная песня, в сравнении с старообрядческой поздней семейской традицией, может лишь предположительно послужить примером более простого музыкального материала, утратившего свою первоначальную многоголосную фактуру и вариативность.

Ведущим голосом в рассматриваемых музыкальных образцах является нижний — ему принадлежит запев, который в каждом песенном образце исполняется в свободной ритмической форме, речетативной манере, мелодия его подвижна во всех песнях. Верхний же голос в основном повторяет мелодическую линию ведущего голоса, двигаясь в терцовом соотношении, периодически приходя в унисон, и с помощью подводки иногда уходя в октавное удвоение в конце строф. Так, например, в лирической песне «*Ой, жизнь ты моя*» в конце строфы звучит октавное удвоение, которому предшествует постепенное нисходящее движение в нижнем голосе и мелодекламационный характер напева в верхнем.

Отнести все записанные песенные образцы к позднему пласту фольклора справедливо потому, что для всех примеров характерна двухголосная фактура, где голоса движутся параллельными терциями и октавами, лишь изредка образуя иные интервалы, благодаря незначительной вариативности исполнителей. Такой тип многоголосия

начал развиваться в поздний период развития народного творчества как в песенной традиции семейских Забайкалья, так и в других песенных стилях, за счёт активного влияния на фольклор городской среды.

Большую часть экспедиционного материала составляют песни военной тематики. Например, баллада *«А мой отец природный пахарь»*, бытующая в разных областях России, вероятно, появилась у семейских в период гражданской войны. Ранее она уже была записана от семейских в конце XX века в с. Алтачей республики Бурятия. С.Ю. Неклюдов провёл анализ данного песенного текста, отметив, что истоки его взяты из стихотворения Д.В. Веневитинова *«Песнь грека»* (1825 г.), повествующего о драматических событиях турецкого нашествия на Балканах. Следуя закономерностям литературно-фольклорного перехода, текст баллады был адаптирован и сокращён народными исполнителями. Присутствие данного жанра в песенном фольклоре семейских Забайкалья указывает на его связь с казачьей и военной традициями.

К балладам семейских примыкают солдатские песни, описывающие тему возвращения со службы домой, тему гибели вдали от Родины. Песни *«Воевал-то солдат»* и *«Два храбрые ли, ой, героя»* встречаются в сборнике А.В. Гуревича и Л.Е. Элиасова *«Старый фольклор Прибайкалья»* 1939 г. в материалах К.А. Дмитриева, записанных в сёлах Большой Куналей и Тарбагатай, в песнях, собранных В.Н. Волковым.

Служба в царской армии проклиналась семейскими, но это стало проявляться в более поздних сюжетах солдатских песен, появившихся уже после русско-японской и империалистической войны, пробудивших в сознании народа классовые интересы.

Популярность солдатских песен среди семейских обусловлена тем, что служба в армии считалась у них «божьим наказаньем», противоречившим старообрядческому учению, по которому строго запрещалось брать в руки оружие, а тем более применять его против человека. Таким образом, царская армия всячески проклиналась, а солдат, уходивших в армию, оплакивали, как покойников (Элиасов, 1969: 70). Рекрутские песни *«Последний нынешний денёчек гуляю с вами, я, друзья»*, *«Я в картёжки не играю»*, именуемые семейскими *«прощальными»*, составляли одну из самых больших групп в цикле солдатских песен, пелись от первого лица.

Мнения о сохранности семейского фольклора часто расходятся. Например, С. Максимов, посетивший Байкал в 1861 году, в своей книге *«Сибирь и каторга»* пишет: *«...Превращаясь в сибиряков, семейские постарались забыть между прочим великорусские песни. При всех наших стараниях мы не могли записать у них ни одной былины, на каковые рассчитывали. Нам говорили в оправдание о том, что старики напевали ещё кое-какие старины и былины, разговаривая о родине; нам не завещали никаких. Поем только те стихи, которые записаны в “цветниках”. Устояла песня свадебная, обрядовая»* (Максимов, 1871: 326).

Н.П. Протасов, записывавший семейских, довольно категорически отрицал наличие у них свадебного жанра. Однако имеющиеся образцы в сборниках Н. Протасова и Н. Лисина, записанные в семейских сёлах Забайкалья, свидетельствуют о наличии свадебных песен, относящихся к определенным действиям обряда (просватание девушки, дорога в баню, возвращение из бани домой, прощание невесты с девичьей волей) (Дорофеев, 1989: 10). Также, в ходе нашей экспедиции был зафиксирован песенный образец, функционально связанный с таким моментом свадебного обряда, как заплетание косы - *«Вставай-ка ли, Дуня»*. Данная песня была записана от Ивановой И.С. 1959 г.р., уроженки села Калиновка Мухоршибирского района Республики Бурятия.

Народные исполнители, которых удалось записать в ходе экспедиций — дети послевоенного времени. Певческая манера отличается открытым звукообразованием, где нижний голос извлекается из грудных резонаторов, звучит зычно и красочно. Нижний голос, главенствуя, ведёт за собой верхний, который звучит не так открыто, имеет узкий

носовой призывок, и зачастую переходит в головное резонирование. Из характерных исполнительских приёмов стоит отметить большое количество спадов, словообрывов, которые встречаются во всех песенных образцах и структурно дробят песню на отдельные фразы.

Проанализировав ладовое строение представленных песенных образцов, структурные особенности строения текста, а также особенности исполнительской манеры, можно выявить специфику рассматриваемого песенного материала, заключающуюся в позднем происхождении песен и влиянии на них городской среды.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Максимов С. В. Сибирь и каторга: В 3-х ч. СПб., 1871.
Элиасов Л.Е. Народная поэзия семейских. Улан-Удэ, 1969. 175 с.
Дорофеев Н.И. Русские народные песни Забайкалья. М.: Советский композитор, 1989. 456 с.

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЯ: НАУКА, ремесло, искусство»

26 января 2023 года в московской библиотеке имени М.Ю. Лермонтова состоялась Всероссийская конференция с международным участием «История: наука, искусство, ремесло». Мероприятие прошло в рамках конвента Басткон-2023 и объединило историков и литераторов. В качестве организаторов научного форума выступили Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), научный ежегодник «Историческое обозрение», Библиотека имени М.Ю. Лермонтова, а также Оргкомитет Басткона-2023.

Участники говорили о предназначении истории и историка, об истории как идеологии и обсуждали современную философию истории. Конференция была посвящена проблемам современного развития исторической мысли в России и в мире, взаимодействию истории с другими областями гуманитарного знания и литературой. Важнейшей темой конференции стал вопрос об адресации исторического знания в современном социуме.

Проректор МГУТУ по научной работе Дмитрий Володихин выступил на конференции с докладом «Поворот к лицу. Исторический персонализм как современная философия истории» и рассказал о роли историка в современной науке. «В большинстве случаев государство равнодушно к труду историка, который работает в Академии наук или в вузе, – сказал Дмитрий Володихин. – Программы, по которым историк должен отчитываться, как правило основаны на идее социального синтеза, а она предполагает, что историческое знание на уровне общества в целом должно кого-то чему-то научить, предотвратить какие-то беды, показать, как правильно развиваться, дать советы на будущее. Проблема этого подхода заключается в том, что до сих пор не доказано существование непреложного закона общественного развития». Он добавил, что мечта о социальном синтезе существует, но в реальности никак не подтверждается.

С докладами выступили крупные ученые. В частности, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения МГИК, председатель Историко-просветительского общества «Радетель» С.В. Алексеев (доклад «Назначение истории и историка»), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и исторического архивоведения МГИК О.И. Елисеева (доклад «Наследники Пиковой дамы, или кто получил богатства Старухи? Опыт реконструкции пространства мистической повести»), кандидат филологических наук, доцент кафедры народной художественной культуры А.Е. Чернова (доклад «Современная устная история: на примере устной истории Онежского района Архангельской области»). Также с докладом «Мистика как маркер гуманизма» выступил профессор МГУТУ Анатолий Андреев, а профессор Михаил Чернавский представил доклад на тему «История как идеология». Член Союза писателей, лауреат премии «Новая библиотека» Наталья Валерьевна Иртенина затронула проблему генеалогии как микроистории (в методическом плане). Кандидат филологических наук Е.А. Федорчук (Иванова) выступила с дискуссионными тезисами на тему «Прошлое и будущее как два способа конструирования "иного"». Член Интернационального Союза писателей П.А. Матыцына, поставила историко-филологическую проблему в выступлении «История как приключение».

Всего конференция собрала около 60 участников.

В Оргкомитет ее вошли: Алексеев С.В., Володихин Д.М., Утяева В.В.

Во время конференции был организован сбор книг, которые впоследствии отправились в библиотеки и вузы Луганска. Донбассцы также получили в дар от МГУТУ уникальные издания вуза, посвященные развитию российского казачества.

Научный ежегодник «Историческое обозрение» публикует ряд статей, написанных по материалам докладов, прозвучавших на конференции.

Д.М. Володихин

НАЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ И ИСТОРИКА

Прежде чем приступить к заявленной теме, следует сказать несколько слов о контексте появления письменной истории как таковой. То, что ученая история наследует устной исторической традиции, достаточно очевидно. Но какой именно ее форме? По масштабу и подробности ранние исторические труды часто сопоставляются с эпической поэзией, а в некоторых случаях прямо к ней принадлежат, будучи изложены в песенно-стихотворной форме. Однако история не наследует эпосу. Любому исследователю древней и средневековой литературы хорошо известно, что на протяжении многих столетий письменная история с литературными же формами героического и романического эпоса сосуществует. В конечном счете, эпос порождает художественный роман исторического или псевдоисторического содержания, и именно последний ему наследует.

Очевидно, что это объясняется принципиальным и изначальным различием социальных функций исторического сочинения и эпической поэзии. Функция эпоса — поэтизированное и героизированное представление истории. Картины прошлого используются в эпосе для прославления былых героических и фантастических деяний и для развлечения слушателей. Дидактический элемент присутствует, но героический и новеллистический выступают на первом месте. Гораздо большую роль дидактика играет в разнообразных типах исторического предания, на высших уровнях догосударственной иерархии нередко закрытого для непосвященных. Именно историческому преданию, прежде всего родовому и династическому, раннее историописание наследует в первую очередь. В свете этого понятно и то, что повсеместно оно или изначально имеет, или быстро приобретает в качестве основной либо единственной прозаическую форму изложения.

Для понимания функций ранней ученой истории показательны намерения и адресация произведений двух «отцов истории» — грека Геродота и китайца Сыма Цяня. Следует оговориться, что степень «отцовства» здесь несколько отличается. Геродот действительно является автором древнейшего сохранившегося (хотя не древнейшего написанного) эллинского исторического труда. «Исторические записки» Сыма Цяня явились итогом длительного и известного нам по конкретным трудам развития китайского историописания — но и воплощением уже сформировавшихся его тенденций.

«История» Геродота ставила вполне «эпическую» цель прославления побед в греко-персидских войнах, но не меньше внимания уделено и истории «варварских» народов, возвышению Персидской державы. Геродот рассказывает немало занимательного, в том числе и недостоверного, но главная цель его — морально-политическое наставление аудитории. Аудитория его и велика, и в то же время ограничена — образованный слой Эллады, свободные граждане, участвующие в управлении полисами. Более аналитическая и менее развлекательная историография в Греции появляется позже, в лице Фукидида и далее Полибия, и никогда не получила монополии.

Иной политический строй Древнего Китая породил закономерно и иное строение историописания. «Исторические записки» (и весь ряд подражающих им династийных историй древности и Средневековья) представляют собой труд исключительно аналитический. Литературная яркость отдельных глав и эпизодов скорее дело случая, и есть целые разделы, вовсе не предназначенные для наслаждения изящной словесностью. В последующих династийных историях, являвшихся чем дальше, тем больше коллективными сочинениями, эта тенденция всё более возрастает. Прошлое при этом не столько прославляется, сколько препарируется и критикуется — что опять же еще более характерно для династических историй, создававшихся по итогам правления свергнутых

династий. Целеполагание всего труда подчеркивается нравоучительными выводами, завершающими каждую его структурную часть. Адресной аудиторией китайского исторического сочинения в этой его наиболее совершенной форме являлись император, двор и ученое сословие, представители которого потенциально могли ко двору попасть.

При всём различии этих двух примеров есть общее, что позволяет нам определить назначение истории и историка при самом появлении этих понятий в очень разных по духу цивилизациях. История есть учебник и наставление для социальных элит, — во всяком случае, для тех, кто управляет или может потенциально управлять государством. Это сокровищница опыта прошлого, как позитивного, так и негативного, что подразумевает требования объективности и детальности.

В европейском мире христианство придало историческому труду новые смыслы. Историк теперь оказался не только (может быть, даже не столько) в роли учителя владык, но в роли толкователя Божьего Промысла. Всякий исторический факт, — и особенно «отрицательный», — нуждался в обосновании с точки зрения провиденциализма и теодицеи. В современной истории искали и находили параллели с историей священной. Не находя истории среди «свободных искусств» и университетских дисциплин Запада, иногда роль истории как «академической» науки в Средневековье принижают. Однако это совершенно несправедливо. Уже один из первых теоретиков церковного образования в Европе Кассиодор относил историю к числу «Божественных наук», по статусу превосходящих науки светские. Фактически в этой концепции история — как экзегеза творимых Богом и наблюдаемых судеб мира — оказывалась неотъемлемой частью теологии, «царицы наук» Средневековья. Но при этом и ответственность историка перед Богом оказывалась не меньшей, чем ответственность богослова. Представление об историке как свидетеле на Страшном Суде не было универсально проговоренным, но логично следовало из самого факта описания им деяний других людей перед лицом Бога. При этом будет историк свидетелем или лжесвидетелем, Судии известно заранее, — так что это не столько право, сколько именно ответственность за свои слова. Хотя реальность не всегда соответствовала и вряд ли всегда могла соответствовать идеалу, столь ясного представления о жизненной необходимости для историка служить истине не появлялось ни до, ни после этого.

Процесс секуляризации научного знания, начавшийся на Западе с Ренессансом, стал необратим в эпоху Просвещения. Для просветителей историк оставался прежде всего учителем морали (в том числе в политике, культуре, общественной жизни). Немного наивное представление о том, что история должна «учить добру» (с точки зрения представлений о «добре» каждого конкретного автора) пронизывает почти всю историческую литературу Просвещения. При этом понимание методов достижения цели сильно варьировалось — от уверенности в том, что объективность и правдивость сами по себе приведут к желаемому результату (Болингброк) до почти прямого призыва исказить историю в угоду «добродетели» (Мабли). Христианский автор, верящий в Провидение, в идеале ставил задачу извлечь морально-религиозный урок из любых фактов. Просветитель — и тоже в идеале — ставил задачу выстроить факты так, чтобы извлечь моральный или политический урок.

Как бы то ни было, основная функция истории, несомненно, при этом сохранялась. Проблема была в том, что в тот же самый период историческое знание уже усложнилось и всё более расслаивалось. «Большая» история, которую можно было представить на суд всего образованного общества, составляла теперь только верхний слой. Между тем, механизмам получения исторического знания, выстраиванию фундамента для этой «большой» истории, приходилось уделять всё больше места. Использование истории в политической борьбе только подталкивало историков внимательнее относиться к источникам и доказательствам излагаемых ими событий. Бурно развивалось

источниковедение, появились как особые отрасли науки археология и историко-лингвистические исследования. Самостоятельные труды такого рода, появившиеся с неизбежностью всё чаще, были интересны, а то и вообще понятны сравнительно узкому кругу специалистов и увлеченных антикваров. У всё более широкой же читающей публики, ждущей от историка развернутых картин национального прошлого и нравственных образцов, подобная «трата времени» могла зачастую встречать непонимание и раздражение.

Это был первый шаг к потере историей традиционного адресата. Развитие истории как полноценной науки постоянно увеличивало численность работ, которые могли адресовываться только самим ученым-историкам. Уже в XIX в. публикационная карьера многих историков состояла в основном или исключительно из подобных (безусловно, необходимых) трудов.

На эту тенденцию, однако, наложилась другая, уже в чрезвычайно малой степени зависевшая от самих историков, — за исключением прямо участвующих в политической жизни. Век революций начал процесс демократизации элиты. Для традиционной элиты история была, помимо прочего, и собственным родовым прошлым, а «учиться у истории» хотя бы формально являлось традицией. Настолько, насколько старая элита сохранялась в качестве ядра новой, традиция поддерживалась, как минимум номинально. Этому могло способствовать и то, что значительную часть нового политического класса составили университетские интеллектуалы, не исключая и профессиональных историков. Но в целом круг необходимых «заказчиков / потребителей» труда историков расширялся далеко за эти границы. Чем более демократична по происхождению элита, тем меньше работали традиционные побуждения. Там, где, как в России после 1917 г., произошла тотальная замена прежнего правящего слоя, историкам приходилось доказывать свою необходимость обществу новыми способами.

Потеря традиционного адресата, естественно, вела и к потере цели. Секуляризация, с одной стороны, и распространение морального релятивизма, с другой, лишали историю ее традиционного назначения. Как прагматический «учебник» история, как сказано, еще могла представлять интерес, но новые социальные науки были предназначены как раз для того, чтобы представить «потребителю» прагматически необходимую информацию. История в марксизме и позитивизме начинает восприниматься как совокупность фактической информации для социологов или экономистов.

Поиски новой цели историками велись в двух направлениях. С одной стороны, распространение идей национал-романтизма и национализма уже давно толкало историческую науку к постижению национального духа как главному предназначению. Однако здесь была очень тонкая и легко преодолеваемая грань, за которой историк превращался в пропагандиста и панегириста, полностью теряя и без того труднодостижимую объективность. Потому неудивительно, что у «строгих» ученых, неудовлетворенных ролью поставщика материала для политэкономики, возобладало стремление к глобально-историческим схемам. Начиная с середины XIX в. история упорно стремилась предсказывать мировое будущее — по следам тех философов, которые первыми стали это делать на историческом материале. В наиболее щадящих случаях воспринимались и корректировались созданные философами концепты — как вольно или невольно делали ученые-марксисты. В более дерзких — создавались собственные картины прошлого и будущего мира, наподобие представленной А. Тойнби. Но предсказания не сбывались или, якобы начав сбываться, разбивались о реальность. В течение XX в. выяснилось, что футурологический потенциал истории не выше, чем у других наук — стремится к нулю.

XX век принес с собой «восстание масс». Эффект массового общества для исторического знания в его прежних формах был предсказуем, и возрастал на протяжении всего последнего столетия. «Эпоха Интернета», наконец, фактически окончательно

разрушила прежние функции истории. С другой стороны, на протяжении всего периода появлялись новые запросы к ней.

Появление и распространение всеобщего среднего образования повлекло за собой потребность в создании упрощенной версии отечественной и мировой истории. Основным назначением такой версии являлась воспитательная — отвечающая актуальным идеологическим или национально-государственным задачам. С другой стороны, интерес к истории поддерживают и распространяют средства массовой информации, — что, в свою очередь, служит «рекламным фоном» для популярной истории, как профессиональной, так и вовсе нет. Понятно, что назначение такой исторической работы — преимущественно развлекательная. По большому счету, именно в этих двух смыслах история только и требуется как массовому обществу, так и его государству. Собственно научная ее сторона теперь только терпима и поддерживается лишь как основание для действительно полезных.

Проблема, однако, в том, что ни массовое воспитание историей, ни массовое привлечение историей не являются функциями исторической науки. Как не зря отмечено в начале этой статьи, это фактически функции эпоса, — жанра параллельного ученой истории и ей не тождественного. В современном обществе ему наследуют и вполне успешно справляются со своей функцией исторический роман, кинематограф, а ныне и видеоигры. Возможности воздействия на аудиторию у них определенно больше, а сама аудитория шире, чем даже у школьного учебника, не говоря о pop-history. В итоге складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, историк отнимает хлеб у эпического «акына», и именно этого от него и ждут. С другой стороны, есть сферы культуры, прямо «акыну» наследующие и лучше с его работой справляющиеся. Историк остается в роль проигрывающего игрока на чужом поле.

Что же остается? Историк пока еще может зарабатывать как наукой, так и передавая профессиональные знания. Возможности для этого далеко не равные для всех, но они никогда не были и не будут равными. Речь, однако, не о хлебе насущном, а об осмысленности труда ученого-историка. Кому предназначена его работа, кроме круга коллег и немногих квалифицированных читателей? И даже если адресация шире — каково целенаправленное отношение труда, его конечный желаемый результат?

Ответа тут может быть два, и оба оптимистичны лишь отчасти. С одной стороны, историк может пополнять научное знание для будущего. Возможно, вновь сложится стабильный элитный слой, при котором, — опять же возможно, — истории вернется роль «учебника элит», способных извлекать опыт из суммы объективно подаваемых фактов. С другой стороны, никто не отменял главного побуждения, приводящего обычно людей к занятию исторической наукой. Желание постичь прошлое самому, не столько доказать что-либо, сколько разобраться, — извечный и главный двигатель научного познания. Историк может работать для любознательности, и в конечном счете всегда будет работать в первую очередь ради него.

ПОВОРОТ К ЛИЦУ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЛИЗМ КАК СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Современный историк это прежде всего человек, который ассоциируется со своей работой. Во всяком случае, таково положение дел в России. Историк-специалист, получивший профильное профессиональное образование, работает чаще всего на государство, реже на какую-либо общественную организацию. Он может быть академическим историком, т.е. находиться в научно-исследовательском институте в системе одной из государственных академий наук. Он может также преподавать в вузе, быть сотрудником музея. Или, скажем, сотрудником архива. Хотя там и (несколько опрометчиво) отменили научные ставки, но специалисты, так или иначе, занимаются научной работой, даже двигаясь, в определенной мере, против течения. Поэтому словосочетание историк-архивист до сих пор не потеряло смысл... Профессиональный историк может работать консультантом в каком-то общественном клубе, политической партии, творческой организации и т.д. Там он занимается тем, что ему «заказывает» руководство, притом порой заказ подобного рода формируется очень своеобразно, иногда прямо противоположно законам подлинно-научного исторического исследования. А для историка-ученого идеал его профессиональной деятельности может быть только один: восстановление исторической истины и следование ей.

Но, допустим, не происходит никакого выкручивания рук на работе. Одно только следование общим рабочим планам или планам осуществления грантовых проектов. Всё равно, и тут имеется своя сложность.

Почти всегда государство довольно равнодушно относится к труду историков, которые работают в академических институтах, университетах или иных вузах, музеях. Я имею ввиду не преподавательскую работу, а научную. Существуют плановые программы, которые утверждаются заранее, по ним историк должен отчитываться как за «проделанную работу». В подавляющем большинстве случаев названные программы основаны на идее социального синтеза. Эта идея вонзилась в сферу исторической науки еще в XVIII веке, но с особенной силой звучала она на протяжении XIX—XX столетий. Она предполагает, что историческое знание на уровне государства, да и на уровне общества в целом, должно чему-то научить, предотвратить некие беды, показать, как правильно развиваться, должно стать почвой для «рекомендаций на будущее». Что, в сущности, предполагает признание тезиса, еще в середине XX века считавшегося чуть ли не самоочевидным: можно, основываясь на фактах прошлого, понимать и реконструировать некие глобальные непреложные законы общественного развития и, соблюдая оные законы, идти в светлое будущее хорошо подготовленным.

Такой подход к истории существует до сих пор, его никто не элиминировал, хотя выглядит он чрезвычайно архаично. Но последние десятилетия он сталкивался и сталкивается с проблемой генерального смысла, с проблемой метода, по большому счету. Проблема эта пришла в Россию достаточно поздно, в 1990-х или даже 2000-х, европейские ученые ощутили ее намного раньше. Суть названной проблемы: до сих пор ни одна философия, и ни одна, тем более, философия истории, не доказала существование какого-то непреложно существующего закона общественного развития. На словах огромное количество законов всемирного масштаба открыто позитивистами, марксистами, сторонниками школ «Анналов» и так далее. На их основе даже пытались выращивать «правильные» общества, и СССР служит хорошим примером. Но на практике... время идет, а закон, который сначала звучал как набат истины, представлял собой откровение для крупных социальных страт, вызывал интерес и одобрение у широких масс (как минимум, у

широких масс интеллектуалов), постепенно... устаревает. Это значит: уходит из фокуса внимания общества, становится экспонатом на музейной полке; и через некоторое время уже и не помнят, что, оказывается, был такой Всемирный исторический закон. Или помнят лишь узкие специалисты, занимающиеся «археологией интеллектуальной деятельности». И так – раз за разом.

Проблема метода состоит в том, что фундамент «глобальных законов исторического развития» постоянно перестраивается, и ни одно поколение современных историков не знало и не знает ситуации, в рамках которой на протяжении всей творческой жизни своей оно могло пользоваться единой, не меняющейся, цельной формулой генерального смысла исторического развития для человечества.

Цельная формула была в Средние века – христианская ортодоксия. И, возможно, еще когда-нибудь вернется... нескоро (Володихин, 2021). Новое время породило множество философских симулякров. Наши дни даже в творении новых симулякров отметились леностью, незамысловатостью, копипастингом...

Таким образом, мечта о социальном синтезе, как некой точке, где будут «окончательно» применены все исторические знания, до сих пор существует, и к ней стараются подвязать подавляющее большинство программ, которыми занимается официальная государственная история. Но философская основа названной мечты шатка, покрыта трещинами, изобилует провалами и, по большому счету, дышит на ладан. Работая в рамках таких программ, историк либо просто не задумывается о том, что накопленное им новое знание никогда не пригодится для «общего дома» мировой или национальной истории, сложенного из кирпичиков по «единому проекту», либо сознательно отказывается от историко-философских проблем, поскольку осознает ничету идеи социального синтеза, но увлечен своей работой, и ему нет дела до того, сколь большому количеству людей ее плоды пригодятся.

Но есть иная роль для историка. А именно – глубокая социализация. Необходимо наконец вспомнить, что помимо функции академического исследователя (а без нее всё остальное просто не существует), т.е. функции, соответствующей служебному положению, существует также функция другого рода. Она предполагает самостоятельное, осознанное установление историком диалога с обществом. «Самостоятельное» означает – не через те структуры, где он работает, а, скажем так, подчиняясь определённым нравственным императивам сообщества историков в целом. В число этих императивов входило и входит четкое понимание того, что история – общественная дисциплина. И, следовательно, для историка всегда открыт путь служения не только государству, но и обществу – напрямую, без «руководящей и направляющей роли» той элиты, которая на данный момент (пятьдесят лет назад, десять лет назад, сегодня, завтра, через сто лет) осуществляет госзаказ на деятельность историков. Элита может быть хороша и плоха, да она может быть просто великолепна или чудовищно безнравственна, всё бывает, но заказ, идущий от нее – далеко не единственный хлеб для историка, да и не только хлеб, но и смысл его творчества.

Для сообщества историков, повторюсь, существует один-единственный идеал – истина. И один-единственный способ доказать собственный профессионализм, а именно использование полноценного багажа знаний источниковедческих, историографических основ своей науки, технических навыков вспомогательных исторических дисциплин. Историка-профессионала видно по технике его работы. Не освоил – не нужен. Знание «правильной философии» уже ни на что не влияет и мало кого способно впечатлить.

В этом смысле историк, отклоняясь от масштаба масс, классов, периодов истории большой длительности, истории громадных территорий, глобальной истории, макроистории, отстраняясь от идеи социального синтеза, получает возможность делать то, к чему будет прислушиваться социум.

Общество постоянно заказывает историческое знание. Каждый день, каждое поколение, каждая социальная страта хочет знать определённые аспекты истории, и чаще всего они с государственными программами изучения истории совпадают лишь постольку-поскольку. А то и вовсе не совпадают.

В 1990-х и 2000-х годах в русском образованном обществе бурно развивалась военная история. Она и по сию пору в высшей степени востребована. Целый каскад современных историков получили известность именно как обозреватели военного материала: танки, эсминцы, истребители, армии, фронта, эскадры, стратегия, тактика и так далее (например: Исаев, 2005). Это то, что будоражит умы не одного миллиона людей, и это лишь один из аспектов социализированной истории.

Таков лишь один пример из множества социализированных аспектов исторического знания.

Очень значительная часть общества тянется не к факту и, тем более, не к закону, — закон сух, — тянется она к изучению личности. Ранее автору этих строк уже пришлось высказываться в данном ключе (Володихин, 1999; Володихин, 2002).

Как хорошо образованного человека, так и... не особенно хорошо образованного всегда интересовал и интересует пример личностей прошлого. Выдающиеся персонажи истории, как и всякий человек от начала времён, от Сотворения мира, пользуются теми же интеллектуальными и нравственными инструментами, что и современный человек. Проще говоря, так же думают и так же чувствуют. Высокая культура и культура повседневности в рамках любых цивилизаций задают, разумеется, контекст поведения человека, но глубочайшие аспекты человеческой личности заданы от начала и до конца истории. Поэтому личность, которая действовала 100, 200, 1000, 2000 лет назад, может быть в своем опыте актуальна для нашего современника. Личность постоянно делает нравственный выбор, на протяжении всей своей жизни миллионы раз отвечает «да» и «нет» на простые и сложные вопросы бытия. Она выбирает модели поведения, она выбирает для себя правильную деятельность, правильное творчество, правильный идеал. А иногда, если выбирать нечего, личность фактически строит эти идеалы, эти модели жизненной практики, а потом использует их до гробовой доски. Иногда получается так, что личность стоит как бы в холодном море враждебных смыслов по пояс и, строя для себя модель жизненной стратегии, подсыпает под свои ноги песок, подсыпает, подсыпает... и в конце концов под ней образуется остров смыслов приемлемых.

Такое случалось в разных странах, у разных народов, в разные времена.

Для того чтобы понимать, как совершались подобные действия раньше, т.е. для того, чтобы получить пример правильного выбора стратегии, правильного нравственного выбора, необходимо окунуться в интеллектуальную и нравственную реальность личности прошлого. Историк, который выполняет не только академические задачи, но и устанавливает диалог с обществом, иначе говоря, социализированный историк, «вытягивает» критически важный, можно сказать, экзистенциальный опыт из судеб исторических личностей. Стараются понять, почему, в каких условиях, по каким причинам, из каких нравственных императивов они делают тот или иной выбор, принимают ту или иную модель поведения.

На мой взгляд это самое интересное из всего, что может дать историк. Да и, по большому счету, самое интересное из всего, чем он может заниматься.

Конечно же, социализированный историк может заниматься далеко не одним этим, ведь существуют значительные социальные страты, интересующиеся, допустим, историей костюма, историей искусства, историей веры (впрочем, тут тоже не обойтись без персонализма), историей Церкви, да той же самой историей войны и военного дела. Но «заказ на личности» вечен, он на все времена. Все остальные заказы существуют... как бы правильно выразиться?... от времени к времени. Они могут изменяться, обретать

широкий масштаб и незаурядную популярность, или, наоборот, почти исчезать в обществе. Да, естественно. Но заказ на знакомство с опытом личностей прошлого – навсегда.

Причём кому-то необходимо изложение чужого опыта в сложной, изощренной форме, кому-то попроще, разложить по полочкам, а кого-то интересует личность, препарируемая на классическом научно-популярном уровне – в этом смысле, например, полагаю, еще долго будет процветать серия «Жизни замечательных людей», издательства «Молодая гвардия».

Иначе говоря, работа такого рода может выполняться в разном стиле и с использованием широкого диапазона методик.

Не обязательно окуна́ться в дебри психологии. Валиден и другой подход. А именно, когда через культурный контекст, через исторические обстоятельства, через поступки, через слова, т.е. исключительно через внешние проявления личности историк оттягивается до глубин души, каких-то потаенных струн сознания, *до того, что существовало раньше, чем человек познакомится с культурным контекстом своей эпохи*, обрел общественный долг в принятых для его хронотопа категориях, варианты поведения, основанные на обычае. То есть *то, что в него заложено от рождения, то, что имеет отношение к его душе*. До такого докопаться очень сложно, и не стоит думать, что автор этих строк сейчас советует заняться в исторических исследованиях фрейдизмом, юнгианством, эриксономизмом, учением Адлера и т.п. Это всё почтенные платформы научной психологии, конечно. Их уместно использовать в рамках психоистории. Но разговор сейчас, скорее, о том, чтобы окунуться в экзистенциальную глубину сознания, понять то, что сам человек понимает о себе лишь в критической, пограничной ситуации, когда он испытывается на излом, и поднимаются на поверхность глубинные слои его личности сознания. Когда выходит наружу то, что является его сущностью, -- перед лицом смерти, перед лицом сильного чувства любви, перед лицом возможности самопожертвования, которое будет дорого стоить. Такие «критические ситуации» показывают сущность натуры, и... это будет интересно всегда.

Итак, на мой взгляд, помимо академической истории, которая не особо удовлетворяет интересы общества, но зато за неё довольно просто отчитываться, всё более и более происходит «поворот к лицу», то есть поворот историков к личности, поворот к тому, о чём историк может поговорить с обществом, минуя все остальные звенья социальной иерархии. Поговорить о том, что интересно ему, и о том, что будет интересно его собеседникам, которых он обретет через книги, статьи, публичные выступления.

БИБЛИОГРАФИЯ

Володихин Д.М. Экзистенциальный биографизм в истории // Персональная история. М., 1999. С. 3–10.

Володихин Д.М. Две версии микроисторической платформы в отечественной историографии // Диалог со временем. 2002. Вып. 8. С. 445–452.

Володихин Д.М. Христианский персонализм и метод персональной истории в исторической науке // Историческое обозрение. Вып. 22. М., 2021. С. 85—91.

Исаев А.В. Краткий курс истории ВОВ. Наступление маршала Шапошникова. М., 2005. 384 с.

МИСТИКА КАК МАРКЕР ГУМАНИЗМА

1

Мистика окружает человека везде и всюду, что уже само по себе является достаточным основанием, чтобы попытаться сформулировать свое отношение к этому феномену.

За примерами не надо далеко ходить. Три недели назад, 7 января 2023 года, большинство православных христиан праздновали Рождество Христово. В это время в старину повсюду начинали отмечать Святки — две недели, которые начинаются с Рождества и заканчиваются Крещением.

Первая неделя — это «святые вечера», а вторая, до 19 января — «страшные вечера». Согласно поверьям, в это время особенно сильна связь с загробным миром. «Святые вечера» получили свое название благодаря запрету работать в течение святок. В эту неделю устраивались колядки, игры и гуляния. А вот в «страшные вечера» люди старались вообще не выходить из дома. По древнерусским представлениям, в дни, когда начинает прибавляться тепло и свет, нечистая сила особенно активна и усиленно творит пакости. Люди верили, что Бог выпускает из загробного мира души покойников. Поэтому считалось, что именно святочные гадания наиболее точно показывают будущее.

Перед нами *универсальная мифологическая модель мистики: «святое» и «страшное»*, укорененное в загробном мире.

Говорить про мистику и трудно, и легко. Трудно — потому что придется в своем предмете исследования объять необъятное. Легко — потому что невозможно говорить про мистику и быть при этом правым: это отчасти развязывает руки и снимает груз ответственности.

Попробуем сказать о мистике интересно: просто о сложном.

Вначале определимся с рабочим *объемом понятия* «мистика» и, главное, с нашим отношением к этому понятию. Меня как литературоведа и писателя будет интересовать и *объективное* содержание понятия (мистика как предмет научного исследования), и мое *субъективное* к нему отношение (мистика как инструмент художественности). Таким образом, я позволю себе «смешать», если так можно выразиться, научное и писательское отношение. Строго говоря, «смешивать два этих ремесла» есть тьма охотников — «я не из их числа». Но в данном случае у меня как у исследователя, взявшегося за эту непростую тему, как представляется, нет большого выбора. Дело в том, что отношение к мистике всегда так или иначе мистично — всегда в той или иной степени субъективно. Субъективность хочется считать началом объективности, чтобы не сказать самой ее сердцевинной.

Вот почему в общем и целом я предлагаю такой гибридный жанр исследования, который точнее всего можно было бы обозначить как *эссе с научным уклоном*. Это не значит, что я выбрал жанр, в рамках которого могу позволить себе не нести никакой ответственности за свои суждения; это значит, что объективность темы чрезвычайно трудно зафиксировать доступными на сегодняшний день гуманитарной науке средствами.

Итак, что такое мистика в нашем понимании?

Существует ли мистика сама по себе, без человека или вне человека? С нашей точки зрения — не существует. Если это так, то мистика появляется и функционирует в

некоем *человеческом измерении*, то есть там, где присутствуют душа и сознание, и не просто присутствуют, а взаимодействуют.

Там и только там возникает феномен мистики. *Вне психики и вне сознания мистики нет*. Это принципиальный момент, локализирующий наше исследование.

Не хотелось бы, однако, злоупотреблять локализацией — не хотелось бы свести проблему отношения к мистике к проблеме классификации мистических практик. С одной стороны, «святая» религиозная мистика (непосредственное необъяснимое чудесное единение с Богом, при этом мистика может быть христианской, иудейской, мусульманской, буддистской и т.д.); с другой стороны — «страшная» эзотерика (окультизм, гадания — нерелигиозная мистика). Что это дает?

Это дает описание внешнего контура феномена, но не дает представления о его сути.

Мистика так или иначе связана с таинственным проявлением потусторонних (сверхъестественных, фантастических) сил, наводящих либо страх и ужас (*мистический страх*: сама устойчивость словосочетания свидетельствует как раз об этом), либо приносящих *катарсис*, то есть переживание превращения страха в радость. Бывает ли мистическая радость?

Очевидно, бывает. Но страх — самая распространенная эмоция. Вот почему мистика чаще всего связана в сознании людей с силами «темными». Если не темно и не страшно, то мистика не впечатляет. От мистики мы ждем прежде всего ужаса, но ужаса не «душегубного», а немного карнавального, сказочного. В сказках добро побеждает зло — радость побеждает страх. Иными словами, наличие страха и ужаса является непременным условием победы добра и радости.

Мистический опыт — вот, пожалуй, понятие, наиболее точно выражающее то, что мы собираемся исследовать. Не мистические практики, а мистический опыт. При этом опыт может быть разным: религиозным, нерелигиозным, еще каким-то, однако опыт — это всегда про общение с таинственными силами, вступающими в контакт с человеком, по его или не по его воле.

И еще одно уточнение. Нас будет интересовать не мистический опыт как таковой, а мистический опыт людей, ищущих истину, правду, высший смысл, гуманистические идеалы. Это *переводит мистику в разряд духовного опыта* и духовных практик.

2

Существует, как представляется, несколько моделей мистического мироустройства, в рамках которых мистический опыт становится актуальным.

Модель первая. Человек ощущает себя частью так устроенного мироздания, где несомненно проявляются таинственные силы; при этом мистика живет *помимо и вне человека*, хотя человек — всегда желанная цель и добыча для мистических сил. «Ловцы человеков» — это можно сказать как раз про субъектов такой мистики.

Модель вторая. Человек ощущает себя моментом таинственных сил, носителем мистического начала, ощущает себя одной с ними природы; он не выделен из этой природы, и является средоточием мистики. В этом случае *человек сам к себе относится как к явлению мистическому*: вот что кажется нам важным и интересным.

Чужая душа потемки, а своя — тем более: это уже многообещающее точка отсчета для мистики. Начало мистики в этом случае — душа, психика («психэ» от др.-греч. Ψυχή — «душа», «дыхание»).

Позволю себе начать с себя. В некоторых моих романах, повестях и рассказах несомненно присутствие мистического начала. Например, в романе «Срединная

территория» (2003). В моем случае лично у меня интерес вызывает следующее обстоятельство: к мистике я отношусь (на уровне рациональном) скептически, я не планирую вступать с мистикой в отношения, но о мистическом пишу с удовольствием и, так сказать, с завидной регулярностью. С удовольствием тянусь к тому, чего нет. Я бы даже сказал так: увеличение доли рационального в отношении к жизни ведет к увеличению доли мистического. Ну не мистика ли?

Мой опыт позволяет мне сделать следующий вывод: если ты серьезно занимаешься литературным творчеством, ты так или иначе соприкоснешься с мистикой. Где литература — там и мистика.

С моей точки зрения, мистически ориентированная литература (условно, конечно) может быть поделена на три большие группы в соответствии с выделенными моделями.

Группа первая. В нее входят тексты, созданные по *модели первой*, где раскрывается не мистическая природа человека, а воздействие на него мистических сил, которые существует отдельно от человека. Человек отдельно — мистика отдельно, и сверхъестественные силы (неподвластные, конечно же, человеку) наводят на слабого человека, даже если он невероятно сильный, тот самый мистический ужас. Силы человека и мира сверхъестественного не равны, и не очень дружелюбный мир всегда готов злорадно сообщить человеку, что последний лишь щепка в огромном и непостижимом океане жизни.

Здесь мистика выступает, если угодно, *маркером непостижимости*: мир дан человеку со стороны непознаваемости, тайны и чудесных открытий.

К подобного рода текстам я бы отнес, например, роман В.Я. Брюсова «Огненный ангел» (1907). Ситуация «человек — мистика» создает, прежде всего, удивительные сюжетные возможности. Отношения с мистикой — это ведь цепь приключений. Отсюда трактовка жизни как пути, на протяжении которого случаются всякие удивительные, невероятные вещи, и о них, конечно, хочется рассказать мирному обывателю — поделиться мистическим опытом. Такого рода опыт, чаще всего, представлен как свидетельства очевидцев, при этом очевидец становится немного мифологическим героем, первопроходцем, добывающим для людей опыт, который раздвигает горизонты мистического. Вот, например, как описывается шабаш у самого дьявола, на котором побывал герой романа Рупрехт: «Наконец, спросил я, случаются ли шабаши более оживленные, нежели сегодняя, и при таком вопросе глаза у Сарраски заблестели, и она мне сказала:

– Еще бы! Ведь сегодня самое обыкновенное собрание, какие всегда бывают в среду и пятницу, но что было здесь под Успение или, погоди, что будет под праздник Всех Святых. Тут собирается больше тысячи человек, крестят украденных младенцев, справляют свадьбы или поминки по умершим! То-то бывает весело и плясать, и петь, и ласкаться! Волки бывают такие, что ни один мужчина не может с ними сравниться! А на угощение, порой, сами мы варим в молоке детское мясо!» (Брюсов, 2016:83).

Роман Брюсова — это великолепная стилизация, костюмированный дискурс, весьма литературная, изысканная вещь. Карнавализация обыденности органично сочетается с мистикой. Здесь даже то, что наводит ужас, описывается эстетично: герой выразительно фиксирует происходящие с ним события, на которые он не в состоянии повлиять. Что может случиться с человеком из разряда «самое невероятное»?

Посещение потустороннего мира. Перемещения (непрерменно чудесным образом — по воздуху) из одного мира в другой и возможность своими глазами увидеть иной, дьявольски устроенный мир, зеркально противоположный обычному миру людей. «Освидетельствовав животное, которое несло меня через воздушные сферы, я увидел, что то был совершенно обыкновенный козел, явно из костей и мяса, с шерстью, довольно длинной и местами свалывшейся, и только когда, оборотив ко мне свою морду, он

посмотрел на меня, заметил я в его глазах нечто дьявольское. <...> Во всяком случае, мой адский конь держался в струях атмосферы очень прочно и летел вперед с такой стремительностью, что я, дабы не упасть, принужден был обеими руками вцепиться в его густую шерсть, а от ужасной скорости движения ветер свистел мне мимо ушей и было больно груди и глазам. Освоившись с чувствами летающего человека, стал я смотреть по сторонам и вниз, заметил, что держались мы много ниже облаков, на высоте небольших гор, и различил некоторые местности и селения, сменявшиеся подо мною, словно на географической карте» (Там же: 84).

Отметим, что этот отрывок заставляет вспомнить знаменитый эпизод из «Мастера и Маргариты» — полет над Москвой Маргариты, которая летела на щетке к сатане; ее догнала служанка Наташа, летевшая верхом на борове. Вскоре некто козлоногий поднесет ей бокал с шампанским.

Завороженность необъяснимым и несомненно потусторонним: вот атрибутика таких текстов. От «бабочек в животе» до трагедии — таков диапазон мистических посылов; но при этом человек всегда ощущает себя щепкой в бурной стихии мистики. *Человек — точка приложения внешних сил, которые сражаются за его душу.* В романе Брюсова, в частности, это описано так: «Последнюю неделю, когда я особенно мало обращал внимания на Ренату, она сильно страдала от одиночества и целые дни плакала, тщательно скрывая это от меня. Но, когда человек в тоске, он становится беззащитен перед нападением враждебных демонов, и давний враг Ренаты, преследовавший ее еще в замке графа Генриха, опять поборол ее, вошел в нее и, пытая, поверг на пол. Однако, когда лежала она, простертая, почти не сознавая ничего, — внезапно возникло перед ее глазами светлое сияние, и в нем выступил образ огненного ангела, который не видала она с самых дней своего детства. Рената узнала тотчас своего Мадизэля, ибо он был таким же, как прежде: лицо его блистало, глаза были голубые, как небо, волосы словно из золотых ниток, одежда будто тканная из пламенной пряжи» (Там же: 401).

Демоны и огненный ангел Мадизэль буквально сражаются за тело и душу Ренаты. При этом природа человека всегда на периферии интересов героев, даже таких искусственных, как доктор Фауст с Мефистофелем: «Дорогой доктор! мы все изображаем что-нибудь: я — чародея, вы — ученого, которому ничто не мило. Всякий человек, согласно с Моисеем, только изображение божие. И хотел бы я узнать, что вообще известно вам, кроме изображений?» (Там же: 266).

Тексты наподобие романа «Огненный ангел» — *плохой способ познать человека, но хороший способ развернуть повествование приключенческое и захватывающее.* Литературные возможности подобных текстов связаны с сюжетосложением и описательностью, в том числе с описанием таких переживаний, которые не «переворачивают» сознание человека, не заставляют пересмотреть картину мира и свои ценности. Человек в результате не становится другим, хотя становится при этом, несомненно, более опытным. Вот почему стилизация Брюсова под плутовский роман — вполне очевидна и, я бы сказал, литературно продуктивна. Его попытка создать текст «про мистику» была признана успешной. Роман, в частности, получил вторую жизнь в виде оперы С.С. Прокофьева. Это свидетельство того, что текст «Огненного ангела» архетипичен, он определенно затрагивает некие мифологические пласты. Совершенно в духе русского Серебряного века стилизация под XV век сочетается с автобиографичностью (мы имеем в виду любовный опыт самого Брюсова). Здесь исторически конкретное инфернальное становится антуражем онтологических переживаний.

Такую культурную проекцию мистики предложил нам Брюсов. Судьба, рок, фатум: дух Древней Греции в сочетании с догматикой средневековья здесь присутствует безусловно.

Группа вторая. Здесь уместно было бы вспомнить о «Пиковой даме» А.С. Пушкина как о тексте, в котором несомненное присутствие мистики не делает реалистический художественный дискурс мистическим. Мистика в данном случае выполняет служебную функцию. *Здесь мистика работает на реализм, а не реализм на мистику.* Художественные возможности мистики ограничиваются безбрежными рамками реализма.

Подобную разновидность текстов мы бы также отнесли к *первой модели*. При этом мистика нужна Пушкину не для создания колорита, не для «карнавала», а для раскрытия принципиально не мистической природы человека, который, тем не менее, ощущает влияние на свою судьбу высших сил. По Пушкину, человек, делающий ставку на собственную силу и связанное с ней «темное» начало, идет против начала светлого, божественного, которое, несомненно, доминирует, хотя многим кажется, что все наоборот.

Покорность Богу и судьбе — это у Пушкина про религию, а не про мистику.

Здесь мистика выступает *маркером доминирования «святого» начала*: мир дан человеку как возможность самореализации — при условии разумного (объективного) отношения к законам мироздания. Полагаю, мое литературное творчество связано именно с этой традицией отношения к мистике.

Кажется, что герой «Пиковой дамы» Герман общается с потусторонними силами, которые благоволят ему, помогают обрести счастье, что для Германа недвусмысленно означает: стать богатым. (Обратим внимание: имя Герман перекликается с именем другого персонажа повести, графом Сен-Жерменом, Saint Germain, алхимиком и оккультистом, связанным с темными силами: «Он выдавал себя за Вечного Жида, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня, и прочая» (Пушкин, 1981:209)). «Старуха», графиня Анна Федотовна, соблаговолила навестить Германа и принести рецепт обогащения, явившись, ни много ни мало, с того света. Она сообщила тайну — назвала заветные три карты (тройка, семерка, туз: мистически выигрышная комбинация карт!), которые позволят выиграть состояние. Это ли не мистика, казалось бы.

Вот только именно эти цифры и именно в таком порядке появятся в повести гораздо раньше, в контексте совершенно не мистическом: «Нет! расчёт, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что *утроит, усмерит мой капитал* и доставит мне покой и независимость!» (Там же: 216; историю несомненно мистической связи «туза» и «капитала» мы оставим за скобками наших рассуждений: она длинна, запутанна и неоднозначна.)

Все, что произошло со «старухой», на самом деле произошло в воображении Германа. Не было никакой «старухи» в доме у Германа, не было и речи ни о каких картах. Сумасшедший дом должен был появиться, а мистический туман обречен был развеяться. Но воображаемое и, несомненно, мистическое общение со «старухой» стало приемом, который позволил создать реалистический образ Германа.

Подобное отношение к мистике можно считать методом Пушкина. В «Евгении Онегине» мы видим нечто подобное. Вспомним мистический и пророческий сон Татьяны. Иррациональный сон сбывся, что само по себе можно считать мистикой в ее классическом проявлении. Однако сон не превращает дискурс реалистического романа в стихах в мистику, а лишь помогает обнажить реальные законы мироздания. Мистика становится проявлением реализма, как ни парадоксально.

Группа третья. Здесь мы поговорим о возможностях *второй модели*, и в этой связи обратимся к роману М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1928 — 1940), куда

же без него в разговоре о мистике. В данном случае мистика — способ раскрыть природу человека. «Высказывание» Булгакова воспринимается как решительное заявление, которое гласит: человек — существо мистическое и без мистического контекста говорить о познании человека бессмысленно. Приведем хрестоматийно известные слова Воланда: «Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус! И вообще не может сказать, что он будет делать в сегодняшний вечер» (Булгаков, 2022:12). Здесь уже вопрос о способности человека управлять своей жизнью сильно усложняется. Здесь уже реализм работает на мистику, а не мистика — на реализм. Здесь уже реализм — это способ выявления и проявления мистического. Здесь мистика выступает *маркером непознаваемости природы человека*.

Разговор о потенциале булгаковской художественной мистики — это разговор не о вере в чудо (в загробную жизнь, в легенду об Иешуа Га-Ноцри, в Воланда), а о том, что вера и составляет ядро духа человека. Здесь человек не отъединен от мира потустороннего, а живет в нем, даже если он живет в Москве 1930-х годов. Да, далеко не все живут одновременно в разных измерениях; но те, кто не верит, даже и не живут вовсе, а так, наивно полагают, что живут.

Человек без веры — не человек. А вот во что он верит, когда ему кажется, что он не верит ни во что, — это уже другой вопрос. М.А. Булгакова часто и, на мой взгляд, обоснованно упрекают в том, что он заигрывал со злом, вольно или невольно поэтизировал зло (которое выступает у него инструментом борьбы со злом же — инструментом «света», добра). Зло в его романе выглядит едва ли не симпатичнее и привлекательнее добра. Это не по-христиански. Но это, повторим, уже вопрос порядка нравственного, а не мистического.

Кстати, такого же типа текст представляет собой уже современный роман «Чапаев и Пустота» В. Пелевина (1996). В нем мистика существует не отдельно от человека, она интерпретирует реальный мир как проекцию мира сверхреального и истинно реального. Человек в романе Пелевина не объект мистики, а ее субъект, как сказали бы сейчас. Кстати, мистика и буддизм — чрезвычайно перспективное поле для художественного освоения. Почему? Потому что буддизм связан с удивительной мифологией — с чередой бесконечных воплощений, фантомных и, если так можно сказать, безрезультатных; буддистская реальность вроде бы есть — но ее нет нигде, когда она есть. Это ведь мистика как таковая. Реальность всего сущего — пустота. А реальность — всего лишь мистическое воплощение пустоты...

Герою романа Пустоте удастся не только описать состояние «нигде», но и зафиксировать структуру с фактурой этого самого «нигде». «И, когда мое тело падало на землю, я словно бы успел осознать неуловимо короткий момент возвращения назад, в обычный мир — или, поскольку осознавать на самом деле было абсолютно нечего, успел понять, в чем это возвращение заключается. Не знаю, как это описать. Словно бы одну декорацию сдвинули, а другую не успели сразу установить на ее место, и целую секунду я глядел в просвет между ними. И этой секунды хватило, чтобы увидеть обман, стоявший за тем, что я всегда принимал за реальность, увидеть простое и глупое устройство вселенной, от знакомства с которым не осталось ничего, кроме растерянности, досады и некоторого стыда за себя» (Пелевин, 2008:327).

Художественные возможности «мистического реализма» невероятно многообразны. Любой уровень художественного дискурса — и сюжетосложение, и образная система, и метафорика, и детали, и сама лексика — все становится знаковым и символическим в художественной системе.

Я стараюсь подвести вот к какому выводу: «вещество» художественности и «вещество мистики» — одной информационной природы.

Можно сказать и так: мистика, если она в принципе воплотима, если может быть передана как некое послание или сообщение, то воплощается и передается она, в первую очередь, художественными средствами — *образами, а не понятиями*. Воспринимается мистика, соответственно, *чувствами, а не умом*.

3

Так что же такое мистика? Инструмент Бога и его святой свиты? Дьявола и его подручных? Способ человека проявить свою сущность?

С нашей точки зрения, ближе к истине последнее (хотя и первые два утверждения имеют отношение к мистике). Что мы имеем в виду?

Мистика — субстанция трудноуловимая, потому что она *психогенной природы*. Мистика появляется там, где зарождается борьба добра со злом и где есть отношение к этой борьбе. И мистика по природе своей не может быть привязана только к добру или быть связана исключительно со злым началом. Мистика — это не пространственно-временная характеристика (вспомним «нехорошую квартиру» Булгакова — портал в ад), и даже не способ борьбы добра со злом, светлого и темного. Мистика не задает содержания добру и злу, но она способствует реализации злого или доброго начал посредством иррациональной стихии. Каков механизм этой реализации?

Ответ прост: вера. *Не стоит путать мистику с нравственностью или безнравственностью*. Мистика про другое: про завораживающее сражение темных и светлых сил, которые бьются за душу и сознание человека. При этом побеждает тот, кто крепче верит, побеждает с помощью чудесного, непредсказуемого, невероятного.

Уберите темное и светлое из нашей жизни — мистика никуда не денется.

Уберите *веру в темное и светлое* из нашей жизни — уйдет и мистика.

Мистика *привязана к вере*, а не к темному или светлому.

Мистика определяет *как* (форму), хотя при этом кажется, будто она определяет *что* (содержание).

Если человек не способен обойтись без веры, следовательно, он не в состоянии обойтись и без мистики. *Вот почему не стоит сражаться с мистикой: это все равно, что сражаться с природой человека*. В подобных случаях принято говорить: не торопитесь, а то успеете.

Мистика — это параметрика ментальности, точнее, качества мышления; еще точнее — *показатель доминирования веры над сознанием* (началом рациональным).

Там, где мистика правит бал, там побеждает вера, а поскольку люди склонны верить в добро (отнесемся к этому по-христиански — как к аксиоме), то мистика мистическим — а каким же еще! — образом оказывается на стороне добра, сиречь гуманизма.

Мистика повергает человека в матрицу иррациональности, но такой иррациональности, в которой человеку пребывать комфортно, где он ощущает себя под защитой горних таинственных и могущественных сил. Мистический ужас заставляет человека искать защиты у тех сил, которые могут обернуть ужас радостью. Иными словами, мистический ужас входит в состав мистической радости, ужас воспринимается как некая специя, обостряющая чувство жизни, но не подменяющая его.

Подмена радости ужасом — это дьявольская технология, и в качестве таковой она находится за рамками высокой литературы, служащей истине, добру, красоте. Поэтому такая «технология», инструмент лжегуманизма, нами не рассматривается.

Каков же *потенциал мистического начала в литературе?*

Боюсь сбиться на банальности, но хочется при этом думать, что в чем-то я окажусь прав. Жизнь — штука сложная и таинственная. Вы можете верить или не верить в

судьбу, в знаки, в предназначение, в предопределенность, в предначертанность, но при этом и верующие, и скептики описывают внешние контуры своей жизни примерно одинаково, оперируя такими понятиями, как Бог, судьба, рок, фатализм, случай, удача, мистический опыт.

Все это создает основы для не случайного присутствия мистики в литературе. По крайней мере, так видится культурная функция мистики с позиций сегодняшнего дня. Сколько существует литература, ровно столько существует и мистика как неотъемлемая составляющая литературы. От Гомера, от «Царя Эдипа» Софокла до «Чапаева и Пустоты» Пелевина. Почему?

Потому что хорошая, а тем более великая литература всегда про мироощущение, про чувства, про веру, про веру в добро, про веру в Бога.

При желании в этом можно также усмотреть нечто мистическое.

Как соотносятся мистика и историзм?

История не может повлиять на природу человека, не может изменить ее. Проявление мистики в различные исторические периоды бывает разным, однако мистика является *антропологической, а не исторической категорией*. Это означает: ключ к мистике лежит не в исторической, а в антропологической плоскости.

Как ни банально это звучит, человек склонен верить в лучшее, и мистика в этом смысле позволяет ему реализовать эту потребность. Да, через механизм веры. Здесь мистика выступает инструментом и, в конечном счете, *маркером гуманизма*.

Таким образом, мистика — это не метафизические высказывания талантов или гениев, это всегда трактовка возможностей человека. В каком-то смысле — способ познания человека.

Что и требовалось доказать.

БИБЛИОГРАФИЯ

Брюсов В.Я. Огненный ангел. М., 2016.

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М., 2022.

Пелевин В.О. Чапаев и Пустота. М., 2008.

Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 тт. Т.5. М., 1981.

Сведения об авторах и аннотации статей

Богданов Андрей Петрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН. «Летописец выбором» в Век Просвещения

Популярнейший во 2–3-й четверти XVII в. «Летописец выбором» в основном тексте не пережил царствование юного реформатора Фёдора Алексеевича (1676–1682), перестав развиваться в традиции (хотя списки и личные его продолжения делались и позже). Но этот памятник не исчез, а стал основой новых произведений конца XVII и XVIII вв. Два списка «Летописца выбором», доведенные до 1676 (с последующими продолжениями до 1696, 1712, 1718 и 1727 гг.) и 1678 гг. (в припиской 1682 г.), легли в основу «Краткого ведения о народе славено-росиском и московском, выписано и сочинено из древних летописцев». Это сочинение окончательно сформировалось к концу царствования Петра I и стало популярным в редакциях 1725, 1730, 1741 гг. С середины XVIII в. более популярным становится основанное на «Кратком ведении» «Родословие от Адама», постепенно вытеснившее своего прародителя. Рассматривая их, мы получили довольно редкую возможность наблюдать переход одного популярного исторического памятника в другой.

Ключевые слова: историография России, источниковедение истории России, летописание, «Летописец выбором», раннее Новое время, XVIII век, эпоха Просвещения.

Белов Никита Васильевич — библиотекарь Научно-исследовательского отдела редких книг Библиотеки Российской академии наук.

Гроза кануна опричнины: опала князей Воротынских в 1562 году и серпуховское «изменное дело»

Вопрос о причине опалы князей М.И. и А.И. Воротынских в сентябре 1562 г. положительно не решен. Сообщение официальной летописи об «измене» братьев трактовалось историками широко. Новые данные об опале Воротынских содержатся в отрывке митрополичьего летописца, который не так давно был издан автором настоящей статьи. Сопоставление летописных сведений с информацией, почерпнутой в разрядных книгах, дает основания говорить о том, что М.И. и А.И. Воротынские были заподозрены в измене вследствие служебного неуспеха на южной границе. В июле 1562 г. вверенная им серпуховская армия не смогла настичь отступавшего от Мценска крымского хана Девлет-Гирей I. Недавние измены князей И.Д. Бельского и Д.И. Вишневецкого вкупе со «странной» неповоротливостью Воротынских убедили царя Ивана IV в существовании заговора. Братья Воротынские были лишены своего удела и отправлены в ссылку, прочие воеводы серпуховской армии по преимуществу завершили свои «карьеры», номинально возглавлявший войско удельный князь Владимир Старицкий подпал под подозрение со стороны царя. Серпуховское «изменное дело» стало первым случаем масштабных репрессий в воеводской среде, предвосхитившим аналогичные практики периода опричнины.

Ключевые слова: военно-служилая знать, воеводы, князья Воротынские, Иван IV Грозный, Девлет-Гирей I, крымские набеги, опричнина, негосударственное летописание.

Иртенина Наталья Валерьевна — член Союза писателей России, член редколлегии журнала «Вестник МГУТУ им. К.Г. Разумовского».

Новые лица в родословии Н.В. Гоголя: Косяровские, Шостаки, Щербаки. Генеалогическое исследование

В ходе генеалогического исследования выявлены неизвестные ранее предки Н.В. Гоголя по женским линиям — священники и казаки Косяровские, представители казацкой старшины Гетманщины XVIII в. Шостаки и Щербаки. Установлены места их жительства, прослежены родословные цепочки, выяснен состав семейств нескольких поколений предков Гоголя по этим линиям. Выявлены подробности службы и служебного продвижения представителей всех трех фамилий. В рамках статьи опубликовано найденное завещание прапрадеда Гоголя — войскового товарища Лубенского полка Андрея Степановича Щербака.

Ключевые слова: генеалогия, родословие Н.В. Гоголя, Косяровские, Шостак, Щербак, малороссийское духовенство, Войско Запорожское, Гетманщина, казацкая старшина, тестамент, публикация источника.

Международная научно-практическая конференция «Культурное наследие: обобщение экспедиционного опыта»

Боронина Елена Германовна — кандидат педагогических наук, профессор кафедры народной художественной культуры Московского государственного института культуры.

Исторический аспект экспедиционной деятельности В.М. Щурова

Вячеслав Михайлович Щуров (1937–2020) — известный российский этномузыкалог, ученый, собиратель и пропагандист фольклора, один из видных лидеров российской фольклористики XX – начала XXI столетия. В статье рассматривается обширный опыт его экспедиционной деятельности и ее исторический аспект.

Ключевые слова: фольклористика, этномузыкалогия, этнография, В.М. Щуров, экспедиционная деятельность, исторические источники.

Сорокин Владимир Борисович — кандидат философских наук, доцент, отличник народного просвещения, доцент кафедры народной художественной культуры Московского государственного института культуры.

Исторический и территориальный факторы концептуального планирования фольклорных экспедиций

Статья посвящена проблемам теоретически обоснованного концептуального планирования фольклорных экспедиций, которое предполагает предварительное решение не только вопросов, что и где записывать, но и зачем записывать, для решения какой-либо конкретной научной задачи. В статье приведены примеры различных концептуальных подходов к собирательской деятельности и сделаны выводы о безусловном приоритете исторических сведений для плодотворного научного изучения локальных традиций вне зависимости от административного деления территорий.

Ключевые слова: фольклор, экспедиция, концепция, история, территория.

Карлова Ульяна Сергеевна — магистрант кафедры культурного наследия МГИК.

Песенная культура семейских Забайкалья (по материалам экспедиций 2019, 2021 гг. в села Старый и Новый Заган Мухоршибирского респ. Бурятия)

В данной статье проводится обзор экспедиционных материалов, записанных автором статьи в сёлах Старый и Новый Заган Мухоршибирского района республики Бурятия.

Ключевые слова: старообрядцы Забайкалья, традиционная культура, церковный раскол, старообрядцы, певческая культура,

Всероссийская научно-практическая конференция «История: наука, ремесло, искусство»

Алексеев Сергей Викторович — доктор исторических наук, профессор, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», профессор кафедры истории Национального исследовательского ядерного университета МИФИ, лауреат Макариевской премии.

Назначение истории и историка

Статья посвящена развитию представлений о назначении исторической науки и труда историка от древности до наших дней. Выдвигается тезис о том, что массовое общество навязывает истории несвойственные ей функции национального эпоса, реализуемые к тому же в лучшей мере произведениями художественной литературы и кинематографа.

Ключевые слова: историческая наука, история как профессия, историописание, эпос, история науки, историография, массовое общество, массовая культура.

Володихин Дмитрий Михайлович — доктор исторических наук, доцент, проректор по научной работе Московского государственного университета управления и технологий имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, лауреат Премии Президента РФ в области образования, лауреат Макариевской премии.

Поворот к лицу: исторический персонализм как современная философия истории

Адресация труда современного историка проходит через затянувшийся период кризисного состояния. Государство равнодушно к труду историка, который работает в Академии наук или в вузе. Программы, по которым историк должен отчитываться, как правило, основаны на идее социального синтеза, а она предполагает, что историческое знание на уровне общества в целом предполагает прогностическую функцию, работающую на основе законов общественного развития. Относительно существования каких-либо единых и непреложных законов исторического развития, действующих на уровне всего мира или отдельных цивилизаций, в современном научном сообществе нет согласия, вопрос остается дискуссионным. И неизвестно, будет ли он когда-либо решен однозначно. Это означает, что в наши дни более перспективным надо признать поворот историка к обществу, а общество настраивает социализированного историка в очень значительной степени на следование требованиям персонализма. Причина проста: историческое знание, имеющее персоналистический или, шире, ярко выраженный антропологический вектор, востребовано интеллигентностью, думается, в наибольшей степени.

Ключевые слова: исторический персонализм, философия истории, историческая наука, историческое знание, исторические исследования, современный социум, адресация труда историка.

Андреев Анатолий Николаевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО МГУТУ им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), писатель.

Мистика как маркер гуманизма

В работе исследуются модели мистического мироустройства, которые отражаются в художественной литературе. В рамках первой модели человек ощущает себя *объектом* мистики, которая существует *помимо и вне человека*, пытаясь на него воздействовать. В рамках второй модели человек ощущает себя *субъектом* мистики, носителем мистического начала. В этом случае человек сам к себе относится как к явлению мистическому. Показано, как эти модели функционируют в литературе, — на материале произведений

В.Я. Брюсова, А.С. Пушкина, М.А. Булгакова, В.О. Пелевина. Выдвинуто положение о том, что мистика является показателем доминирования веры над сознанием (началом рациональным), и в этом смысле — трактовкой возможностей человека, а также способом его познания.

Ключевые слова: мистика, модель мироустройства, художественная литература, В.Я. Брюсов, А.С. Пушкин, М.А. Булгаков, В.О. Пелевин, психика, сознание, вера.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

Требования к предоставляемым материалам.

Материалы, предлагаемые для публикации в альманахе «Историческое обозрение», просьба присылать в редакцию с использованием электронной почты (сохранение в форматах DOC, DOCX, RTF). Объем статьи не должен превышать 40000 знаков (за исключением случаев, предварительно согласованных с редакцией в персональном порядке). Просьба придерживаться при наборе следующих параметров: поля по 2,5 см, шрифт 14, Times New Roman, междустрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине (заголовки по центру), абзац с отступом 1,25 см, автоматический перенос слов, контроль висячей строки. Нумерацию страниц при наборе просьба не проставлять. Ссылки даются в скобках в тексте с указанием фамилии автора или первых слов названия публикации и ее страниц: (Иванов, 1984: 656) или (Исторический сборник, 1967: 341). В конце материала (за исключением эссе и рецензий) должен прилагаться пристатейный список литературы, оформленный согласно ГОСТ. Просьба полностью указывать фамилию, имя, отчество, место работы или обучения, должность (должности), ученую степень и звание.

Порядок публикации

Не позже чем через месяц после представления материала автор будет уведомлен о решении редколлегии альманаха по вопросу публикации. В случае отказа в публикации редколлегия направляет автору мотивированный отказ. Все рукописи рецензируются. Редколлегия в обязательном порядке предоставляет рецензии по запросам авторов рукописей. Соблюдение авторских прав гарантируется. Редакция оставляет за собой право публиковать альманах в сети Интернет, а также предоставлять тексты статей в системы научного цитирования. Публикация бесплатная. Материалы, принятые к публикации в альманахе, не могут быть представлены в другие издания; в противном случае решение о публикации пересматривается. Автору каждой статьи предлагается бесплатный авторский экземпляр альманаха.

e-mail: iporadetel@mail.ru

Главный редактор альманаха: Алексеев Сергей Викторович